ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 28 (4470)

10 июля 1974 г. СРЕДА

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

НАРОДАМ присуще естественное стремление жить в мире и согласии со своими соседями, с другими нациями. Но во все времена находились политиканы, стремившиеся удовлетворить свою жажду наживы, власти, неограниченного господства путем разжигания конфликтов между людьми, ненависти, вражды. Не надо далеко ходить за примерами — совсем еще недавно многие деятели Запада понимали политику, международные отношения только как «холодную войну», а дипломатия была для них лишь лавированием в атмосфере недоверия, подозрительности и гонки вооружений.

Но времена меняются. Меняются, конечно, не сами по себе. И нам, и другим людям, кто умеет видеть и слышать, понятно — как и почему стала проясняться сегодня атмосфера на нашей планете и чья заслуга в том, что история человечества стала изменяться к лучшему...

Важно, что истерическим кликушам от «холодной войны» уже не удается заглушить голос тех трезвых политиков, государственных деятелей, которые реалистически думают о будущем своих народов, о том, чтобы в конце концов люди могли спокойно жить и заботиться о своих детях и внуках.

И не удивительно, что большинство людей с таким воодушевлением восприняли весть о важнейших документах, подписанных в результате нового этапа советско-американских переговоров на высшем уровне. Вчитываясь в строки этих документов, я вспоминал свою недавнюю поездку в Вашингтон и Нью-Йорк. В пределах короткого времени — всего шесть дней — мы, а нас в группе было около сорока человек, ощутимо почувствовали противостояние, с одной стороны, тех сил, что выступают за мир, а с другой — тех, что мира и по сей день не приемлют.

Людей, для которых главная забота — мир, мы много встретили в Америке. Навсегда запомнилось паломничество детей, педагогов и родителей к зданию ООН...

Да, как бы ни были тяжки шаги человечества к миру, оно делает эти шаги.

Вдумываясь в сущность целенаправленной миролюбивой деятельности нашей партии, ее Центрального Комитета, в подвижнический труд Леонида Ильича Брежнева, в его бесконечно напряженную, открытую для всех людей на земле работу, начинаешь уяснять глубинный смысл тех перемен, которые происходят сейчас в мире, несмотря на бешеное сопротивление всяческих провокаторов — от американских «ястребов» до маоистов.

Анатолий СОФРОНОВ

ШАГИ МИРА

Защитники мира и дружбы народов делают все, чтобы сохранить мир для расцвета всего человечества и для каждого человека в каждой стране, на каждом континенте. Таков, если вдуматься, глубокий смысл позиции СССР на переговорах, к которым были обращены взоры всего человечества. Как же нам, людям, познавшим всю тяжесть, горечь войны, не поддерживать те светлые перспективы, что раскрылись перед всеми народами в последнее время?!

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР подчеркнули:

«Принципиальное значение имеет зафиксированная в документах решимость США и СССР прилагать совместные усилия к устранению опасности войны и особенно войны, влекущей применение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, к ограничению и в конечном счете прекращению гонки вооружений, особенно стратегических, упрочению разрядки напряженности и распространению ее на весь мир».

Какие горизонты открываются теперь, какие возможности становятся реальными, осязаемыми! Здесь и крупномасштабные экономические проекты, и освоение новых источников энергии, и совместные разработки ученых, и сотрудничество архитекторов. Все это — на пользу обоим нашим великим народам и мирным людям всей земли.

Советские люди питают чувства искреннего уважения и дружбы к американскому народу. Я уверен, что и американский народ, подавляющее большинство американского народа, поддерживает политику, направленную на уменьшение опасности войны, на увеличение предпосылок для более прочного мира, на развитие более тесных и дружественных отношений между нашими странами, между всеми народами земли. Мы знаем: столь желанный и ныне столь зримо видимый прочный мир восторжествует на земле.

К нему и направлены наши шаги!

УКАЗЫ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении журнала «Мнатоби» орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся наградить грузинский республиканский журнал «Мнатобн» орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
5 июля 1974 г.

О награждении журнала «Ялав» орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся наградить чувашский республиканский журнал «Ялав» орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
5 июля 1974 г.

О награждении писателя Исбаха А. А. (Бахраха И. А.) орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в области советской литературы наградить писателя Исбаха Александра Абрамовича (Бахраха Исаака Абрамовича) орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
3 июля 1974 г.

СТО СТРОК ПУБЛИЦИСТИКИ

ОСЕТИНСКАЯ НОВЬ

Сергей МАРЗОЕВ

МОЙ горный край живет напряженной созидательной жизнью. Нынешний год особенно знаменателен для трудящихся Северной Осетии. Республика отмечает 50-летний свой юбилей и 200-летие добровольного присоединения Осетии к России.

История нашего маленького народа уходит в глубь веков, однако свою счастливую судьбу он обрел лишь в содружестве советских народов. Всего несколько десятков лет отделяют нас от той мрачной поры, когда Осетию называли краем беспросветной нужды.

История Советской Осетии вобрала события эпохального значения, и определить ее можно одним словом: возрождение. Там, где стояла жалкая крупорушка, сооружается промышленный гигант — Бесланский мясомолочный комбинат... В теснинах ущелий, на диком водопаде Пурт строится первая в стране высокогорная Гизельдонская гидростанция.

Раскованная народная энергия творила чудеса. Старый Владикавказ, город купцов и чиновников, в наше время стал мощным промышленным центром, городом вузов и студенчества, театров и дворцов культуры.

У каждого поселения своя история, своя судьба. Мое родное село Синдзикау, может быть, не самый яркий пример обновления и расцвета осетинской деревни, однако и его доля в этом говорит о многом. Здесь, например, жил и работал замечательный скульптор-самоучка С. Едзиев. На берегах Урсдона родился, сражался с белобандитами кавалер двух орденов Красного Знамени С. Тавасиев, ставший впоследствии известным советским деятелем, лауреатом Государственной премии СССР. Свой вклад внесли мои земляки и в осетинскую литературу. Не проходит и года, чтобы на книжной полке не появилась новая книга А. Царукаева или Ч. Айларова, В. Царукаева или Г. Агнаева, Т. Царукаева и других.

В селе три средние школы, своя гидростанция, турбаза, а целебные минеральные источники в заповедном ущелье привлекают сюда множество туристов со всей страны. Недавно центр села украсил Дворец культуры. Но больше всего урсдонцы гордятся тружениками полей и ферм. Доярки Надежда Мерзоева и Фуза Абиева избирались депутатами Верховного Совета Северо-Осетинской АССР. В июне председатель колхоза «Знамя Ленина» Дзастемир Каражаев избран депутатом Верховного Совета Союза ССР.

Это лишь отдельные штрихи к еще ненаписанному групповому портрету моих земляков.

...Осетинские писатели встречают славный юбилей республики новыми произведениями о дружбе народов, о замечательном пути, пройденном за годы Советской власти, в содружестве социалистических республик. В горах звенят песни о счастье и радостном труде, о ленинской партии, воля и мудрость которой возродили к новой жизни «край беспросветной нужды».

гор. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Город ОРДЖОНИКИДЗЕ. Памятник основоположнику осетинской литературы К. Хетагурову

СОЮЗ МОНГОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, УЛАН-БАТОР, МНР

В день 53-й годовщины монгольской революции советские писатели шлют вам, братскому Союзу монгольских писателей, искренние и сердечные поздравления.

Монгольские писатели, как и весь монгольский народ, активно участвуют под руководством Монгольской народно-революционной партии в успешном строительстве социализма. Растут и крепнут дружеские советско-монгольские литературные связи.

Желаем вам, дорогие друзья, больших успехов в создании новых произведений, способствующих процветанию вашей родины, братству и дружбе наших народов, наших литератур.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

...А СЕГОДНЯ ОНИ В КОСМОСЕ!

Фото ТАСС

А. ЛЕОНОВ,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза

СЧАСТЛИВОГО ПОЛЕТА!

КОГДА героическое становится обыденным, многие как-то склонны забывать, что природа остается той же, что она так же, как и раньше, ревниво скрывает свои тайны от пытливого человеческого взора, что каждый новый шаг в познании этих тайн требует не только прежней настойчивости, но и новых обширных знаний. Это в полной мере относится к освоению космоса. За последние годы значительно усложнилась космическая техника. Корабль «Восток-4», на котором впервые стартовал Павел Попович, был намного проще нынешнего «Союза». Сложнее стали и научные задачи, выдвигаемые ныне перед космонавтами. Сегодня член космического экипажа должен обладать более широким кругом навыков, уметь обращаться с большим числом систем.

С другой стороны, несравненно возросли и возможности человека, осваивающего космос. Если прежде ряд технических задач, решаемых в полете, имел самодовлеющее значение, то теперь из цели они превратились в эффективное средство, способствующее дальнейшим блистательным достижениям. Давно ли, например, осваивались способы маневрирования, взаимного поиска космических кораблей и стыковки. Каждый шаг на этом пути рассматривался, и по справедливости, как крупная победа. Нынче же стыковка «Союза-14» с «Селютом-3» — просто один из необходимых этапов, обеспечивающих проведение их совместных экспериментов.

В кабину космического корабля вошли двое: человек, уже побывавший на орбите прежде, и его товарищ, для которого полет за пределами земной атмосферы впервые. Думаю, что к этому второму полету Павлу Поповичу было вдвое труднее готовиться, чем к первому. Верно говорят, что самое трудное испытание в жизни — испытание славой. Он с честью выдержал ее двенадцатилетний натиск.

Инженер Юрий Артюхин, хотя он и впервые участвует в полете, также находится в отряде космонавтов давно. Я рад, что он получил теперь возможность взглянуть на родную землю с космической высоты.

Мальчишкой я мечтал летать и, следя за каким-нибудь самолетом, буквально чувствовал, как он врезается в плотный воздух, как «закладывает» виражи. Точно так же почти во всех подробностях ощущал я позже и свой предстоящий космический полет. Это удивительное чувство. Быть может, и у Юрия было что-то подобное. Если это так, мне хочется, чтобы переживаемое им в эти минуты реального полета полностью совпало с его земными представлениями.

Долгие годы, отданные подготовке к работе в космосе, не могут не отразиться на стержневых качествах человека, на свойствах его характера. Постоянная привычка докапываться до основ порученного дела, уважение к факту, к логике — вот те дары, которыми еще на земле наделяет космос человека, посвятившего ему свою жизнь. И еще он дарует ему неиссякаемую способность мечтать. Я думаю, что к моим товарищам, совершающим сегодня полет, полностью применимо сказанное когда-то .. Писаревым: «Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать... — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные... работы в области искусства, науки...»

ЛИТОВСКАЯ МУЗА НА ПРОСТОРАХ РОССИИ

«ОЧЕНЬ хорошее дело затеял наш Союз писателей — недели и декады русской поэзии в братских республиках. Поэтическое стало политическим, и, наоборот, политическое — поэтическим... Сознание дружбы народов стало нашим инстинктом — мы уже иначе не можем» — так писал 15 лет назад Михаил Светлов, вернувшись из Литвы, где проходил праздник русской литературы.

«Мы иначе не можем» — чувство взаимообогащающей дружбы, живительного братства, чувство единой большой прекрасной семьи еще раз проявилось во время Дней литовской литературы и искусства в Российской Федерации. Для участия в празднике из Литвы прибыла большая группа писателей — А. Белаускас, А. Балтакис, А. Дрилинга, Ю. Марцинкявичюс, Э. Матузявичюс, Ю. Мацявичюс, Э. Межелайтис, Ю. Накрошюс, В. Пальчинскайте, И. Пиктурна, А. Поцюс, П. Ращюс, В. Шимкус.

Литовская делегация во главе с ее руководителем секретарем ЦК КП Литвы А. С. Баркаускасом была принята в Совете Министров РСФСР. Гостей сердечно приветствовал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев. Во встрече приняли участие первый секретарь ЦК КП Литвы П. П. Гришкявичус, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро.

Дни открылись торжественным концертом в Кремлевском Дворце съездов, на котором присутствовали товарищи Ю. В. Андропов, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, М. С. Соломенцев, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев.

— Отец нашей поэзии Майронис писал когда-то: «Пусть звучат наши песни о мире широком». Песни имели, конечно, здесь символический смысл. Поэт желал своей любимой родине прекрасной, долгой жизни в братском содружестве народов, желал ей доброй славы и признания, — сказал в своем выступлении Э. Межелайтис. — Эта смелая мечта сегодня сбывается. И в том, что она становится действительностью, — безграничная заслуга России. Поэтому и хочется мне сегодня сказать сердечное «чючю» — спасибо вам, необозримые просторы земли русской, за то, что в лихую годину войны щедро делили вы хлеб и кров с тысячами литовских детей, за ту неоценимую помощь, которую оказали вы моему родному краю. Никогда прежде не был он столь могучим, столь полным жизненных сил. И он, мой край, не останется перед тобой в долгу, русский народ!

Выступая в Кремлевском Дворце съездов, Эдуардас Межелайтис не случайно вспомнил годы войны. Дни литературы и искусстве Литвы проходили в канун 30-летия освобождения республики от фашистской оккупации. На вечере в Центральном Доме литераторов Э. Межелайтис прочитал стихи, написанные 30 лет назад на орловской земле. Строки, навеянные памятью о минувшей войне, читали и другие участники этого большого вечера. Его открыл заместитель председателя правления Союза писателей РСФСР Ю. Бондарев.

— Большое искусство не имеет национальных границ, но оно имеет место рождения, неповторимые особенности родного крова, — сказал Ю. Бондарев. — В то же время в зрелую пору оно выходит за пределы родительского дома и уже принадлежит всем, всему человечеству.

Председатель правления Союза писателей Литвы А. Беляускас отметил в своем выступлении:

— Нас не может не радовать тот факт, что литовская литература переводится сегодня на 32 языка братских советских народов и 20 иностранных языков.

На вечере свои стихи читали поэты Литвы А. Балтакис, А. Дрилинга, Ю. Марцинкявичюс, Ю. Мацявичюс, Э. Матузявичюс, Ю. Накрошюс, Ю. Палецкис, В. Пальчинскайте, П. Ращюс, В. Шимкус и московские поэты — переводчики литовской поэзии на русский язык — Р. Казакова, Ст. Куняев, А. Межиров, Л. Озеров, Б. Слуцкий.

Секретарь правления СП СССР Заки Нури сказал, обращаясь к гостям:

— Считайте, друзья, что вы говорите с читателями не только тех городов, где станете выступать, — вас услышат читатели всей многонациональной Советской России — во всех автономных республиках, во всех краях, областях и национальных округах.

Дни литературы и искусства Литовской ССР в Российской Федерации пришли на берега Волги. В городе Горьком и в Ульяновске побывала большая группа художников, литераторов, деятелей театра и кино, возглавляемая секретарем ЦК КП Литвы А. С. Баркаускасом.

В Свердловске открытие Дней литературы и искусства Литовской ССР состоялось во Дворце молодежи, где собрались представители прославленных рабочих коллективов «Уралмаша», «Уралхиммаша», Уральского турбомоторного, Верх-Исетского металлургического и других заводов, писатели, композиторы, ученые, партийные и советские работники.

В яркую демонстрацию дружбы и братства вылились Дни литературы и искусства Литовской ССР в Воронежской области.

В областной библиотеке имени И. Никитина, где открыта выставка «Литература и искусство Литовской ССР», писатели Неманского края встретились с воронежскими литераторами.

Сувениры России янтарному краю. На снимке (слева направо): *Ю. Марцинкявичюс, Ю. Бондарев и А. Беляускас*

Фото Н. КОЧНЕВА

Дни советской литературы в Казахстане

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ НА ЗЕМЛЕ АБАЯ

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ВСЕГДА С ПАРТИЕЙ. ВСЕГДА С НАРОДОМ

КАК УЖЕ сообщалось в «ЛГ», с 20 по 27 июня в Казахстане проходили Дни советской литературы, которые стали праздником многонациональной советской литературы, праздником единства и дружбы народов.

В течение семи дней щедрая земля Казахстана была своеобразной трибуной форума, где чествовали советскую литературу и по-деловому обсуждали ее важные проблемы. Вслед за прошедшими с большим успехом Днями советской литературы в Таджикистане и Узбекистане праздник в Казахстане останется в памяти, как важная веха в современной литературной жизни.

Именно об этом и шла речь на заседании секретариата правления СП СССР, состоявшемся на днях под председательством первого секретаря правления СП СССР Г. Маркова.

— Дни советской литературы в Казахстане, несомненно, стали крупным событием в жизни республики, всей нашей многонациональной советской литературы, — сказал Г. Марков. — Хочется отметить несколько особенностей этого замечательного праздника творческого труда, участниками которого нам только что довелось быть. Дни литературы стали естественным продолжением такого выдающегося события в жизни нашей партии и всей страны, каким было празднование 20-летия героического подвига народа — освоения целинных земель, подвига, получившего столь высокую оценку в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в Алма-Ате. Примечательно и то обстоятельство, что Дни литературы проходили одновременно с другими важными событиями в общественной жизни Казахстана — например, со слетом лучших чабанов — выдающихся мастеров животноводства. Встречи писателей с читателями на просторах Казахстана проходили в период напряженной борьбы за урожай 1974 года, за новые успехи в развитии сельского хозяйства, промышленности. И этот факт еще раз подчеркнул неразрывную связь советской литературы с борьбой нашего народа за выполнение заданий четвертого года девятой пятилетки. Наша литература — часть созидательной жизни советского народа.

Отметив далее насыщенность программы Дней литературы, Г. Марков особо подчеркнул массовость этого события:

— По уточненным данным, в Казахстане состоялось 130 встреч и литературных вечеров, в которых приняли участие свыше 100 советских литераторов из различных республик, а также наши друзья-писатели из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, Югославии. По неполным подсчетам, в этом празднике приняли участие около миллиона тружеников города и села. Характерной чертой читательских аудиторий было не просто проявление любви к литературе, но и великолепное знание ее несметных богатств, ее современного поступательного развития.

Торжественность, свойственная вообще каждому большому празднику, еще раз подчеркнула значение той большой работы, которая будет иметь свое творческое продолжение.

— Дни литературы в Казахстане увенчались полным успехом, — сказал в заключение Г. Марков. — И это результат большой помощи и внимания ЦК Компартии Казахстана, Президиума Верховного Совета и Совета Министров республики, областных, городских и районных партийных организаций, советских, профсоюзных, комсомольских органов, всех трудящихся. Немалое содействие оказали печать, радио, телевидение и кинематографисты республики.

Большую работу проделал Союз писателей Казахстана. Литературная общественность, редакция газеты «Казах адебиети», писательский актив сделали все, чтобы обширная программа Дней была успешно реализована, многочисленные встречи с читателями прошли содержательно и интересно, чтобы писатели — участники Дней имели возможность лучше ознакомиться с жизнью и трудом народа. Секретариат также положительно оценил специальный выпуск газеты «Казах адебиети» — «Дружба народов — дружба литератур», посвященный Дням советской литературы.

На заседании развернулся оживленный обмен мнениями, в котором приняли участие С. Баруздин, Ю. Верченко, Е. Долматовский, В. Ильин, А. Кешоков, В. Кожевников, В. Косолапов, Ю. Кузьменко, Д. Ляшкевич, Заки Нури, И. Осипов, Л. Ошанин, А. Салынский, С. Сартаков, В. Сырокомский, В. Тельпугов, О. Шестинский.

Выступавшие были единодушны в том, что Дни литературы стали яркой демонстрацией советского патриотизма и интернационализма, новым свидетельством расцвета советской многонациональной литературы. На заводах Темиртау и Усть-Каменогорска, на предприятиях Алма-Аты, Чимкента, Зыряновска, Лениногорска, в шахтах Караганды, в целиноградских совхозах, на тучных пастбищах и овцеводческих фермах Южного Казахстана — всюду писатели были свидетелями трудового героизма. Литераторы встретились со многими замечательными мастерами сельского хозяйства и промышленности, героями труда, которыми так богат Казахстан. Конечно, неделя не очень большой срок, и все же и здесь, в Казахстане, писатели ощутили огромный масштаб созидательной работы, стремительный темп жизни. Здесь они познакомились с людьми, которые, возможно, станут героями их будущих произведений...

Видимо, прежде всего надо рассказать читателям о целине. Целине 70-х годов... Здесь происходят новые важные процессы, в частности в Целиноградской области. Проблемы дальнейшего развития целины, как известно, стоят в центре внимания Коммунистической партии и Советского правительства. Эти проблемы, естественно, должны привлечь внимание и нашей литературы, наших литераторов.

Бурно развивающаяся индустрия Казахстана, ее металлургия, машиностроение, шахты и рудники также должны быть вовлечены в орбиту писательского внимания.

«Литературной целиной» можно, к примеру, назвать и Восточный Казахстан, рабочий класс которого с каждым годом увеличивает свои ряды, наращивает мощь.

Большое место в писательских впечатлениях заняли встречи с партийными работниками Казахстана — людьми высоких идей и неутомимой энергии. Эти образованные, верные и преданные друзья советской литературы сами, по-видимому, станут важным объектом публицистического исследования...

Участники заседания подчеркнули в своих выступлениях, что поездка в Казахстан принесла писателям много ценного и важного материала, который, конечно, нужно продолжать собирать, накапливать, осмысливать... Путей такой работы — много, у каждого писателя — свой. Главное заключается в том, чтобы помочь литератору в создании будущего произведения на облюбованную им казахстанскую тему.

В этой связи секретариат правления СП СССР признал ценной инициативу журналов, которые намерены в ближайшее время направить в Казахстан свои бригады, чтобы подготовить очерки, публицистические выступления на «казахстанские темы».

Секретариат правления СП СССР отметил, что посвященные четвертому, определяющему году девятой пятилетки и 20-летию освоения целины Дни советской литературы в Казахстане, организованные СП СССР совместно с ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и республиканскими организациями, явились событием большого культурно-политического значения, и выразил сердечную благодарность Центральному Комитету Компартии Казахстана, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров республики, партийным, государственным, общественным организациям, коллективам заводов, фабрик, совхозов, колхозов, институтов и школ, а также работникам печати, радио, кино и телевидения республики за огромную помощь во время подготовки и проведения Дней советской литературы в Казахстане.

Секретариат правления Союза писателей СССР особо отметил плодотворную работу Союза писателей Казахстана.

За активное участие в проведении Дней советской литературы в Казахстане секретариат правления СП СССР выразил благодарность и наградил почетными грамотами Союза писателей СССР редакции газет «Казахстанская правда», «Социалистик Казахстан», «Казах адебиети», «Ленинская смена», «Лениншил жас», «Вечерняя Алма-Ата», редакцию литературно-драматического вещания телевидения и радио Казахстана, а также киностудию «Казахфильм».

* * *

На заседании был заслушан отчет руководителя делегации Союза писателей СССР О. Шестинского о поездке в Перу. Делегация, в состав которой входили также Р. Казакова, Хамид Гулям и переводчик Л. Синянская, проделала работу, которая была одобрена секретариатом.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

ПОБЕДИТЕЛЬ СТЕПЕЙ

ЧУДО летней земли — поля грядущего урожая. Мне казалось, они меняются на глазах: вчерашние светло-зеленые побеги сегодня стали чуть выше и гуще цветом. Назавтра — еще выше и сочнее. Всего четыре дня мы провели среди актюбинских степей и полей: много ли увидишь! Но желание понять и почувствовать человека, хозяина неоглядных просторов, было моим неизменным спутником в Дни праздника советской литературы на казахстанской земле.

Вот он с лицом, потемневшим от солнца, на полевом стане неторопливо пьет прохладный кумыс и, так же неторопливо, тяжело ступая, возвращается к работе. В неторопливости мне видятся уверенность и сила, ибо служение земле, как и служение искусству, «не терпит суеты». Он знает все о земле, он готов встретить любую непогоду, его руки цвета осеннего поля сохранят урожай.

И вот он же, одетый по-городскому, с поблескивающими орденами на лацкане, говорит о литературе с трибуны Дворца культуры, так же неторопливо и веско, как ступает по земле. Я слушаю его речь с чувством невыполненного долга.

Целиной по старой памяти называем мы распаханные и освоенные земли Казахстана. И нет нужды никому придумывать этим просторам новое имя, пусть и более соответствующее их сегодняшнему существу. В слове «целина» слышится по-новому осмысленные понятия «цель» и «цельность».

Цель — урожай. Трудными путями, но победительный, неохватный. Цельность — черта характера хлебопашца, его неторопливая сила и уверенность. А еще в слове «целина» слышится мне эпитет «целый». Целый народ, целая страна растят и собирают урожай на земле Казахстана.

Конь — издавна символ жизни в Казахстане. Теперь, несколько отступив перед железными конями, он не потускнел в своем значении. В дни праздников крылатые кони бурями вылетают на просторы стадионов.

Я никогда не забуду скачек 23 июня, когда вперед вырвались юноша на сером и девушка на вороном. Что греха таить, как и весь стадион, я желала победы девушке — так стремительно и неукротимо неслась она. Однако в последнюю минуту (показалось это мне или нет?) едва заметно она натянула поводья, и юноша пришел первым. Вздох огорчения пронесся по толпе, но огорченные вряд ли заметили, как озорно и радостно блестели глаза девушки. И впрямь, не было ли это состязанием двух сердец, где великодушное намеренно уступило своему избраннику, дабы он чувствовал себя гордым и сильным?

От этого праздника у меня осталось стихотворение:

Тот вечер накануне скачек
прохладен был, безветрен, тих,
он говорил:
— Ты из горячих, —
едва касаясь рук твоих,
Он говорил:
— Ты будешь завтра
на скачках впереди меня.
И день настал,
и ты внезапно
попридержала бег коня.

О, вряд ли кто заметил это
на пыльном финише крутом.
Но знала ты:
твоя победа
таилась в пораженье том.

Лев ОШАНИН

ДОРОГА К ГЕРОЮ

МЫ СИДИМ на берегу реки Ульбы в тени дерева, закрывающего нас от горячих лучей солнца. Прямо перед нами — резкие отроги Рудного Алтая.

Утром мы выехали из Усть-Каменогорска с его титано-магниевым и свинцово-цинковым комбинатами, на которых побывали вчера. Днем нас ждет Лениногорск. А пока — два часа отдыха после длинной дороги на Черемшанскую птицефабрику.

Птицефабрика уже дает тридцать миллионов яиц в год. Рядом строится вторая очередь... А на озерке, неподалеку, уже плавают тысячи уток: готовится «утиный комплекс»...

Секретарь Глубоковского райкома партии Б. К. Волков, рассказывая, все время посматривает на небо: вот если б дождь! Неожиданно выясняется, что Борис Кузьмич по образованию геолог.

— Вы все время говорите о сельском хозяйстве... А разве в районе много приходится заниматься геологией?

— Ого! — отвечает Борис Кузьмич.

Слушаю и вспоминаю... Впервые в мою жизнь Казахстан вошел в 1949 году, на Всемирном фестивале молодежи в Будапеште, в день первого концерта, на котором выступили члены советской делегации. Я писал тогда в книге «Дети разных народов» об этом:

А в партере ладони —
Красны, как с мороза, —
Вызывают нашу
Багланову Розу...

Эта юная, милая советская девушка в те дни была одной из самых ярких звездочек фестиваля.

Потом — целина... С тех пор, когда мы пишем о Казахстане, главным образом думаем о целине.

Но сейчас мы в Рудном Алтае. Здесь уникальная россыпь редких металлов.

Зеленый Лениногорск — бывший Риддер — вызывает у меня особый интерес. В дни моей юности в горах Кольского полуострова наши молодые предприятия учились у Риддера добывать и обогащать руду. Но какими несовершенными тогда были наши технические средства! Извлекая одни минералы, мы вынуждены были выбрасывать в отвалы другие. А здесь, в Лениногорске, извлекаются металлы: титан и магний, свинец и цинк и многое другое, — оставляя отвалам лишь пустую породу. Легкие и звонкие металлы. Металлы полета...

В душе и памяти навсегда остался Восточный Казахстан, край одержимых людей, людей полета. Начиная с секретарей обкома партии А. К. Протозанова и Ш. Ж. Жумагулова и кончая юной автокарщицей полиметаллического комбината, здесь живут и трудятся одержимые люди.

Мы были на Рудном Алтае лишь несколько дней, провели одиннадцать литературных встреч. Можно ли считать, что мы познакомились с краем? Нет, мы только ощутили его запах, только оглядели его удивительный контур. Но мы уже заражены необходимостью новых встреч.

Меня привела в Восточный Казахстан старая дружба. Теперь здесь появились новые друзья — и хочется сюда непременно вернуться.

Афанасий САЛЫНСКИЙ

ЗАГЛЯНУТЬ В ДАЛИ БУДУЩЕГО

СУХИЕ, раскаленные солнцем камни в руслах горных рек. Ровные до горизонта зеленые борозды полей, и над ними вращается радуга водяных струй, движущейся на могучих тракторных гусеницах... Клекот орлов и гиканье всадников на скачках, песни акынов, одетых в традиционные халаты...

Акын у микрофона... Скептик скажет, начиная читать эти строки: «Господи, да уж без микрофона-то теперь и на собрании захудалого жэка не обходятся!..» Да, но я не о технике, а о смысле жизни. Микрофон делает акына, выступающего перед большой аудиторией, совсем иным певцом, не тем, каким он был когда-то...

Представьте, что вы сидите на скамье под огромным брезентовым тентом, где вместе с вами — тысяча двести самых лучших чабанов Семиречья. Целый год они боролись за то, чтобы их отары были самыми большими в Талды-Курганской области. Уже были речи, почетные грамоты, призы и подарки. Уже подкатывал к сколоченной специально для слета сцене новенький «Москвич» — подарок одному из наиболее работящих и удачливых чабанов... А теперь все наблюдают состязание акынов.

Слева перед микрофоном, на стуле, — маститый старец. Уж он-то видывал всяких соперников! Его глаза посверкивают победно, он торжественно-спокоен. А перед ним — соперница, молоденькая девушка в длинном воздушном голубоватом платье.

Председатель жюри, сидящий в глубине сцены, подает знак: пора! Запел старый акын, ударяя по струнам домбры. Сидящий рядом со мной товарищ переводит:

— Старик поет о том, что он, конечно, не может рассчитывать на повышенное внимание аудитории: чабанам приятнее смотреть на очаровательную девушку и слушать ее птичий голосок... Правда, если бы его слушателями были женщины, а ему бы скинуть годков пятьдесят... Ну, ничего, ему есть что сказать, и поэтому он адресуется прежде всего к их разуму...

Девушка взяла иной ритм песни.

— О чем она поет? — шепнул я товарищу.

— О том, что ей, разумеется, не хватает мудрости, но люди ей помогли и передали ей свои мысли. Долго она собирала их мысли, и теперь, да простит ее старый акын, говорит она словами многих людей, в том числе и тех, кто даже старше его.

А дальше пошло нечто подобное фехтованию, только рапирами были песенные фразы — короткие, на одном вздоха.

Сосед едва успевал мне переводить, и он уже не шептал, потому что громкий хохот и крики сопровождали почти каждую фразу акынов. Смысл их песен был очень, очень жизненный. Они пели о том, что волновало всех.

Призы в итоге получили и старый акын, и его юная соперница.

И еще один момент на нашей поездки.

Станция Айне-Булак. Та станция, где в 1930 году состыковали рельсы строители Турксиба, шедшие со стороны Средней Азии и со стороны Сибири. Маленькая станция. Скромный, даже чересчур скромный обелиск с упоминанием об этом историческом событии.

Могучие заводы, современные шахты, первоклассные научно-исследовательские институты современного Казахстана — и... тридцатый год! Как много прошел народ от той поры! Тем больше поражает душу эта маленькая станция Айне-Булак. Я подумал о хорошем современном памятнике тем, кто в тридцатом году, в начале первой пятилетки, пришел сюда, в эти тогда пустынные места, и состыковал стальную магистраль Турксиба!

История — во всех своих красках — смотрит из всех уголков необъятной нашей советской земли. И так же, как люди сходятся в поколениях, прошлое сходится с настоящим и зовет, зовет заглянуть в дали будущего.

Григорий Коновалов и Николай Евдокимов на празднике в Джамбулском районе — Фото В. ШАГОВА

Слушая стихи... — Фото Л. ЛЬВОВА

Ануар АЛИМЖАНОВ, первый секретарь правления Союза писателей Казахстана

РАХМЕТ, ДРУЗЬЯ!

ДНИ советской литературы, проводившиеся в Казахстане впервые, стали большим событием в жизни нашей республики. На древней земле, давшей миру аль-Фараби и Абая, Махамбета и Ауэзова, собрались представители чуть ли не всех литератур нашей многонациональной Родины, друзья-писатели из социалистических стран.

Проведение Дней советской литературы в той или иной республике, в том или ином крае за последнее десятилетие стало доброй традицией, своеобразным методом активного общения писателей с читателями, методом знакомства и глубокого изучения жизни страны. У такого рода литературных мероприятий есть еще и другая цель — укрепление творческого содружества писателей одной республики с коллегами из других республик, городов, областей: ведь личное общение так способствует взаимообогащению, установлению более тесных контактов, налаживанию взаимных переводов.

Казахстан подарил многим нашим гостям новые темы, сюжеты, привел к новым героям. И это не удивительно. Говорят, что дорога дарит книги.

Приведу один пример. Наши соседи — писатели среднеазиатских республик — часто бывают у нас, давно и хорошо знают Казахстан. Тем не менее каждый приезд дает им новые впечатления, обогащает творчески. Мы рады были приветствовать на нашем общем празднике Б. Кербабаева, Миртемира, Ч. Айтматова, Р. Бабаджана, С. Эралиева, М. Каноата, К. Кирома, которые не единожды бывали на казахской земле. Уезжая к себе в Узбекистан, Миртемир сказал, что начал работать над новой поэмой о Капчагайском рукотворном море. Он встречался с проектировщиками — создателями этого моря, с рабочими Капчагая, руководителями районов и области, и под впечатлением всего, что увидел, что услышал, родились первые поэтические строки. Кутби Киром, автор книги о целине, приступил к работе над циклом стихов о Казахстане.

Участники Дней советской литературы воочию убедились, каких успехов достигла республика в экономике, в культурном строительстве. Казахстанская целина, Казахстанская Магнитка, канал Иртыш — Караганда, известные на весь мир промышленные районы, заводы и комбинаты, новые города и села в степи — все это детища социализма, плоды содружества народов, памятники нашему нерасторжимому единству.

Мы с радостью узнали, что многие из наших гостей, участников Дней советской литературы, собираются вновь приехать в Казахстан, что они открыли здесь для себя интересные темы, интересных людей. Так, Олег Смирнов сообщил, что в Казахстане непременно побывает бригада «Нового мира». Мы узнали, что пишет книгу о Казахстане эстонский прозаик Леннарт Мери; что Г. Редов намеревается написать очерк о людях целины; что Ю. Антропов, молодой прозаик, работавший когда-то в Усть-Каменогорске инженером-геологом, хочет вернуться в родные места и написать книгу о Рудном Алтае; что Олег Шестинский перевел новый сборник нашего казахского поэта Гафу Каирбекова «Тургайские волны», а Каирбеков, в свою очередь, перевел стихи Олега Шестинского. Примеры эти можно множить и множить.

Мы уверены в том, что отдача будет немалой. Об этом шла речь на заседании секретариата правления Союза писателей Казахстана. Было решено издать сборник, в который войдут стихи, очерки, путевые заметки, написанные по горячим следам казахстанских маршрутов. Выступившие на заседании С. Мауленов, К. Турсункулов, Ш. Муртазаев, Дм. Снегин, К. Мурзалиев отмечали, что Дни советской литературы, проведенные в канун 40-летия I Всесоюзного съезда советских писателей, явились еще одним убедительным доказательством нерасторжимой связи советской литературы с жизнью народа, ее подлинного интернационализма.

Дни советской литературы в Казахстане нашли широкое отражение в республиканских, областных, городских и районных газетах республики. Ниже мы публикуем несколько выдержек из материалов, напечатанных в прессе Казахстана.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ КАЗАХСТАНА

СЕРДЕЧНЫЕ СТРОКИ

В Дни советской литературы в Казахстане, в Семипалатинском Прииртышье, на поэтической земле, питавшей творчество Абая и Чокана Валиханова, где творил Достоевский, мы встретили поэтов разных народов Страны Советов...

Проведение столь многоцветного, яркого праздника литературы — огромнейшее событие культурной и политической жизни нашей республики. В жизни каждого из нас.

Э. ЕЛЕУБАЕВ,
рабочий совхоза «Арнатинский» Абайского района Семипалатинской области
(республиканская комсомольская газета «Ленинshil жас»)

Приезд к нам писателей, представителей многонациональной советской литературы, — событие радостное. Наши литераторы прочными узами связаны с тружениками сельского хозяйства, с рабочими. Много хороших произведений написано о добрых делах рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции. Я знаком с многими произведениями наших гостей, а теперь мне посчастливилось встретиться с ними лично.

С. АВДУЛЛАЕВ,
механизатор совхоза имени 50-летия Казахской ССР Тереноаенского района Кзыл-Ординской области
(кзыл-ординская областная газета «Путь Ленина»)

Трудящиеся нашей области, как и всего Казахстана, горячо и сердечно приветствуют представителей многонациональной советской литературы. Мы расцениваем проведение этих Дней в нашей Кустанайской области как знак высокого внимания к нашим труженикам и их делам... В области немало тех, кто может стать героем повестей, рассказов, романов, тех, кто представляет трудовую гвардию целины, ее гордость и славу.

А. БОРОДИН,
первый секретарь Кустанайского обкома партии, Герой Социалистического Труда
(кустанайская областная газета «Ленинский путь»)

Двадцать лет назад на полях Ленинградского района гуляли степные ветры да шумел ковыль. Сейчас это преображенная земля. Нынче хлеборобы нашего района засеяли зерновыми свыше двухсот тысяч гектаров. Лицо, жизнь целинных хлеборобов характеризуются не только производством зерна, оснащением хозяйств первоклассной техникой, но и большими потребностями в духовной культуре. В районе — 26 библиотек, в которых около трехсот тысяч томов художественной, общественно-политической, специальной литературы.

Дни советской литературы на Кокчетавщине вылились в яркий, незабываемый праздник дружбы культур и народов.

А. ДАВЛЕТОВ,
председатель Ленинградского райисполкома Кокчетавской области
(кокчетавская областная газета «Степной маяк»)

К 160-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова

ТАРХАНЫ

«МОЙ ГЕНИЙ ВЕКИ ПРОЛЕТИТ...»

ВСЕ БЫЛО так, как сейчас. Или, вернее, все сейчас так, как было раньше. Тихи и прохладны комнаты, время от времени мелодичный звон старинных часов наполняет их. Ветерок колышет воздушные занавеси на окнах, тонкий аромат цветов и луговых трав вливается в пространство комнат, а за чертой усадьбы хорошо видны и село, и поля, уходящие за горизонт, и молодые рощи — как островки в них, и поросшие лесами холмы, и неслышно струящиеся воды Милорайки. Здесь он бродил, полный мечтаний, переживал прочитанное, впитывал звуки русской речи, запечатлевал в памяти картины тогдашней деревенской жизни. Вокруг была родина, Россия, которую он любил глубокой, проникновенной любовью.

Писатели, приехавшие в Пензу для участия в традиционном Лермонтовском празднике поэзии — в нынешнем году он посвящен 160-й годовщине со дня рождения Михаила Юрьевича, — стали свидетелями поистине волнующего события. В минувшее воскресенье состоялось торжественное открытие Государственного музея-заповедника «Тарханы». С самого утра тысячи пензенцев, жители близлежащих районов и соседних областей приехали в село Лермонтово на автобусах, попутных машинах, пришли пешком, чтобы почтить память великого человека и великого гражданина, чтобы поклониться священным местам, которые взрастили его светлый гений.

Половина одиннадцатого. По широкой дороге, что ведет к часовне, где покоятся прах Михаила Юрьевича, началось торжественное шествие. Нескончаемой рекой тянутся к могиле люди, чтобы возложить живые цветы. Среди них руководители пензенской областной партийной организации и облисполкома, Министерства культуры РСФСР, писатели Москвы, Ленинграда, Тамбова, Воронежа, Пензы, гости из братских республик.

На поляне, неподалеку от усадьбы, начинается поэтический праздник. Открывая его, первый секретарь Пензенского обкома КПСС Лев Борисович Ермин сказал:

— Более полутора веков отделяет нас от лермонтовской эпохи, но его поэтический гений настолько велик, настолько изумителен, что все с большей силой привлекает к себе благодарных потомков. Тарханы — село, носящее теперь имя великого поэта, — малая часть Белинского района, в котором живут земляки Лермонтова. Они не только свято чтут его память, не только поклоняются его бессмертному таланту, но и помнят о той высокой ответственности, которую несут как наследники его свободолюбивых идеалов. На сегодняшний праздник собрались представители трудящихся всей нашей области. Собрались с хорошим настроением от чувства выполненного долга перед страной, перед всем советским народом.

В президиуме — секретарь Пензенского обкома КПСС Г. В. Мясников, заместитель министра культуры РСФСР В. М. Стриганов, секретарь правления СП СССР Ю. Н. Верченко, директор музея-заповедника «Тарханы» В. Арзамасцев и другие.

Председатель Пензенского облисполкома Виктор Карпович Дорошенко предоставляет слово кандидату филологических наук К. Вишневскому. Затем выступают доктор филологических наук И. Андроников, поэты М. Геттуев, Р. Братунь, Р. Бородулин, В. Гордейчев, М. Львов, Л. Хаустов, Л. Щипахина, В. Туркин, Д. Злобина, М. Румянцева, В. Сорокин, Ю. Панкратов. Они читают стихи о Лермонтове, Тарханах, Родине...

Величаво плывет над холмами торжественная музыка, звучат песни и романсы на слова поэта. Оканчивается торжественная часть. И вот уже первые экскурсанты проходят по комнатам старинного особняка. Видно, как нескончаемой вереницей идут они к дому, а затем растекаются по парку, поднимаются по каменным ступеням в домовую церковь, проходят в восстановленный музейными работниками «один из длинных флигелей» — Дом ключника и конторщика.

— Территория заповедника ныне увеличилась почти в десять раз, — рассказывает писателям Г. В. Мясников. — Теперь она занимает более 90 гектаров, и в нее, кроме тарханской усадьбы, составляющей основу мемориального комплекса, вошла также Апалиха — имение, в котором Лермонтов бывал у своих родственников Шан-Гиреев. Литературная экспозиция перенесена в церковь Михаила Архангела.

Надо сказать, что Пензенский обком партии как к первоочередному и кровному своему делу отнесся к решению о преобразовании музея-усадьбы в Государственный заповедник. При непосредственном участии работников обкома КПСС и облисполкома в дни Лермонтовского праздника прошла научная конференция «Лермонтов и Пензенский край». Во время поездок писатели имели возможность подробно познакомиться не только с культурой, но и с индустриальной и сельскохозяйственной новью этой благодатной русской земли. Они побывали на заводе ВЭМ, в старейшей в России картинной галерее имени К. А. Савицкого, в Государственном музее-усадьбе В. Г. Белинского, сказавшего некогда о Лермонтове: «Мы узнаем в нем поэта русского, народного, в высшем и благороднейшем значении этого слова, — поэта, в котором выразился исторический момент русского общества».

Здесь, в Пензе, произошла встреча отца Владимира Ильича Ленина, Ильи Николаевича Ульянова, с Марией Александровной, здесь они прожили несколько лет — И. Н. Ульянов работал старшим преподавателем физики и математики в Пензенском дворянском институте. Писатели с большим вниманием осмотрели музей-читальню И. Н. Ульянова.

Радио, телевидение, областная газета «Пензенская правда» в эти дни широко предоставляли слово гостям праздника — поэтам, прозаикам, литературоведам.

Вот только некоторые из высказываний писателей в дни Лермонтовского праздника:

Леонид ХАУСТОВ:

— На фронте мы всегда чувствовали в Лермонтове товарища по суровой военной жизни. И когда в блокадном Ленинграде мне попался в руки томик его стихов, он стал моим спутником на всех боевых дорогах. Надеюсь, встреча с Лермонтовым в Тарханах обернется новыми стихами, новыми замыслами, ибо из таких поездок возвращаешься творчески обогащенным.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ:

— Лермонтов настолько велик, что каждый находит в его творчестве тропинки для себя. Мы всегда сонзмеряли свои стихи с высокой лермонтовской гражданственностью.

Михаил ЛЬВОВ:

— Празднование дней поэзии Пушкина и Лермонтова — это выражение очень важных сторон духовной жизни нашего общества, истинной народности нашей культуры и истинного приобщения всего народа к великой культуре.

Когда писательская делегация уже покидала Тарханы, я попросила ее руководителя Ираклия Луарсабовича Андроникова поделиться своими впечатлениями от посещения заповедника.

— Я здесь не впервые, — говорит он, — и должен сказать, что здесь ныне создан удивительный музей. В нем чудесным образом сочетаются новейшие достижения музейной науки и искусства. В создании заповедника приняли участие не только местные научные сотрудники, но и Государственный литературный музей, Пушкинский дом, ЦГАЛИ, художники Ленинграда, труженики Пензенской области. Мне хочется особо отметить вклад старейшего лермонтоведа, одного из самых крупных специалистов в музейном деле И. П. Пахомова и главного хранителя Государственного музея А. С. Пушкина И. А. Гладыш. Они внесли живое ощущение эпохи, времени в обстановку усадьбы.

Нигде на свете нет такого места, как Тарханы. Вы въезжаете в Тарханы, входите в часовню, где погребен Лермонтов, вас охватывает горькое чувство — убит!

Вы входите в усадьбу — жив! Жив в нашей любви. В своем вечном бессмертии.

Я ВЕЗУ в Москву молодой зеленый лист. Он родился от дерева, что растет здесь, у тихого, подернутого утренним туманом пруда. Мощный ствол его венчает густая крона, подброшенная этим стволом ввысь, к чистому небу, к солнцу. Под дубом, окруженным литой чугунной оградой, всегда прохладно, сумеречно. По круто взбегающей тропинке мимо привольно раскинувшегося яблоневого сада иду к стоящему на полугоре дому — «деревянному, с мезонином, выкрашенному желтой краской». В нем почти половину своей жизни прожил гениальный русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. Это ему, тогда еще десятилетнему мальчику, обязано жизнью дерево, молодой лист которого спустя полтора века я держу в руках...

В. ПОМАЗНЕВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ПЕНЗА — МОСКВА

Фото автора

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

8 июля в Союзе писателей СССР состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между СП СССР и Национальным синдикатом писателей Италии. Соглашение подписали первый секретарь правления СП СССР Георгий Марков и руководитель Национального синдиката писателей Италии Альдо де Яко.

Подробно о соглашении будет рассказано в следующем номере «ЛГ».

ЛЕОНИДУ ЛЕОНОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

С 19 по 21 июня в Москве проходила научно-теоретическая конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Л. М. Леонова. Ее организовали МГУ имени М. В. Ломоносова, ИМЛИ имени А. М. Горького АН СССР, МГПИ имени В. И. Ленина и МОПИ имени Н. К. Крупской.

В работе конференции приняли участие исследователи творчества Леонова из более чем 50 городов нашей страны, а также литературоведы из ГДР и Польши.

Конференцию открыл декан филологического факультета МГУ профессор А. Соколов.

«Слово о Леонове» произнес заведующий кафедрой советской литературы МОПИ профессор Ф. Власов.

В докладе «Художник и время» заведующий кафедрой советской литературы МГУ профессор А. Метченко подчеркнул, что среди создателей выдающихся произведений советской литературы, уже ставших классикой, Л. М. Леонову по праву принадлежит одно из первых мест.

Своим вкладом в художественную практику и в эстетическую теорию Леонов развил горьковскую концепцию социалистического реализма как творческого метода, опирающегося на все духовные завоевания человечества.

Академик ВАСХНИЛ Н. Анучин (Московский лесотехнический институт) остановился на специальных вопросах лесного хозяйства, которые вызвали к жизни главную книгу Леонова — роман «Русский лес». Здесь в полную силу развился дар художника в соединении с талантом ученого.

Кандидат филологических наук И. Грознова (ИРЛИ) посвятила свой доклад леоновской концепции гуманизма.

Важная особенность Леонова в том, что он мыслит в широких масштабах всего человечества, затрагивает важные социально-философские проблемы времени, отметил заведующий сектором советской литературы ИРЛИ доктор филологических наук В. Ковалев. Творчество Леонова глубоко современно и по характеру мышления, и по органичной связи с наукой, и по самой своей стилистике.

О мировом значении творчества Леонова говорил профессор А. Овчаренко (МГУ). Леонов — крупнейший писатель-психолог. Изображая человека всеобъемлюще, он не останавливается перед глубинами человеческой души. Творческого бесстрашия требуют от Леонова те вопросы, которые он решает: человек и революция, человек и природа, человек и мир, человек и духовные накопления веков, — вопросы, волнующие всех людей на земле.

Г. Варм (ГДР) в докладе «Русский лес» и проблемы изображения эпохи» показал, что произведения Леонова определяют магистральную линию развития социалистической литературы.

Профессор Л. Ершов (ЛГУ) проследил эволюцию взглядов на творчество Леонова в советском литературоведении и критике.

Работа конференции продолжалась в секциях «Партийность и народность творчества Леонова», «Философско-эстетические проблемы творчества Леонова и современность», «Леонов и традиции русской классической литературы», «Леонов и проблемы советской и мировой литературы», «Художественное мастерство Леонова» и др.

На секционных заседаниях прочитано 77 докладов.

С большой речью на конференции выступил Леонид Максимович Леонов.

Отметив, что престиж эпохи мерится не только количеством воздвигнутых зданий и километражем проложенных дорог, но и качеством художественных произведений, созданных в эту эпоху, писатель затронул некоторые вопросы литературного процесса.

Поблагодарив участников конференции, Л. М. Леонов заметил, что вовсе не считает ее подведением итогов: «Деятельность моя далеко не закончена, и планов у меня очень много...»

ПЯТИГОРСК

Лермонтовский домик — сердце заповедника

Грот Дианы. Здесь Лермонтов был с друзьями за неделю до гибели

Гостиная в доме Верзилиных

Стол поэта

Фото Л. НИСНЕВИЧА

«СИНИЕ ГОРЫ КАВКАЗА, ПРИВЕТСТВУЮ ВАС!»

...НА КРУТО выгнутой, белой от солнца каменной боковине Машука находится аккуратная беседка с круглым, как мельничный жернов, основанием, тонкими «греческими колоннами и крышей, похожей на шапочку персидского воина. У этой знаменитой беседки с романтическим названием «Эолова арфа» часто бывал Михаил Юрьевич Лермонтов. Более того, в «Княжне Мери» он даже писал о ней. Отсюда, кажется, весь Кавказ виден, как на ладони, здесь особо остро чувствуется высота, и виды отсюда открываются такие, что дух захватывает от их неземной красоты. Вполне возможно, что строки «...Для меня горный воздух — бальзам; хандре к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь» родились здесь...

Первый раз в Горячих водах (так когда-то называлось селение, расположенное у пятиглавого Бештау) Лермонтов побывал еще в 1818 году. Мальчишкой, сопровождаемый бабушкой, Елизаветой Алексеевной Арсеньевой. На места будущей беседки тогда стоял казачий сторожевой пост, по ночам часто раздавались окрики «Кто идет?» да предостерегающе-тоскливое «Слушай!»...

В 1837 году, когда поэт был сослан в эти места, сторожевого поста уже и в помине не было — на его месте стояла беседка. Ее шлем венчал флюгер, вращающийся даже на самом малом ветру, а в беседку, вернее, в ее основание, был вмонтирован деревянный барабан, в котором находились две арфы. Стенки барабана имели отверстия, и когда он крутился вместе с флюгером, то в отверстия попадал ветер и, пробегая по струнам, выводил неприхотливую, но звучную «мелодию».

Более ста лет «Эолова арфа» молчала (барабан был разрушен) и лишь совсем недавно ожила вновь.

Именно с «Эоловой арфы» начал экскурсию по Пятигорскому мемориальному комплексу директор Лермонтовского музея Павел Евдокимович Селегей. В этот комплекс, кроме упомянутой «Эоловой арфы», входят еще и домик, в котором поэт жил в последние годы и в который, уже после дуэли, было привезено его тело; и грот Дианы, где Лермонтов был с друзьями всего за неделю до гибели; и дом генерала Верзилина, где на нездоровых каменных ступенях, ведущих в переднюю, Мартынов бросил вызов; и дом Уманова; и бывшие Николаевские ванны; и Эмануэлевский парк, описанный в «Герое нашего времени»; и Академическая галерея, где находился бывший Елизаветинский источник (здесь княжна Мери познакомилась с юнкером Грушницким); и знаменитый Провал...

Но главное — лермонтовский заповедный квартал... Здесь, кажется, каждый камень, каждая плита помнят поэта. И, честное слово, стоит только вглядеться вдаль, к подножию Машука, как можно увидеть — особенно в сумерках, — что по тихой, чуть с горбинкой улочке спускается невысокий усталый человек в мундире поручика Тенгинского пехотного полка; вот уже слышны его шаги, торопливые и легкие; вот он открывает скрипучую дверь каменной ограды, но прежде чем войти в чистенький, недавно побеленный домик с камышовой крышей, на несколько минут останавливается у высокого ветвистого дерева... На голой от старости ветке дает вечерний концерт скворец — горластый, крупный, с крапчатым опереньем... Заливается, как соловей. А может, нам только кажется, что Лермонтов именно здесь слушал пение скворца. Над головой действительно заливается скворец. Птица эта как живой экспонат — уж сколько сотрудники музея работают здесь, столько и помнят старого скворца, подражающего голосам разных своих собратьев.

Вот поручик входит в дом. Занимает он две крохотных комнатки, которые друзья зовут «лермонтовской половиной» (вторая половина отдана капитану А. А. Столыпину). На столе — приземистый походный заповедный самоварчик. Рядом — простенький молочник, поднос с резными краями, полотенце, на котором вышит герб Лермонтовых. В углу — походный колясочный сундук, узкая, аккуратно заправленная кровать — тоже походная, складная. Маленькие, подслеповатые окна выходят в мрачно чернеющий ночной сад. Надо не забыть закрыть их ставенками... И тишина. Тишина такая, что слышен ток крови в собственных жилах.

А утром (если, конечно, выпадает хорошая погода: и солнце светит, и ветерок уже разогнал остатки ночных облаков, и воздух прозрачен) с крыльца виден Эльбрус, обе его шапки. Лермонтов не раз стоял здесь, на этом крыльце, выходящем в сад, и смотрел, как играет в солнечных лучах далекая вершина...

Лермонтовский домик — сердце заповедника.

...Потом мы ходили с П. Е. Селегеем по выселенным уже домам мемориального квартала, рассматривали их. Павел Евдокимович давал пояснения:

— Вот дом Алябьева — здесь жил печившийся композитор в начале тридцатых годов прошлого века; вот школа — она, правда, построена в 1914 году, но мы ее сносить не будем, а разместим здесь конференц-зал, станем устраивать выставки. В 1924—1925 годах в этой школе располагалась детская коммуна, которую навещала Н. К. Крупская. А вот дом коллежского асессора Уманова, где Лермонтов часто бывал...

Нам передали дом Уманова, когда он имел низкий, почти «сидящийся» на голову потолок. Но при тщательном обследовании нашли потолок второй, более высокий, оклеенный бумагой. Какой же из них настоящий? После изучения пришли к выводу, что — второй, оклеенный бумагой. Оказывается, хозяева дома (уже после Уманова) решили, что дом с высоким потолком отапливать трудно, да и накладно для кармана, поэтому проложили дополнительные балки, прибили к ним доски...

Дом Уманова — самый старый в лермонтовском квартале — был построен в 1823 году. Разбирая штукатурку, срезая масляные напластования на стенах, мы обнаружили хорошо сохранившиеся листки календаря, датированного 1823 годом. Листки были прикреплены к стенке. Это и подсказало нам окончательно, каким же был внутренний вид дома. В те далекие времена в провинции существовала некая «мода» на оформление стен — их вначале оклеивали бумагой, а потом сверху наносили краску...

Так, шаг за шагом, сантиметр за сантиметром, по крохам идет восстановление дома Уманова. Он будет таким, каким его видел и знал поэт.

...Экскурсия наша закончилась поздним вечером, когда небо уже высветили частые звезды, а на Машуке зажгла свои «предупредительные» огни телевизионная вышка. Пришли в кабинет П. Е. Селегея. Здесь тихо, не по-летнему прохладно. На стене висит огромный, как оперативная воинская карта, план заповедника.

— Создание мемориала связано не только с растущей любовью к поэту (посетителей — река, люди идут, идут и идут поклониться Лермонтову), но и с причинами, так сказать, чисто практическими. Дело в том, что город непрерывно растет, строится. Пройдет еще лет семь — десять, и от старых улиц и улочек и следов не останется. Потому-то лермонтовский квартал и решено сохранить неприкосновенным. Будут снесены только дома, не имеющие никакого отношения к лермонтовскому времени, остальные же сохраним... Бережно, сверхбережно...

...Здесь Лермонтов жил, здесь творил.

Синие горы Кавказа,
приветствую вас!
вы взлелеяли детство мое;
вы носили меня
на своих одичалых хребтах,
облаками меня одевали,
вы и небу меня приучили
И я с той поры
все мечтаю о вас
да о небе.

В. ПОВОЛЯЕВ,
О. САЕНКО,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

ПЯТИГОРСК

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

ПОРА ЗРЕЛОСТИ

Дальний Восток... Край земли, давно переставший быть окраиной. Это земля, на которой пробуждается солнце, начиная свой путь по стране; это земля, богатая героями, подвигами ратными и трудовыми, талантами; это земля Арсеньева, Лазо, Фадеева, Сергея Третьякова, Павла Васильева, Асеева, И. Корытова (Совкредепова).

В годы битв с интервентами и белогвардейцами передовые прозаики и поэты Дальнего Востока встали в ряды борцов за освобождение от царского засилья, за власть Советов...

В одном из партизанских отрядов воевал Александр Булыга — человек, которого читающий мир узнал впоследствии как Александра Фадеева, автора «Молодой гвардии» и «Разгрома»...

Потом были годы мирного труда... Сюда, на «край земли», приезжали многие известные писатели — А. Гидаш, А. Безыменский, И. Сельвинский, Д. Алтаузен, Р. Ивнев...

В июне 1934 года в Хабаровске прошла первая Дальневосточная конференция советских писателей, выдавшая «свидетельство о рождении» краевому отделению СП; на ней же были избраны делегаты и в Москву, на I Всесоюзный писательский съезд. После конференции в Хабаровске начал издаваться литературно-художественный и общественно - политический журнал «На рубеже». Одним из первых редакторов журнала был назначен Александр Фадеев.

Появляются новые литературные имена: П. Комаров, П. Васильев, А. Гай...

...А сегодня литераторы-дальневосточники празднуют свой сорокалетний юбилей — пору творческой зрелости...

А. МОСКАЛЕВ

СОВЕЩАНИЯ

ЮНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Проблемам литературы, адресованной юному читателю, было посвящено республиканское совещание, созванное Союзом писателей Киргизии и Советом по детской и юношеской литературе СП СССР.

...Только за последние пять лет издательство «Мектеп» выпустило на киргизском и русском языках 361 книгу для юных читателей. Книги киргизских литераторов, пишущих для детей и юношества, издавались в Москве, Киеве, Алма-Ате, Ташкенте, Казани... Об этих произведениях, о дальнейших путях развития детской и юношеской литературы говорили и открывший совещание первый секретарь правления СП Киргизии Т. Асанаров, и докладчик кандидат филологических наук М. Сулайманов, и выступившие в прениях министр народного образования республики А. Каниметов, народный поэт Киргизии К. Маликов, секретарь ЦК ЛКСМ республики Дж. Туменбаева, действительный член Академии педагогических наук СССР А. Измайлов, писатели Ш. Бейшеналиев, И. Исаков.

С большим интересом были выслушаны выступления гостей, прибывших на совещание из Москвы, из многих городов братских союзных республик, — прозаиков, поэтов, критиков Я. Акима, А. Дорохова, И. Мотяшова, И. Муслима, Ж. Омирбекова, У. Раджаба, Л. Разгона, И. Токмакова, А. Чачибая, Ю. Яковлева, а также работников издательств, педагогов, библиотекарей.

В работе совещания приняли участие секретарь ЦК КП Киргизии К. Кулматов, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП Киргизии Т. Сарбанов, заведующая отделом культуры ЦК КП Киргизии Дж. Нусупова, первый секретарь ЦК ЛКСМ Киргизии А. Рысмендиев.

Встреча завершилась выступлениями писателей перед пионерами, учителями, тружениками сел.

Т. СЕТУНСКАЯ

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Чалого Б. И. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя Чалого Богдана Иосифовича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
28 июня 1974 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Ш. Биккола (Биккулова Ш. С.) орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя Шарипа Биккола (Биккулова Шарифа Сагадатулича) орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
1 июля 1974 г.

Д. ГРАНИН **ДИАЛОГ** Д. ХРЕНКОВ

Писатель — редактор, издательство... Из их содружества рождается новая книга. Какие проблемы приходится решать обеим сторонам, одинаково ответственным перед советским читателем? Об этом ведут сегодня диалог писатель Даниил Александрович Гранин и главный редактор Лениздата критик Дмитрий Терентьевич Хренков. В диалоге ставятся дискуссионные вопросы, к которым редакция намерена вернуться в процессе разговора на тему «Писатель и издатель».

ПИСАТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Д. ХРЕНКОВ. Тема «писатель — редактор, издательство» многосложна. И хотя обе стороны — единомышленники, активные участники одного большого и многогранного дела, сама тема эта, даже при полном совпадении взглядов на характер сотрудничества автора с редактором, разветвляется на множество проблем, больших и малых.

Д. ГРАНИН. Издревле известно, что нельзя объять необъятное.

Д. ХРЕНКОВ. Мне кажется, в нашем разговоре мы должны иметь в виду деловые контакты между двумя творческими работниками, а не между «договаривающимися сторонами».

Д. ГРАНИН. Содружество автор — редактор по своей природе диалектично, и поэтому тут не следует бояться противоречий. Поиски истины всегда связаны с преодолением пути, времени, прежних представлений, самокритики, наконец.

Д. ХРЕНКОВ. Естественно. Автор и редактор стремятся к одной цели, но способы достижения ее у них разные. Начнем с того, что они по-разному относятся к рукописи. Автор — как мать к любимому детищу, редактор — как врач, готовый помочь этому ребенку встать на ноги здоровым и сильным. Но вот первая проблема: написав книгу, автор хочет опубликовать ее и направляется в издательство...

Д. ГРАНИН. Позвольте заметить: не просто издать, а поскорее. Тут его подстерегает первая неприятность. Оказывается, план выпуска литературы утвержден, план редакционной подготовки тоже давно рассмотрен. Выходит, нужно ждать? Как ни странно, прогресс полиграфии не сократил сроков выпуска книг. Явись в Лениздат Пушкин, ему тоже наверняка пришлось бы набраться терпения...

Д. ХРЕНКОВ. Заблаговременным рассмотрением редакционных планов мы пытаемся навести порядок в издательском деле. То есть планировать не «кота в мешке», а конкретную рукопись, уже прочитанную редактором и одобренную издательством. Тогда создаются нормальные условия для работы издательства, полиграфических предприятий, книготоргующих организаций. Автору, например, совершенно не безразлично, каким тиражом будет выпущена его книга. Но собрать тираж, который максимально отвечал бы читательским нуждам, можно лишь после того, как работники библиотек и книжных магазинов внимательно изучат издательские планы.

Д. ГРАНИН. Значит, все-таки ждать?

Д. ХРЕНКОВ. Существует резерв.

Д. ГРАНИН. На который тоже стоит очередь, как в кинокассы с табличкой «Все билеты проданы».

Д. ХРЕНКОВ. Да, проблема серьезная. Она заслуживает внимания и даже особого разговора. Но мы уклонились в сторону. Начали ведь с того, что писатель написал книгу и направляется в издательство. В какое? Почему в это, а не в другое? Чем определяется выбор?

Д. ГРАНИН. Писателю важно увидеть свою книгу в руках читателя. Какое издательство поможет ему в этом, не столь важно. Ведь у нас в стране все издательства руководствуются одними идейно-эстетическими критериями. Сегодня редко кто из писателей имеет «свое» издательство. «Свой» журнал — да, есть. Выбор же издательства в большинстве случаев: существуют личные связи, образовалось «окно» в плане; прочитав в журнале новое произведение, издатели сами обращаются к автору с предложениями. Существует атмосфера журнала, но, к сожалению, не существует атмосферы издательства. Большей частью издательство — это учреждение, где я, писатель, имею дело с редактором, так же как в любом учреждении имею дело с принимающим меня служащим.

Д. ХРЕНКОВ. Не очень ли вы нас, редакторов, — под корень?

Д. ГРАНИН. Я не хочу сказать что-то обидное в адрес издательского редактора. Речь идет о том, что чувство локтя в журнале более сильно. Различны характер и сам стиль работы редколлегии и редсовета. Редсовет издательства не имеет того непосредственного общения с автором и его рукописью, как редколлегия журнала. Члены редколлегии, как правило, прочитывают рукописи, во всяком случае участвуют в обсуждении. Редсовет издательства лишен такой возможности. Мы обсуждаем итоги литературного года журнала, но не помню, чтобы обсуждали итоги литературного года и даже пятилетия издательства, уроки ошибок и удач издательства.

Д. ХРЕНКОВ. Вы говорите — «нет своего издательства». Но может быть, есть «свой» редактор, то есть тот человек в издательстве, ради которого вы, собственно, и несете именно сюда свою новую рукопись? Человек, которому доверяете, мнением которого дорожите...

Д. ГРАНИН. Признаюсь, мне нередко везло на хороших редакторов. Я с благодарностью вспоминаю работу с С. Разумовской, А. Рулевой, В. Друяном, И. Кузьмичевым. Все они разные, с разными подходами, но в каждом случае их усилия не пропадали даром. Из таких редакторов возникает особая фигура — редактор-друг. Он в равной степени заинтересован в твоей писательской судьбе и в издательских делах. Но встречаются другие редакторы. Мне тоже пришлось хлебнуть их мелочной, нудной опеки. Такой редактор читает рукопись «по-своему», он выискивает подтекст, намеки на секс, призыв к пьянству, предвзятое отношение к качеству трикотажа и т. д. и т. п. — одним словом, что угодно, только не то, что написано и что читает обычный читатель. Выбоины и разрушения, нанесенные подобной редактурой, нелегко восстановить.

Д. ХРЕНКОВ. Дело не в трудности восстановления. Плохо, что читатели все эти потери отнесут на счет автора. И при этом я не могу понять автора: как он мог допустить такое?

Д. ГРАНИН. Но ведь писатель — человек. Он хочет увидеть книгу изданной. На каком-то этапе это — главное для него. Иной же редактор так умучит, что автор готов рукой махнуть, лишь бы поскорее снять эту зубную боль... Я не оправдываю автора за малодушие. Только констатирую факт.

Д. ХРЕНКОВ. Конечно, и в нашей семье не без урода. Мы, издатели, сами пытаемся либо перевоспитать своего собрата, либо поскорее избавиться от него, если он перевоспитанию не подлежит. Да и на перевоспитание, как правило, нужно время. Вот и получается: мы его перевоспитываем, а он продолжает упражняться в рукописях... Вопрос вы поставили очень острый. Кто может быть редактором? Конечно, редактор — это профессия, и в принципе любой человек, овладевший суммой навыков и знаний, способен стать редактором. Но очень сложно определить, кого стоит учить на редактора. Ведь, кроме знаний и практических навыков, он должен обладать еще и вкусом, и пониманием слова, и чувством ритма, гармонии. Характеристику плохому редактору дать просто, хорошему же — трудно. Его отличие складывается из почти еле заметных признаков. Но в конечном счете именно ими нередко определяется успех совместной работы над будущей книгой в издательстве.

Д. ГРАНИН. Мне кажется, вы часто торопитесь. Видно, книжный голод позволяет издателю быть менее разборчивым при приеме и оценке рукописи. Иначе чем можно объяснить наводнение книжного рынка произведениями серыми, плохими? Это же профанация художественной литературы!

Д. ХРЕНКОВ. Вы неправы. Книжный голод может влиять на конъюнктуру рынка, но не на отношение редактора к рукописи. Издательские планы строятся так, что редактору отводится достаточно времени для работы над нормальной рукописью.

Д. ГРАНИН. Что значит — нормальной?

Д. ХРЕНКОВ. Рукописью, пригодной к редактированию. К сожалению, нам приходится заниматься и так называемым «доведением рукописи до кондиции».

Д. ГРАНИН. Доведением с помощью редактора за казенный счет. Но это — противоестественное дело. Зачем выпускать в свет еще одно серое или, скажем мягко, посредственное произведение? Ведь в результате «доводки» можно лишь что-то подправить. Если же редактор вынужден и может заниматься литературной обработкой, то не честнее было бы предоставить ему возможность писать собственные сочинения?

Д. ХРЕНКОВ. Вот мы и подошли к весьма важной, волнующей всех издательских работников проблеме. Речь шла о том, что автор вправе выбрать издательство. А редактор?

Д. ГРАНИН. Наверное, тоже.

Д. ХРЕНКОВ. Отнюдь. У него есть план-задание, есть обязательства перед своим коллективом. Право выбора у него скорее де-юре, чем де-факто. Между тем это право необходимо редактору, если он — по-настоящему творческий работник. Мне не обойтись тут без примера, и, простите, я не потянусь за далеким. Лично мне писатель Даниил Александрович Гранин — автор близкий. Его книги я читаю не по долгу службы, а потому, что они мне всегда интересны. Помню, как я впервые прочитал повесть о герое Парижской Коммуны генерале Домбровском. Романтика революции помогла мне увидеть в книге многое, может быть, даже больше того, что хотел сказать автор. Я, читатель, сам, по велению собственного сердца, определял место генералу Домбровскому среди своих любимых героев, таких, как Чапаев, Петр Заломов, Степан Кольчугин. Другие книги Гранина приглашали меня к не менее серьезным, чем повесть о Домбровском, раздумьям, подводили к проблемам, о которых я никогда прежде не задумывался, даже не знал о их существовании. Мне было интересно с «Искателями», хотелось включиться в споры, которые велись на страницах романа «Иду на грозу». Но редактировать я напросился бы только «Генерала Коммуны»... И вот вы приносите в издательство новую повесть «Эта странная жизнь...». Может быть, здесь вам, как ни в одной другой книге, удалось срезать пласты и проникнуть в самое сокровенное человека. Однако дело Александра Александровича Любищева для меня — чужое. Я чувствую, что философски не готов к пониманию его интересов и поэтому могу быть только читателем. Какой же выход из положения? По-моему, один: отказаться от редактирования этой повести.

Д. ГРАНИН. Что ж, позиция хоть мне и малоприятная, но честная.

Д. ХРЕНКОВ. Честная по отношению к автору. А по отношению к своему издательству?

Д. ГРАНИН. По-видимому, раз по отношению к автору, то, значит, и к издательству. И все-таки мне непонятно, почему редактор должен отказываться от редактирования, если считает вещь интересной. Ведь все равно он — не семи пядей во лбу и вынужден браться за работу над рукописями, материал которых ему мало знаком. Ведь в знании предмета, проблематики он никогда не сможет сравниться с автором. Но автору могут пригодиться и его вопросы, и сомнения, а главное — понимание вещи как явления литературного дела. И вот вопрос, который сразу же возникает: какой редактор нужен талантливой рукописи? По-моему, только хороший, даже очень хороший. Ведь средний оказать достойную помощь рукописи не может. Хорошая рукопись, как правило, несет ущерб при соприкосновении со средним редактором, а при встрече с хорошим — выигрывает. Не поэтому ли обычный редактор (да и издательство) склонен охотнее браться за работу над вещью заурядной, посредственной? В самом деле, заинтересовано ли издательство выпустить книгу хорошую вместо средней?

Д. ХРЕНКОВ. Трудно и с посредственной, и с хорошей. С посредственной — потому что приходится вести за собой автора, помогать ему что-то переделывать, что-то переписывать, становиться чуть ли не соавтором. С хорошей — потому что она, как правило, плод труда талантливого человека. А талант — всегда неожиданность, всегда выход из ряда, во всяком случае из прокрустова ложа привычных представлений. Мы, конечно, отдаем предпочтение рукописи сильной. Во-первых, общение с талантливым писателем при всех возможных трудностях, которые оно сулит, всегда поучительно и полезно для редактора — и по-человечески, и в профессиональном отношении. Во-вторых, приятнее выпускать хорошую книгу, чем посредственную. Ведь редактор — человек творческий. Он хочет выполнить свою работу не по касательной, а так, чтобы вместе с автором отдать будущей книге частицу своей души. Широко распространено выражение: режиссер должен умереть в актере. В театре эта истина давно не вызывает ни у кого сомнения. Нужна ли эта символическая смерть, нетрудно убедиться, прочитав после спектакля пьесу. Но ведь и редактор должен каждый раз умирать в книге, над которой он работает. Только с той разницей, что «смерть» режиссера происходит при всем честном народе, о чем крупными буквами сообщается в афише. Работа же книжного редактора почти всегда скрыта от читателя. Только в том случае, если книга получилась неудачной, рецензент ввернет ставшую уже сакраментальной фразу: «Куда смотрел редактор?» Для того чтобы правильно оценить работу редактора, нужно прочитать рукопись, в крайнем случае — сличить одну и ту же книгу, вышедшую в разных издательствах... И тем не менее настоящий редактор не может работать, не отдавая что-то от себя автору. Это тот случай, когда дающий действительно становится сам богаче, хотя ценность его отдачи трудно измерить.

Д. ГРАНИН. Мне интересен редактор как собеседник, как первочитатель будущей книги. По нему я проверяю, так ли все написано, как хотелось, правильно ли поймет меня читатель.

Д. ХРЕНКОВ. Но автору, видимо, важно знать не только мнение, но и замечания, которые возникли или могли возникнуть. Мне довелось, изучая архив Виссариона Саянова, познакомиться с его редакторской практикой. В частности, я проанализировал его замечания, сделанные на рукописях таких известных писателей, как О. Форш, М. Козаков, Д. Лихачев, А. Прокофьев, и других. Я смотрел на эти замечания и, может быть, впервые понял, как прав был М. Горький, когда утверждал, что редактор в известной мере учит писателя, воспитывает его. Саянов, как вы помните, прошел школу Горького, был его соредактором и по «Библиотеке поэта», и по «Литературной учебе». Меня удивила открытость разговора Саянова-редактора с автором, отсутствие малейшей попытки спрятать горькую пилюлю в подсахаренную облатку. Замечания же нередко оказывались столь серьезными, что автору даже предлагалось положить рукопись на полку и взяться за новое произведение. Кроме того, в них содержались предложения исправить фактические неточности, переписать отдельные главы и т. п. Как же отнеслись к ним авторы? Мне захотелось взять в руки книги и проверить. Удивительное дело — почти все предложения редактора были приняты. Почему такая маститая писательница, как Ольга Форш, сочла возможным принять почти все замечания Саянова? Ни ее, ни Виссариона Михайловича нет уже среди нас, спросить некого, и мне осталось одно: еще и еще раз продумать замечания редактора. С фактическими замечаниями все было проще. Но почему были приняты и конструктивные предложения?

Д. ГРАНИН. Видимо, потому, что замечания Саянова были не столько чисто редакторскими, сколько писательскими, то есть — человека, умеющего посмотреть на произведение как бы изнутри, как смотрит один изобретатель на работу другого.

Д. ХРЕНКОВ. Саянов вовсе не составляет исключения. Много лет с Лениздатом сотрудничала Вера Федоровна Панова. Каждый раз, когда она приносила в издательство новую рукопись, неизменно просила: «Дайте редактировать ее Лидии Андреевне Плотниковой». Плотникова была для Пановой «своим» редактором. Но отнюдь не «удобным». Тому, кто со стороны наблюдал их работу, вряд ли подумалось бы, что за столом встретились друзья-единомышленники. Во время работы звенели стрелы, лязгали мечи, грохотали громы и сверкали молнии. Наступала минута, когда обе стороны, опустошенные, «окровавленные», уже не могли продолжать сражения. Казалось, никакие силы не заставят их снова сесть за один стол. Но проходил день-другой — и работа возобновлялась как ни в чем не бывало. В конце концов появлялась новая книга. Вера Федоровна считала Плотникову ее «крестной матерью». Она, видимо, и ценила Плотникову за умение разжечь фантазию, вызвать на спор, чтобы проверять обоснованность характеристик, точность написанного.

Д. ГРАНИН. В обоих случаях — и с Саяновым, и с Пановой — идет речь о предложениях. Воля автора была — принимать их или нет. Он их принял, но правил рукопись, дописывал, переделывал сам. Тут все законно, все нормально с точки зрения элементарной этики. Но есть и другие случаи.

Д. ХРЕНКОВ. Да, есть и такие заявления авторов в издательстве: «Все, что требовалось от меня, я сделал. Теперь пусть поработает редактор». А работы бывает невпроворот. Вот самый свежий пример. Читаем мы одну рукопись и никак не можем решить головоломку. В одной главе герой назван Константином, в другой — Юрием, а фамилий у него оказалось целых три.

Д. ГРАНИН. Зачем издательство занимается с такими авторами? Почему оно проявляет нетребовательность? Ведь автор — так сказать, свободный художник, а издательство — организация государственная. Целый свод законов определяет его права и обязанности. Должна существовать, наконец, марка издательства. Это значит, что вот Лениздат держит свой уровень и не может выпустить книгу «нечитабельную», неинтересную. Я, покупатель, прихожу в магазин и вижу на обложке издательскую марку. Она как бы гарантирует, что брака быть не может. К сожалению, о марке издательства редко кто вспоминает. А это не просто вопрос о хорошей или плохой книге. Существует ли система поощрения качества произведения? Как я понимаю, не существует. В большинстве случаев в наших издательствах книги нивелируются — хорошие в средние. Правовое их существование одинаково. Припомните ли вы случай, когда Лениздат поощрил бы автора книги, получившей большой резонанс: то есть тотчас, в том же году, переиздал ее, выплатил повышенный гонорар, выделил на эту книгу лучший сорт бумаги, хорошего художника? Пока забота о хорошей книге стимулируется в лучшем случае морально, носит чисто эмоциональный характер. Так сказать, дело движет энтузиазм сторон. В поисках средств выделения лучших книг, мне кажется, и должна прежде всего проявляться позиция издательства.

Д. ХРЕНКОВ. Увы, издатели пока что лишены возможности действительно поощрить автора хорошей книги. О том, чтобы переиздать хорошую книгу в том же году, когда она вышла первым изданием, и речи быть не может. Тут не только Госкомиздаты, как мне кажется, не разрешат это сделать, но и писательские организации проголосуют против: «Почему это одного писателя должны издавать и переиздавать, а мы, сирые, сидим и ждем?» Не раз мы слышим эти слова или нечто подобное, когда речь заходит о переизданиях, о проявлении воли издательства. А ведь это неотъемлемая черта той самой позиции, о которой вы говорите. Однако позиция вырабатывается и отстаивается силами не одних работников издательства. Их должна подпирать своим мощным плечом общественность, и прежде всего писательская. Критерии вырабатываются нашими общими усилиями. Нередко же издательский редактор остается один против настырного, но недобросовестного автора, который хочет «протолкнуть» свое сочинение в свет. Нередко за него встают горой даже писательские организации. Сколько раз нам приходилось слышать: «Да, вещь слабая, но зато она написана на важную, современную тему». Или: «Автор не владеет композицией, да и с языком у него нелады, но проблему-то он поднял серьезную». А как част в наш адрес упрек такого рода: «Вот вы меня не издали, а в другом издательстве выпустили мою книжку». Действительно выпустили. Читаем книгу и видим, что ничего автор не переделал, и выпуск книги нисколько не поколебал нашего отношения к ней.

Д. ГРАНИН. Существует важный способ выработки единых критериев в оценке произведений художественной литературы. Я имею в виду издательскую политику, понимаемую в самом широком смысле слова, политику, которая учитывает не только интересы работающих ныне писателей, но прежде всего интересы читателей. Для нас и для нас главное в развитии литературного процесса, как это следует из постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», — создание обстановки высокой требовательности, непримиримости к произведениям серым. В какие бы современные одежды они ни рядились, каким бы злободневным темам ни были посвящены. Дурно написанная книга — идейно слабая книга, объективно наносящая вред и литературе, и читателю. И когда думаешь об этом, невольно снова и снова обращаешься к тем площадкам, где впервые проверяется достоинство будущих книг, — к редакциям журналов, к издательствам.

С МЕСТА СОБЫТИЯ

УЗЫ ДРУЖБЫ

В Эстонии прошли Дни литературы и искусства Украинской ССР. Писатели О. Гончар, М. Стельмах, В. Бровченко, О. Килимник, М. Олейник, М. Сынгаевский, Д. Павлычко познакомились с жизнью республики, побывали в ее промышленных и сельских районах, выступили перед читателями.

Корреспондент «ЛГ» Р. Наар обратилась к первому секретарю правления Союза писателей Эстонской ССР В. БЭЭКМАНУ и О. ГОНЧАРУ с просьбой поделиться впечатлениями.

В. БЭЭКМАН:

— Дружба литератур, как правило, начинается с взаимных переводов книг, и чем больше становится переводов, тем прочнее дружба...

Наступает пора, когда особое значение приобретают личные контакты писателей с писателями и писателей с читателями. Это бывает после того, когда уже состоялось первое, заочное, знакомство, когда разбужен интерес...

Мне кажется, в литературных связях Украины с Эстонией такой момент наступил. Десятки книг, переведенных за послевоенные десятилетия с украинского на эстонский и наоборот — с эстонского на украинский, создали благоприятную почву для прорастания семян дружбы.

Мы придаем большое значение недавно прошедшим Дням литературы и искусства Украинской ССР в Эстонии. Эстонские читатели, да и сами писатели неоднократно встречались с мастерами слова Советской Украины. Думается, обоюдная польза от такого общения не подлежит ни малейшему сомнению. Намечены дальнейшие пути к укреплению взаимных связей.

В этом — великая миссия праздников культуры.

Олесь Гончар и Михаил Стельмах у памятника Юхану Смуулу на острове Муху

Фото П. КУЗНЕЦОВА

О. ГОНЧАР:

— Как мы и надеялись, наше познание братской Эстонии стало значительно глубже, а главное — мы ближе узнали ее людей — прекрасных, сильных, смелых, благородных.

В течение напряженнейшего «марафона» по многим городам и районам мы не раз с благодарностью вспоминали наших друзей — писателей, открывших нам в своих произведениях характер эстонцев, рассказавших о прошлом и настоящем своей родной земли. Мы убедились, насколько правдиво они повествуют о жизни народа.

...На острове Муху — откуда родом Юхан Смуул — меня снова охватило чувство восхищения перед писателем. Как талантливо сумел он подметить главные черты своих земляков-островитян!

Мы рады сознавать, что наряду с Юханом Смуулом на Украине хорошо знают творчество Сяргава и Леберехта, Хинта и Куусберга, Э. Бээкман и В. Бээкмана, Промет и Гросса, других прозаиков, поэтов, драматургов. Мы надеемся, что в скором времени этот список увеличится. В Эстонии хорошо знают украинскую литературу. За это мне хочется искренне поблагодарить республиканские издательства и переводчиков — сердечных друзей украинских писателей.

Я уверен, что закончившиеся Дни послужили ярким доказательством великой роли литературы и искусства в укреплении дружеских связей между народами нашей страны.

ТАЛЛИН

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В. Ш. АВАЛИАНИ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по грузинской литературе направили Владимиру Шалвовичу Авалиани приветствие:

«Поздравляем Вас в день Вашего славного юбилея — шестидесятилетия со дня рождения.

Радостно сознавать, что к своему юбилею Вы пришли с интересной творческой биографией, пройдя богатый событиями жизненный путь. Коммунист, общественник, художник-график, писатель, воспевающий жизнь рабочего человека, — таким мы знаем Вас, таким Вас знают Ваши многочисленные читатели.

В Ваших новеллах, рассказах, повестях правдиво и ярко отображены наша жизнь, ее героические будни, рождение новых взаимоотношений между советскими людьми.

Наиболее полно раскрылись Ваши способности в многотомном романе «Новый горизонт», талантливо отображающем жизнь и быт грузинских горняков. Почти двадцать лет жизни Вы отдали этому благородному труду, и роман Ваш стал подлинной летописью жизни и героического труда шахтеров Грузии. Желаем Вам долгих лет жизни, крепкого здоровья и новых творческих успехов».

В. А. НАЗАРЕНКО — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Вадима Афанасьевича Назаренко секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Ваши товарищи по литературному труду сердечно поздравляют Вас с 60-летием со дня рождения.

Ваши книги и статьи стали за эти годы одним из тех обязательных элементов литературы, из которых складывается живой литературный процесс.

В ваших работах сочетаются высокий вкус и взыскательность, проницательные наблюдения над художественной структурой произведения и острая мысль.

Ваша принципиальность и способность к бескомпромиссной полемике отчетливо выражены в Ваших литературных трудах.

Нас радует, что Вы постоянно расширяете круг своих творческих интересов, что, оставаясь внимательнейшим аналитиком процессов, происходящих в русской литературе, не оставляете без своего внимания и проблемы, стоящие перед искусством кино, живописи, цирка.

Желаем Вам счастья, воплощения всех Ваших творческих планов и замыслов в новые книги».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

В. Д. НЕВЕНЧАННОЙ — 50 лет

Исполнилось 50 лет Валентине Дмитриевне Невенчанной. В связи с этим секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе направили ей приветствие, в котором, в частности, говорится:

«...Вы пришли в литературу в послевоенный период, совмещая художественное творчество с педагогической и общественной работой. Начиная с 1956 года Ваши стихи, публицистические статьи и очерки появляются в коллективных сборниках, выходят отдельными книгами («Ласточка», «Голубые дороги», «Здравствуй, село» и др.). Одной из центральных тем Вашего творчества является тема воспитания подрастающих поколений в коммунистическом духе. Лучшие Ваши стихи отличаются ясностью мысли, яркостью образов.

Мы знаем Вас как активного общественника — ряд лет Вы были ответственным секретарем Крымской писательской организации, депутатом городского Совета депутатов трудящихся Симферополя.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ГРАНИ РАБОЧЕЙ ТЕМЫ

ОБЫКНОВЕННАЯ НЕОБЫКНОВЕННОСТЬ...

Г. ЩЕННИКОВ

Статьей Б. Анашенкова «Литературная газета» (№ 1, 1974) начала обсуждение произведений о рабочем классе, созданных в последние годы. Сегодня, продолжая разговор, в котором уже приняли участие писатели, критики, читатели («ЛГ», №№ 6, 7, 9, 10, 13, 19, 24, 25), мы публикуем статью Г. Щенникова.

КОГДА говорят об успехах документальной прозы, вспоминают острые хозяйственные проблемы, поднятые публицистами. Когда упоминают о ее слабостях — ссылаются на жанровую сложность «невыдуманного» рассказа или повести. В том и другом случае — это «ведомственный» подход, с точки зрения задач и природы одного литературного цеха. Однако опыт документалистов может оказаться поучительным и при анализе общего литературного процесса.

Критик Б. Анашенков в статье «Грани рабочей темы» («ЛГ», № 1, 1974) усматривает принципиальное новаторство современной литературы о рабочем классе во все более частом выходе ее за пределы производственной тематики. Он приветствует все виды опосредствованного изображения рабочей психологии: в любви, в семье, в быту — все разнообразие естественных, «ненавязанных» ситуаций, в которых рабочий предстает полнокровнее, живее, чем в некоторых традиционно заводских конфликтах.

Со всем этим можно бы и согласиться. Но в рассуждениях критика сказалось — по-видимому, ненамеренно — отношение к производственной теме как к материи, заметно утратившей в наши дни художественные потенции. Производственные ситуации в литературе часто воспринимаются читателями именно как заданные, функциональные, специальные. А в обществе, как утверждает другой критик, растет пренебрежение «к слишком специализированному... мышлению, чувствованию: люди, как воздуха, хотят, жаждут сути и целого»... (Вл. Гусев, «ЛГ», № 2, 1974). Замечено верно. Но «специализированное мышление и чувствование» — это не только тип сознания, это то, чему мы отдаем большую часть своей жизни...

Влечет ли сам по себе производственный материал, оказавшийся в руках писателя, к подобному специализированному мышлению? Насколько в самом этом материале заключены объективные свойства, способные сделать его эстетически ценным предметом, образно говоря, Ипокреной — источником истинного вдохновения? И не зависит ли выявление этих свойств — художественных резервов производственного материала — от определенных принципов отбора и обобщения?

Эти вопросы и побудили меня обратиться к литературе, которая по долгу службы и совести на обходит индустриальный быт, — к документально-художественной прозе о людях труда.

НЕКОТОРЫЕ литераторы полагают, что в наши дни, когда в судьбах людей отразились эпохальные сдвиги, факт приобрел самостоятельную (без помощи фантазии) художественную выразительность. Важно уметь видеть факт. И действительно, многие очеркисты умеют показать факты необычайно емкие, глубокие по заключенному в них смыслу.

Зорким взглядом обладает В. Гербачевский, автор очерка «Неделя на карьере» («Подъем», № 3, 1973). Он выбрал бесхитростную форму: дал «протокольную» запись рабочей недели главного инженера Васина, исполняющего обязанности директора железорудного комбината. Каждый день Васину приходится решать множество вопросов. Среди них всегда есть главный — тот, от которого зависит выполнение плана. Из совокупности этих задач возникает проблема, ради которой написана «хроника»: план и хозяйственник. План 9-й пятилетки, рассчитанный на ритмичную работу всех хозяйственных звеньев, побуждает толкового командира на ходу отказываться от старых, «эмоциональных» методов управления, ставить его на научную основу, улучшать организационную структуру, развивать специализацию.

И еще вот что любопытно: решение местных и частных задач заставляет Васина мыслить в масштабах всей КМА, более того — принимать в расчет и общие проблемы железорудной промышленности, и общие хозяйственные потребности Черноземного центра. Сегодня нельзя быть хорошим хозяином своего участка без заботы общегосударственного характера. Эта мысль и определяет развитие «хроники». Автор дорожит деловой направленностью своего очерка. К хронике Гербачевского вполне применимо определение, употребленное когда-то по поводу хорошего рабочего романа: это опоэтизированный производственный отчет.

Разумеется, в произведении такого типа характеры действующих лиц могут раскрыться полнее всего именно в труде. Васин — каким он изображен на карьере и в директорском кабинете — выглядит талантливым инженером и руководителем, но его трудно представить как человека. (Специальные «беллетристические» бытовые детали смягчают некоторую сухость повествования, но не делают человека понятнее.) Между тем герой очерка мог бы представить оригинальной личностью, если бы автор открыл в его трудовой деятельности не только требования плана, но и личные, психологические побуждения. Это углубление в «функциональную» психологию позволило бы автору поставить еще одну интересную проблему: от руководителя сегодня требуются не только большой профессионализм и умение широко мыслить, но и значительный человеческий, социально-нравственный потенциал.

Быть может, автор слишком доверился говорящей силе самих фактов? Может быть, счел неловким домысливать за живого человека, «навязывать» ему психологию? А не проявилось ли в этой недоговоренности недоверие к производственной психологии как субстанции важной, но «малохудожественной»?

Героя-повествователя в «Синарском романе» А. Филипповича («Урал», №№ 1, 2, 1973) как раз волнует проблема художественной специфики документального жанра. Этот герой — писатель Никитин — задумал создать роман о реальных людях — рабочих Синарского трубного завода. Сначала он ищет в заводском быту «занимательный» сюжет, подгоняя свои впечатления под литературные трафареты: то увлекается идеей показать обиженного изобретателя, то выискивает «романтические события» в истории завода... Но постепенно убеждается: писать книгу о сегодняшнем дне надо по-новому, без нарочитых конфликтов и избитых приемов. И решает: буду изображать будни, как они есть, показывать обыкновенное и невыдуманное.

Эта программа — творческое кредо и самого автора: он хочет раскрывать гражданский смысл обыкновенного. Но, считая, что смысл этот можно увидеть во всем, автор отказывается от отбора наиболее значимых фактов. В повести А. Филипповича сказалось замеченное Б. Анашенковым стремление современных прозаиков к «гуманизации подробностей производственного быта». Но в ней обнаружились и уязвимые стороны этой тенденции.

Когда на факт накладывается сверхнагрузка, которую он не сможет выдержать, когда из него пытаются извлечь максимум «человеческого» смысла, факт этот порой как бы подвергается художественной деформации.

В повести немало места отведено рассказу о небольшой производственной травме у работника цеха. Автор хочет через эту деталь показать, как много внимания уделяет сегодня здоровью рабочих руководство завода, и заставляет начальника цеха так отреагировать на него: «Что ты будешь делать! За весь прошлый год одна травма, а тут!..» И это первая реакция на известие! Но ведь так может откликнуться на беду лишь бюрократ, которому показуха дороже человека, а не душевный, чуткий человек!

Можно понять пристрастие автора к «мелочам»: ведь его больше всего занимает заводская нравственная атмосфера, которая как будто и складывается вся из этих «мелочей». И вот что упускает из виду А. Филиппович: разные жизненные пласты, поднятые в его книге, вступают в «реакцию соединения» и обесценивают смысл дорогих автору штрихов.

В качестве одного из возможных сюжетов задуманного романа Никитин рассказывает о происходившей десять лет назад технической реконструкции литейного цеха, в котором карусельная технология, сильно загрязняющая воздух, была заменена полунепрерывной отливкой труб. Борьба за «полунепрерывку» была подлинной эпопеей целого коллектива. И в сравнении с этим событием слишком уж незначительными выглядят «мелочи», которые ныне занимают синарцев в романе Филипповича, как будто с перестройкой цеха решены все проблемы.

Отказавшись от сюжета, который «свел» бы для решения неотложных заводских проблем его героев, автор заставляет их то и дело исповедоваться в своих убеждениях по всякому незначительному поводу. Это придает повествованию некоторую риторичность. В соседстве с такими фрагментами намного естественнее и выразительнее выглядят простые, «неидеологизированные» сцены житейского быта. В результате у А. Филипповича быт оказался богаче красками и эмоциями, чем производственный материал, но зависит это не от природы данного материала, а от неудачных способов его отбора и обработки.

Современная документальная проза жанрово многообразна. В ней есть произведения не только хроникально-эпические, но и лирико-публицистические, например повесть П. Лебеденко «Люди как реки...» («Дон», № 1, 1973). Это биография одного из героев труда, знатного шахтера Владимира Георгиевича Апалькова, правдивый и взволнованный рассказ о нем.

Истоки трудового героизма автор видит в традиционных коренных чертах советского рабочего — в его влюбленности в свою рабочую профессию, в его высокой ответственности за выполняемый им труд. Впрочем, и в самом традиционном Лебеденко улавливает нечто новое. В давно известном типе рабочего-энтузиаста (который представляется некоторым романистам категорией давно исчерпанной), в проявлении энтузиазма. В. Г. Апальков не ставит рекорды: ежедневным наращиванием темпов проходки он превращает в норму то, что раньше могло быть лишь рекордом — единичным скачком выше нормы. А еще — и это всего важнее для автора — в духовной обеспеченности такого труда-подвига: за ним стоит исключительно высокая сознательность не одного человека, а целой бригады. И писатель хочет показать, как воспитывается эта сознательность, как закаляется рабочая совесть. Поэтому он выбирает конфликты морального плана. Он использует определенный «минус-прием»: не дает ожидаемых читателем сведений об обновлении техники проходки, о новаторских принципах в организации труда. Этим «минусом» он как бы предупреждает читателя: не думай, что успех обеспечен одной технологией, главный источник его — особый моральный климат, созданный Апальковым в бригаде.

Но нравственную атмосферу создает не только воля людей, а и объективные условия их жизни, труда. Не все зависит — как вольно или невольно получается у П. Лебеденко — лишь от личного совершенствования.

По-видимому, автор избегал производственных деталей из боязни, что они могут нарушить стиль его повести как высокой биографии человека романтического склада и поэтому подробнее рассказал о поэтических эпизодах из молодости Апалькова, чем о его шахтерском труде. Здесь налицо некоторый перекос...

П. Лебеденко обратился к жанру необходимому, он взялся за кардинальную задачу: показать крупным планом героя времени. Но чтобы жанр этот не превратился в идеализированное жизнеописание, важно связать общественные и производственные ипостаси личности, воссоздать их во всей своей сложности и богатстве.

Так сделано в повести М. Поповского «Бальзам Фьерабраса» («Простор», № 10, 1972). Это тоже повесть о герое времени, но не о рабочем, а о крупном ученом-фармакологе. Но это не только лирическое повествование о таланте и духовной силе человека. М. Поповский поставил интересную проблему. Он увидел, что научные успехи профессора Н. В. Лазарева обусловлены теми качествами, которые, с точки зрения «академистов», являются вторичными, случайными чертами «солидного ученого», например организаторскими способностями, темпераментом и даром популяризатора. Более того, в личных достоинствах профессора очеркист усмотрел принципиальные особенности ученого новой формации.

Разумеется, заключения автора показались бы декларативными, если бы необходимость лазаревских свойств не «выводилась» из потребностей самой науки. Поэтому М. Поповский рассказывает не только об ученом, но и о судьбе его открытия. Писатель рассказал о специфике этого труда — не научного поиска вообще, а того, который ведется в особой отрасли медицины — фармакологии.

Если профессору Н. В. Лазареву удалось сделать больше своих коллег, то именно потому (и это показывает автор!), что он острее других осознал значение «научного конвейера», передачи от одного исследователя к другому все новых достижений смелой творческой мысли и почти непосильного труда, которого наука требует от каждого подлинного ученого.

Но идея «конвейера» не специфическая, а общенаучная задача XX столетия, когда многое зависит и от быстроты распространения информации, и от содружества ученых. Поэтому повесть М. Поповского о фармакологах не может не волновать всякого научного работника, более того — всякого человека, работающего в творческом коллективе: ведь в ней взаимопомощь и поддержка коллег по профессии представлена как подлинная панацея века — настоящий бальзам Фьерабраса: она дает и необычайные научные результаты, она же открывает и в самих людях неведомые им самим возможности и таланты.

...Я не случайно заключаю свою статью анализом этой повести. В ней изображение трудовой деятельности героев и раскрытие их характеров тесно взаимосвязаны. Такой художнический подход к материалу позволяет открывать в нем все новые глубины, показывать образ современника в движении, в развитии.

ПИСАТЕЛИ — ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

«Литературная газета» продолжает публикации фотоочерков о писателях — Героях Социалистического Труда. Наш корреспондент В. Крохин побывал в гостях у Юрия Корнеевича Смолича.

У ЮРИЯ СМОЛИЧА

НА СНИМКАХ:
- В рабочем кабинете
- На охоту
- Среди слушателей Киевского народного университета культуры

ПРОЗА

ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ПЕРЕМЕН

О СЕРГЕЕ КРУТИЛИНЕ иногда говорят, как о писателе, предпочитающем неспешно вглядываться в ровное течение жизни. Считается, что он не берет острых житейских ситуаций. И тем важнее для нас проследить, с какой настойчивостью писатель изучает трудные счеты наших современников с жизнью, ими прожитой. Пишет ли он о деревенских стариках или обращается к миру горожанина — для Крутилина неизменным остается стремление открыть человеку возможность постичь самого себя, меру взаимопонимания с обществом. Это стремление особо выделено в повести «Косой дождь». Еще нестарый вдовец Иван Антонович, похоронив жену, дотошно переоценивает все прожитое, запоздало казнясь, что загубил жизнь близкого человека. И неожиданно за его покаянием читателю дается возможность предположить вину не одного Ивана Антоновича, но и женщины: не любила она его, ведь если бы любила, разве допустила бы, чтобы он так очерствел душой?

Повесть «Старая скворечня» полна сочувствия к миру маленькой деревни, к быту незатейливому, близкому природе. Повесть «За косогором» открывает несовершенство нынешнего существования такой же маленькой деревни, где молодого колхозника не тянет к настоящему труду, где можно подработать, таская ведрами воду с реки.

Две повести, близкие по времени появления в печати, вроде бы противоречат друг другу. Ну, а как же следует расценивать столь разный подход к нынешней деревенской жизни?

Наверное, не только меня, но и многих других читателей притягивает в прозе Крутилина внутренняя тревожная противоречивость, открывающая в нем художника, неспособного к равнодушию.

Очень легко было приписать автору «Старой скворечни» умильное сравнение чистой жизни Егора Краюхина с естественным бытием скворца по имени Ворчун. Но ведь человек не может жить, не изменяя самой жизни. Сопоставляя постепенно пару скворцов с Егором и Дарьей и даже открывая зависть женщины перед тем, что у птиц каждой весной возвращается молодость, а у людей никогда, — Сергей Крутилин не стремится ли постичь всю невозможность для человека нашего времени вот такого «натурального» существования? Не ищет ли он новых уроков у матушки-природы, ныне постигаемой нами в связях куда более сложных, чем когда-то?

Если писатель не судит строго своего героя — из этого вовсе не следует, что он им умиляется и берет за образец. У Егора Краюхина — каким его написал Крутилин — по сути, нет конфликта с ушедшими в город сыновьями, которым не дорого все то, чем дорожит отец. Жизненный конфликт — в самом Егоре. Поглядите, как черств он стал с годами по отношению к жене. И как неприспособлен к современному труду на земле.

Стоит призадуматься над отдельными деталями жизни Егора, над всем тем, что так мягко и лирично выписал Крутилин, — и начинаешь понимать, насколько глубоко заглянул писатель в наисовременнейший конфликт. Сыновья Егора не кукушкой ему подброшены, они — его плоть. И если мы чувствуем, что в рабочем городе они исхитрились мало чему доброму выучиться, а все доброе деревенское подрастеряли, то нельзя не угадать здесь тревогу за будущее, что, мол, скромного узелка с доморощенным нравственным припасом маловато человеку для дальней дороги. Както по-иному надо теперь снаряжаться... И вывод наш читательский в отношении нашего собственного нравственного совершенствования тем жестче, чем сильнее печаль по ушедшим из жизни людям, по обрушившейся старой скворечне.

И вот тут-то в жесткости и печали лежит прямая связь «Старой скворечни» с повестью «За косогором». Нелегким путем идет Крутилин к постижению современных сельских проблем. В этом и есть противоречие писательского восприятия.

В повести «За косогором», несомненно, просматриваются нравственные мотивы экономических шагов, предусмотренных постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР», которые ныне будут претворяться в жизнь. И возможно, что «неспешный» Крутилин во многом оказался проницательнее очеркистов, давно уже не обращавших внимания на всякие там «епихинские хутора».

Очень часто у Крутилина мы встречаем проверку человека его отношением к своему труду. Нетрудовую жизнь писатель умеет показать, как истинное несчастье — и через непутевого Митьку («За косогором»), и в «Пустошели», не вошедшей в этот сборник, через главных ее героев Марину и Олега. В прозе Крутилина жизнь всегда идет обыкновенная, но от грехов серого правдоподобия писателя бережет его стремление найти в самом обыкновенном серьезнейшие конфликты нашего времени. Потому-то его повести, собранные вместе, открывают читателю жизнь, полную перемен.

И. СТРЕЛКОВА

Сергей Крутилин. «Старая скворечня». Повести. Издательство «Современник». М. 1973.

Рецензии

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВРЕМЯ РОМАНА

СОВЕТСКОЕ литературоведение накопило столь большой опыт, что появление добротных монографических работ уже перестало казаться событием — наступило время нужды в больших концептуальных обобщениях. Поэтому каждое обобщающее проблемное исследование привлекает особенно пристальное внимание. В ряду таких исследований находится и новая книга В. Гуры «Роман и революция». Исследователь поставил перед собой сложнейшую задачу: рассмотреть формирование и развитие советского романа в его связях с событиями эпохи, с учетом изменяющихся закономерностей жанра, проследить влияние на него метода социалистического реализма.

В книге «Роман и революция» привлечен обширный материал. В систему своих рассуждений автор включает высказывания теоретиков литературы прошлого и настоящего, полузабытые публикации 20-х годов и самые новейшие работы.

В своем исследовании В. Гура уделяет основное внимание ведущим произведениям советской литературы тех лет — книгам М. Горького и А. Фадеева, А. Серафимовича и Д. Фурманова, А. Толстого и К. Федина, Л. Леонова и М. Шолохова. Но вместе с тем не выпускает из поля зрения и другие явления, ибо стремится видеть литературу той эпохи во всем ее объеме, чтобы дать подлинно научное решение поставленных проблем. В книге «Роман и революция» мы находим глубокий анализ произведений В. Зазубрина и Н. Степного, П. Бессалько и А. Бибика, А. Веселого и М. Булгакова, В. Бахметьева и В. Кина, В. Вересаева и В. Каверина, критический разбор модернистского романа... При этом автор не ограничивается последовательной оценкой рассматриваемых произведений, а прослеживает литературные явления в их связях с эпохой и друг с другом. Книга воссоздает подвижную картину литературной жизни того времени. Исследователь не впадает ни в крайность сугубо социологического анализа, ни в другую крайность — когда разговор ограничивается лишь анализом эстетическим.

Органическая связь между эпохой, жанром и методом, между социальной действительностью и эстетическим постижением этой действительности исследуется в книге «Роман и революция» при рассмотрении многих сложных проблем: традиции и новаторство молодой советской литературы, борьба с чуждыми идеологическими влияниями, в том числе и в сфере эстетики...

В большом исследовании, предпринятом В. Гурой, не удалось избегнуть и некоторых недочетов. Так, изучение путей развития литературного жанра хотелось бы видеть в комплексе с изучением других видов искусства: ведь творческие поиски молодого советского театра, живописи и особенно кинематографа, сами во многом связанные с «болезнями роста» и завоеваниями нашей прозы, в свою очередь както влияли на литературное развитие, в том числе на формирующийся советский роман. Несколько односторонне, на наш взгляд, рассмотрены влияния Достоевского. Названы не все литературные связи, особенно с зарубежной литературой. Не всегда точно соблюдены пропорции при разговоре о произведениях разных авторов.

Однако ценность работы В. Гуры несомненна. Его книга — не только итоговое завершение определенного этапа научных исследований, не только необходимое учебное пособие, которое войдет в обиход. «Роман и революция», кроме всего, звучит как призыв к дальнейшему изучению данного жанра в последующий период его развития, призыв к новым исследованиям и других жанров нашей литературы.

В. ПУДОЖГОРСКИЙ

В. Гура. «Роман и революция. Пути советского романа 1917—1929 гг.». Издательство «Советский писатель». М. 1973.

РЯДОМ С ГЕРОЕМ

ЛЮДИ «СИБИРИ»

Одно из самых распространенных названий в Новосибирске — «Сибирь». «Сибирь», например, называется у нас хоккейная команда, принимающая гостей на одноименном стадионе. «Сибирь» — так называются пианино, выпускаемые одноименной фабрикой. Есть и «Сибирь» трикотажная. Не первый год связана с ней писательница Елена Коронатова...

— Елена Ивановна, почему объектом ваших творческих интересов стало именно это предприятие?

— Старожилы нашего города помнят фабрику «Сибирь» военных времен, ютившуюся в двухэтажном деревянном домике. Основной продукцией фабрики были тогда солдатские обмотки. Сегодня это большое современное предприятие, оснащенное новейшей техникой. И работают здесь прекрасные люди. Вот, например, Клавдия Никандровна Нежинцева, вязальщица мастерской образцов. Худенькая, среднего роста, очень скромная: когда говорит о себе — смущается, краснеет. Между тем за ее плечами — многотрудная жизнь, больший опыт. О ней говорят, что у нее есть не только чувство красоты, но и «чувство машины» — машину, оказывается, надо не только знать, но и «чувствовать», и это отнюдь не противоречит чувству красоты.

Так вот, меня интересует «жизненный путь» фабрики, ее людей... Я была там буквально на днях. Мои подруги-работницы поделились своими радостями: задания пятилетки выполняются успешно. И еще сообщили новость: закрывается чулочное производство...

— Что же тут радостного, если закрывается?

— Это шаг по пути специализации. Производство различной продукции будет более разумно распределено между предприятиями Новосибирска, Томска, Барнаула. Плохо, когда предприятие производит всего понемножку. Специализация позволяет шире внедрять новую технику, повышать качество.

— А каковы творческие итоги вашей дружбы с трикотажницами? Очерки, рассказы или...

— На столе — рукопись романа. В центре его — образ женщины, начальника вязального цеха, которую все зовут «мама Мария». Роман, если хотите, — моя пятилетка...

И. ФОНЯКОВ

НОВОСИБИРСК

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

«СЕМЬ ЗВЕЗД БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ»

СЕМЬ великолепно изданных книжечек, на обложках и фронтисписах которых воспроизведены миниатюры XIV—XVII веков, семь величайших мастеров таджикско-персидской поэзии. «Семь звезд Большой Медведицы», как назвал их Гёте. Книжечки, которые сразу же стали библиографической редкостью, и не только потому, что исполнены они как издания для библиофилов, или «подарочные», как их порой называют, хоть в этом немалая заслуга издательства «Художественная литература», художника В. Юрлова и коллектива полиграфистов Первой образцовой типографии. Думается, серия эта привлекла внимание любителей поэзии прежде всего своим содержанием. Каждый томик включает в себя не только избранные образцы творчества великих поэтов Востока, но лучшие достижения советской школы художественного перевода с фарси.

Рудаки и Фирдоуси, Хафиз и Саади, Руми и Джами в полной мере стали доступны русскому читателю лишь в советское время. Для этого потребовался титанический труд переводчиков. Труд, который выделяет советскую школу художественного перевода не только в количественном, но и в качественном отношении.

Афанасий Фет в предисловии к своим переложениям из Хафиза, называя стихи великого лирика живыми цветами, особо подчеркивал, что «экзотическое их происхождение сообщает им особенную прелесть в глазах любителей». Экзотика иных сравнений так восхищала Фета, что он даже в сносках подчеркивал: «Какая прелесть!»

Затем увлечение экзотической образностью Хафиза сменилось увлечением экзотической формой — сколько так называемых «газелл» было написано русскими поэтами начала нынешнего века! Переводы «ученые» и переводы «вольные», подражания и переложения... Однако человеческое содержание творчества Хафиза, разум и душу его поэзии ближе всего донесли до русского читателя именно переводчики наших дней.

Все то,
что в кубки легкие
судьбою налито,
Мы выпили до капельки,
до призрачного сна!
Нектар ли то
божественный?
Простой ли ручеек,
В котором
безысходная тоска
разведена?
(Перевел И. СЕЛЬВИНСКИЙ)

Верь во встречу,
надейся на память любви,
о Хафиз!
А неправда,
насилье и бремя цепей —
не навечно!
(Перевел В. ДЕРЖАВИН)

Разве воспринимаются сегодня эти строки неким экзотическим цветком с необычным ароматом? По-моему, ничуть. Воспринимаются как поэзия — глубокая, проникновенная, человечная. А ведь переводы сохраняют все своеобразие образного строя и поэтики великого ширазского лирика.

Бытует мнение, что поэтический перевод — эдакая бабочка-однодневка. Раскрыв перед изумленным взглядом все богатство оригинала, она тут же начинает линять и, что ни день, все более блекнет. Поэтому, дескать, поэтический перевод — многократный процесс, повторяющийся из поколения в поколение: на Западе и на Востоке, во Франции и Иране, к примеру, стихи переводят прозой. Исключения типа Мицкевич у Пушкина, мол, лишь подтверждают правило.

Я с этим мнением в корне не согласен. Искусству поэтического перевода нет и двухсот лет, однако каких высот оно достигло! Разумеется, следует вновь и вновь переводить полюбившиеся строки иноязычных авторов — хотя бы для того, чтобы со временем у беспристрастных составителей была возможность создать сборники, подобные томику Хафиза. Здесь переводы И. Сельвинского и С. Липкина, Е. Дунаевского и В. Державина, К. Липскерова и А. Кочеткова не соперничают, а дополняют друг друга, чтобы помочь рождению — верю! — долговечного чуда, именуемого русским Хафизом.

Обратимся к остальным книжкам серии. Если сборники Рудаки и Хайяма включают почти все поэтическое наследие авторов, то из Фирдоуси и Руми, Саади и Джами в книжки попала лишь ничтожная часть уже известных русских переводов.

Действительно, как показать самые характерные поэмы из монументальной «Шах-намэ» Фирдоуси, издание первого многотомного перевода которой вот уже более десяти лет не может завершить издательство «Наука» в серии «Литературные памятники»? Руми переводился меньше, однако насколько представляют автора те притчи и лирические стихотворения, которые извлекались из «Маснави» для перевода на русский? Саади повезло больше: главные его поэмы, «Гулистан» и «Бустан», неоднократно издавались и доступны всесоюзному читателю. И все же все многообразие его лирики по переводам представить трудно. Четырехтомник Джами сейчас выпускает душанбинское издательство «Ирфон», на русском языке.

Впрочем, разве дело только в количестве переводов? Ведь в серии семь ярких индивидуальностей, семь поэтов, чье творчество охватывает семь веков — с IX по XV.

Рудаки. Адам поэтов. Певец, чьи строки восстановили в поэтических правах родной язык таджиков и иранцев уже в конце IX века. Певец, которого правители Бухары обрекли на нищету и изгнание за то, что в своих стихах он воспевал светлую веру в силу человеческого разума, призывал к знаниям и свету.

Фирдоуси. Создатель эпопеи, запечатлевшей героическое прошлое ираноязычных народов по преданиям и легендам. Как ни возносил поэт мифических царей, на живого современника султана Махмуда он написал столь язвительную сатиру, что немало лет ему пришлось потом скрываться от разгневанного правителя.

Хайям. Самый популярный ныне в мире классик таджикско-персидской поэзии. Математик и философ, астроном, создавший календарь, отличающийся большей точностью, чем тот, которым мы ныне пользуемся. И поэт, чьи четверостишия в XII веке вызывали ненависть духовенства, в XX — всеобщий восторг.

Руми. Учитель жизни, философ, подвижник, биография которого, написанная Р. Фишем, издана недавно в серии «Жизнь замечательных людей». Автор лирических стихотворений, притч и басен, почерпнутых из устного народного творчества ираноязычных народностей.

Саади. Проводник караванов и воин, мудрец и поэт, более тридцати лет скитавшийся по странам Ближнего и Среднего Востока, сражавшийся с монгольскими завоевателями и крестоносцами. Умер в воспетом им родном Ширазе в конце XIII века.

Хафиз. Певец Шираза, живший столетием позже. Прославился своими газелями, призывающими к наслаждению жизнью, к независимости, свободе личности. Поэт с большой лирической силой передал многообразные оттенки человеческих чувств. Первый из ираноязычных лириков, получивший мировое признание.

Джами. Гератский мудрец. Друг и наставник Алишера Навои, оставивший более ста литературных произведений и воспитавший немало последователей среди интеллигенции Герата...

Я сознательно в нескольких словах охарактеризовал каждого поэта, потому что сборники лишены предисловий или послесловий. Стихи говорят сами за себя.

Книжки выходили с 1969 по 1973 год. Думается, не следовало бы обрывать знакомство с классиками нашей литературы этими именами. Серия может быть продолжена именами многих других замечательных поэтов.

Стихи, которые благодаря русским переводам стали не только достоянием советской поэзии, но и шагнули далеко за пределы нашей страны, должны и впредь дарить радость всем ценителям поэтического слова.

ПОЭЗИЯ

● ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИКИХ МАСТЕРОВ ВОСТОКА ● ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

ЗЕМЛЯ вологодская в послевоенные годы подарила нашей литературе немало хороших поэтов, и в их ряду Сергея Викулова — поэта своеобразного и бесконечно влюбленного в родной край, в свое светлое и ласковое лесное Белозерье.

Любовь к сельскому миру, прекрасным людям его, к их нелегкому труду, озабоченность делами сегодняшних поселян определили главную тему творчества Викулова — тему северной русской деревни. И этому однажды избранному пути своей поэзии поэт остается верен. Но, обращаясь в своем творчестве к сельской жизни, Викулов не любуется благостно стариной, не печалится о пряничной сусальной деревне, а пишет об истоках нашей жизни и с гордостью признается, что деревня ему «...дала душу, слово, характер, силу. Научила любить Россию и добро отличать от зла».

Открываю ли я книжку с характерным для С. Викулова названием «Плуг и борозда», вышедшую в издательстве «Современник», беру ли в руки сборник «От крылечка», изданный «Московским рабочим», или обращаюсь к тоненькому выпуску «Библиотеки «Огонька», где помещены лирическая поэма «Одна навек» и стихи,— всюду поэт вводит меня в мир деревенского жителя, хлебороба, дает правдивую поэтическую картину той части советской действительности, которая охватывается понятием — трудовая колхозная жизнь. Герой его стихов в семнадцатом году шел рядом с рабочим на штурм Зимнего и одержал историческую победу, достойно прошел жестокие испытания в Великой Отечественной, победил и вступил во второе полустолетие строительства нового общества.

Поэт гордится своей принадлежностью к крестьянскому роду, тем, что «стартовал» от деревенского крылечка. По его словам, оттуда началась и наша великая Родина, там зародилась «сама изначальная Русь», поэтому справедливо утверждение автора о том, что «крылечко для старта — площадка не так уж мала...».

Викулову свойственно свое поэтическое видение мира. Он обладает чувством проникновения в суть явлений. Стихи, в которых поэт говорит о том, с чего начинается хлеб, полны глубоких размышлений о значении и назначении благородного труда пахаря:

Всему начало —
плуг и борозда,
поскольку борозда
под вешним небом
имеет свойство обернуться
х л е б о м...
И если стала близкой
нам звезда
далекая,
— скажи, не оттого ли,
что плуг не заржавел,
что в чистом поле
вновь обернулась
хлебом борозда?

Сельский труд и земледельцы с их заботами, опытом и знаниями, любовью к земле, поэзия трудовых деревенских будней — вот то главное, что составляет содержание чуть ли не каждого его стихотворения.

Герой Викулова — человек высоких душевных качеств. Наделенный чувством ответственности за дела своего колхоза, он умеет и любит трудиться.

Вот перед нами его герой из песен о кузнеце. Ради блага односельчан-колхозников он делал все: «молотом стучал, печки клал, оковывал телеги, и дома рубил, и мед качал...» Вернувшись с фронта инвалидом, когда еще шла война, он сразу оказывается на самом нужном, остром для тех лет участке колхозной жизни — в кузнице, у наковальни. Образ кузнеца как бы олицетворяет всю нашу трудовую Родину, и, обращаясь к нему, поэт завершает стихотворение словами: «Я в твоем широком взмахе нрав России узнаю!»

Героическое прошлое и замечательное настоящее Родины поэт воспевает с признательной любовью во многих запоминающихся стихах. Особенно следует отметить затрагивающее самое сокровенное в сердце читателя стихотворение «Россия», где облик Родины предстает в яркой неповторимости и красоте. Чувство советского патриотизма свойственно честной и непосредственной натуре героя поэзии Викулова.

Сергею Викулову присущи прямота суждений и отклик на острые, пускай иной раз и не масштабные, но по-своему важные для современной деревни проблемы. В его стихах звучит резкий укор пустомелям, шараханью за модой в ущерб исконной русской красоте и национальным традициям.

Любовь к деревне выверена жизнью поэта. Стихи его достоверны, искренни и поэтичны. Как правило, они сюжетны. Поэт создает зримые картины, правдивые человеческие образы и характеры, находя для этого емкие, точные слова.

Есть у Викулова цикл стихов «Природа — Мать», где тема природы неразрывно связана с темой Родины. То и другое существует для автора и воспринимается читателем как единое целое:

Когда бы я не знал,
как бьет хвостом
на звонкой жилке щука,
как под осень
ядреный рыжик,
стоя под кустом,
росу мне будто в
рюмочке подносит!
...
как журавли
отчальную трубят,
как эхо
повторяет рев лосиный,—
боюсь, я не любил
бы там тебя,
как я сейчас люблю тебя,
Россия!

Общение с природой преображает человека, дает ему силу для новых свершений, бодрость, нравственное обновление. Каждое стихотворение этого цикла выражает горячую заботу о природе, более того — требование бережного отношения к окружающей среде.

Легко и лирично написана Викуловым поэма «Одна навек». Она, как песнь верности, и добрая, освещенная теплом человеческой души, память о ровесниках поэта, героических защитниках Родины — и уцелевших в боях, и тех, кто «...не дожил до победы, но умер, чтоб она была».

Поэзия Викулова прочными нитями связана с родной почвой, с советским северным краем, туда уходят ее корни. Недаром и сам поэт говорит: «А может, здесь река Поэзия начало все-таки берет?!» И следует с ним согласиться — да, здесь начало викуловской поэзии. Но от этого она не становится ограниченной, «местной» или «областной», она течет в едином русле многонациональной советской литературы.

Стихи Викулова — неспешные, раздумчивые, заставляют размышлять, иногда в них слышится грусть, но грусть эта просветленная, как тихий осенний день. Умелое использование народных поэтических форм придает произведениям поэта особую художественную выразительность. Нередки у него счастливые находки, когда несколькими словами создается насыщенный художественный образ или целая картина.

Стихи Сергея Викулова согреты чувством любви к родному краю, к нашей Родине, они находят живой отклик в читательских сердцах.

А. НЕВЕЖИН

ОДЕССА

Мнения читателей

«НОГИ КРЕПНУТ, БУДТО НЕВЗНАЧАЙ...»

МНЕ ХОЧЕТСЯ поделиться некоторыми своими соображениями по поводу двух поэтических книг, прочитанных в последнее время.

У меня создалось впечатление, что часто к стихотворцу приходит вдохновение по самому незначительному поводу. В последнее время в газетах появились статьи медиков о пользе русской бани. И поэты «откликнулись»: появились «банные» стихи. Не остался в стороне от модного поветрия и автор книги «Именинница» («Советский писатель», Л., 1973) Сергей Макаров:

Я ввалился радостно
в парную,
Раскраснелся,
будто на пиру, —
Пар-хвататель
вышибает слезы.
Угомону нету на него!
Жгучий веник, славный
сын березы,
И твое настало торжество!
Тело верит венику и пару,
Ноги крепнут,
будто невзначай...

Правда, в конце стихотворения выясняется, что поэт парился не в коммунальной бане, а в ...лесу. Но тогда уж вовсе не понятно, откуда в лесу «жгучий веник» и «пар-хвататель», вышибающий слезу?.. Читатель еще не раз встретит в сборнике стихи, вызывающие недоумение. Он прочтет о «непроглядных туманах», которые

...Текут за тридевять лугов
К светлынь-реке,
Где так пригожи
Береговые тальники,
Где лунный лучик
Для рогожи
Русалка тянет в тайники...

Услышит читатель и о том, как «в колокол желтый ударил подсолнух...», как «...пронесся протяжно грудной, но рассерженный рев!», увидит, как «зажиточною матрешкой счастливо плывет луна». Луне в стихах Сергея Макарова особенно повезло: она у него то «в ночь глядит, словно в душный подкоп...», то «побрела вислягою...», то «в разлужья плюхнулась...», то «висит комолая луна...».

Но если воспевание банных радостей и лунных ночей можно все-таки отнести к числу довольно безобидных чудачеств, то как отнестись к стихам, в которых без всякой надобности автор то и дело ссылается на господа бога? Четко прослеживается это в книге стихов Владимира Павлинова «Соль» (издательство «Молодая гвардия», М. 1974). Хотя автор наверняка атеист, это не мешает ему поминутно божиться: «Да и вернусь я, бог ты мой...», «Поймите, надо здесь, сейчас, удачу испытать, ей-богу...», «Года мелькают... Правый боже...», «Бог даст, когда пробьет мой час, в глаза ност-альгой гляну смело...», «Не дай лишь, боже, заглянуть в в потемки...», «Огонь, что богом дан провидцу...», «Так надо. Все в порядке. Ах боже, боже мой!» — и т. п.

Можно было бы сказать и о банальных сравнениях, и о не блещущих новизной образах. Но, пожалуй, первое, что бросается в глаза при чтении сборника Владимира Павлинова, — это весьма сомнительные авторские сентенции.

Многообещающе звучат первые строки стихотворения «Женщине-другу»: «Да, у тебя большое сердце. Нет в мире женщины добрей», — но потом выясняется, что эта женщина «равно со всеми» добра: «Ни в чем ты отказать не сможешь ни жулику, ни подлецу». Тем не менее автор готов простить ей все:

За этот взор, живой
и яркий,
За свет, что
излучаешь ты, —
Печать души высокой
марки(?!),
Дух человечьей чистоты.

Трудно поверить в высокую душу человека, одинаково доброго к другу и врагу, к праведнику и подлецу...

Лирический герой сборника с долей ироничности говорит о себе как о человеке «хожалом», «жизнью битом». Он много видел, жил в палатках, «где водку пьют из кружек пол-литровых, закусывая костью в килограмм...». И все же как-то не лежит душа к этому герою — слишком уж много в его откровениях явной рисовки. Случилось ему однажды участвовать в пирушке:

Гульнули мы в Ургенче
Всем и себе назло:
Продукты, деньги,
френчи —
Все псу под хвост пошло!
Там девушки не горды:
Резвись, гуляй, душа!..
Проспались. Вспухли
морды.
В карманах ни гроша.

Разухабистый тон стихотворения вполне «гармонирует» с пошлым, примитивным содержанием.

Конечно, даже в сборнике талантливого поэта могут встретиться стихи не совсем удачные, лишенные глубины. Огорчительно столкнуться с этим и в стихах Владимира Павлинова, поэта интересного, способного увидеть и почувствовать в самом, казалось бы, обыденном (стихотворение «Восемь рябин») приметы высокого и дорогого всем нам:

И среди прозы
житейской в тягот
Беды, как Родина,
делят со мной
Крупные красные шарики
ягод,
Капельки горькой
любови земной...

Было бы несправедливо утверждать, что все без исключения стихи Сергея Макарова, Владимира Павлинова однообразны и бесцветны. У этих поэтов есть удачные вещи, но и неудач, как видите, увы, немало...

Да, не каждый сборник стихов становится праздником для любителя поэзии. Чем это объяснить: отсутствием серьезной работы поэта над каждой строкой, недостаточно высокой требовательностью издательств? Видимо, и тем, и другим. Поэтому еще нередко читатель встречает стихи, напоминающие моментальные снимки, лишенные больших мыслей, отмеченные лишь внешними и далеко не всегда самыми характерными приметами времени.

Михаил Исаковский более двадцати лет назад говорил, что «поэт все время должен двигаться вперед, находить все новые и новые способы отображения действительности, обогащать поэзию все новыми и новыми поэтическими находками...». Сказано это давно, но, как видим, звучит современно и сейчас.

Вл. САЛИВЕНКО

ИРКУТСК

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Б. Д. БАХШУНИ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по армянской литературе направили Бахи Давыдовичу Бахшуни приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас со славным юбилеем — шестидесятилетием со дня рождения.

Мы знаем и ценим Вас как одного из талантливых армянских поэтов, проживающих в братской азербайджанской республике. Ваши стихи и поэмы (сборники «Пылающий полдень», «Зов сердца»,

«Стихи» и другие) проникнуты чувством глубокого патриотизма, любви к Родине, и преобразованному в советские годы родному краю.

Свою сорокалетнюю творческую работу Вы успешно сочетали с партийной и журналистской работой, будучи секретарем райкома партии, сотрудником и редактором республиканских газет.

Желаем Вам доброго здоровья, новых творческих успехов, счастья и благополучия».

Ш. С. БИККУЛОВУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по детской и юношеской литературе, Совет по художественному переводу направили Шарифу Сагадатуличу приветственную телеграмму:

«Поздравляем Вас с днем пятидесятилетия. Тема советского патриотизма, сыновней любви к родной земле является ведущей в Вашем поэтическом творчестве. В стихах и поэмах, пронизанных гражданским пафосом, Вы запечатлели мысли и чувства наших современников. Своими талантливыми произведениями для детей, а также многолетней работой в качестве редактора башкирского журнала «Пионер» Вы активно участвуете в развитии детской литературы. Мы высоко ценим Вашу переводческую деятельность, заслуги в области драматургии.

Рады отметить, что за поэтические произведения последних лет Вы удостоены звания лауреата республиканской комсомольской премии имени Салята.

Желаем Вам доброго здоровья, счастья, новых достижений в многогранном творчестве».

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Павел УАЬЯШОВ

ИНЕРЦИЯ ДВИЖЕНИЯ ИЛИ НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ?

С ЧЕМ ВСТУПАЕТ ПОЭТ В ПОРУ ЗРЕЛОСТИ

КТО-ТО сказал, что даже великие поэты на три четверти выходят из своих предшественников. Поэтому истоки, откуда поэт начинает свой путь, сознательное или интуитивное следование определенной традиции весьма существенны. Отчасти они как бы программируют направление пути и творческое развитие поэта. Они же позволяют на каком-то этапе определить, идет ли он вперед или давно уже застыл на месте, а то, возможно, так и не собрался в дорогу.

И мера пути здесь — книги поэта. Именно они могут сказать о его мужании или затянувшемся пребывании в юношеском возрасте, когда о нем свидетельствует не дерзость мысли, а незрелость духа.

У поэтов — казаха Кадыра Мурзалиева, узбека Эркина Вахидова, белоруса Анатоля Вертинского, украинца Бориса Олейника, русского Владимира Цыбина — разная степень литературной известности. Но все они имеют немало книг и находятся в той поре, которую можно назвать временем окончательного становления художника. Поэтому в применении к их творчеству с полным правом можно говорить о той остающейся «одной четвертой», которая и делает, собственно, поэта поэтом, окончательно выявляя черты его самобытности.

Здесь естествен вопрос: что приносит в мир поэт как художник и как личность и какими средствами он пытается выразить этот мир? В плане содержательном для названных поэтов характерно обращение к истокам, к истории — дальней и той, что можно назвать недавним прошлым, к детству. Так, предки-степняки — своего рода исторический символ — присутствуют у К. Мурзалиева, запорожцы-сечевики — у В. Олейника, но у последнего, помимо них, — и комэски гражданской, бойцы интернациональных бригад в Испании, правда, в несколько обобщенно-романтическом облике, на котором лежит отсвет героев Э. Багрицкого, М. Светлова. У лирического героя В. Цыбина — предки прямые. Не деды, а дед, не «наши отцы», а конкретный отец. К отцу, сражавшемуся на фронте, обращается в своей поэме-воспоминании «Стон земли» Э. Вахидов. Впрочем, этой темы сурового детства военной поры, которая для сегодняшних двадцати-, а то и тридцатилетних, звучит тоже как история, касаются почти все перечисленные поэты. Довольно точно о раннем взрослении своего поколения, о приобщении детей к тревогам старших говорит К. Мурзалиев: «Жизнь свою мы сразу начинали маленькими взрослыми людьми». Еще более впечатляющи и значительны задаваемые жизнью уроки у А. Вертинского, потому что продиктованы тем увиденным и лично пережитым, которое не придумает и не заменит никакая фантазия. Его «Баллада о сожженном селе и живом петухе», стихотворение «Динамик» — это словно перенесенные в поэзию живые человеческие судьбы, воплощение трагедии минувших лет войны. Большая человечность, боль за страдания людей пронизывают его строки о старой женщине, у которой «ни сынков не осталось, ни внуков. Только радио одно». И теперь радио как бы заменяет матери голоса ее погибших детей. То есть, конечно же, не заменяет, но создает какую-то иллюзию общения с ними: «И споет оно мне, и сыграет, доброй ночи желает мне. И поплачем мы с ним, бывает, когда вспомним о войне». Непосредственное воздействие этой трагической конкретной судьбы, безусловно, значительнее отвлеченных и несколько холодных рассуждений, к которым тяготеет А. Вертинский (да и не только он один) в других своих произведениях, обращенных в сегодняшний день и в будущее. В этих случаях рассудочность, философичность поэта не дают «теоретического наслаждения» знанием, потому что для поэзии все же важнее эмоциональное начало.

Я понимаю, конечно, что это самое общее представление о пяти избранных для разговора поэтах. Но тем не менее определенное сходство судеб, взглядов на мир, хотя, может, и взятых в несколько расширительном масштабе, здесь есть. А стремление пристальнее вглядеться в свою жизненную и творческую родословную, понять и оценить уроки истории позволяет ко всем пяти отнести афористические строки К. Мурзалиева: «Все времена проходят сквозь меня, но сердце с настоящим на свиданье».

Вопрос лишь в том, насколько глубоко авторы постигают дух времени, в котором они живут, насколько точно улавливают его стремительный и сложный ритм. И здесь мы сталкиваемся с разной степенью осмысления и художественного отражения современного мира. К примеру, К. Мурзалиев и Э. Вахидов немало внимания уделяют конкретным приметам сегодняшнего быта, времени, о чем говорят и названия некоторых их стихотворений: «Книжный магазин», «Главпочтамт», «Парк», «Сон в космосе» и т. д. Стихи эти иллюстративны, они «фотографируют» предмет, но он не становится сущностью, частью духовного мира художника. Когда же начинает «говорить душа», неповторимость чувства нейтрализуется традиционной формой восточного стиха, которым склонны увлекаться эти авторы.

«Когда я поверить любви своей смог, раскрылся в душе моей белый цветок, он вместе с любовью желанной расцвел и с нею увянет в положенный срок. Цветок этот — нежность моя...» Красивы, а вернее, насыщены стереотипами «красивости» эти строки К. Мурзалиева, но ведь поэтической индивидуальности они никак не проявляют, как и такие стихи Э. Вахидова: «Принесу тебе дары: полумесяц золотой, что повис над головой, необъятный небосвод, звезд извечный хоровод...» и т. д.

Конечно, тематический и жанровый диапазон К. Мурзалиева и Э. Вахидова не ограничен любовной лирикой, он гораздо шире и разнообразнее. Но сковывающие его каноны способны порой любое живое чувство сделать безотносительным — и во времени, и в своей конкретной обращенности. Ибо, если, например, следующие строки К. Мурзалиева говорят о попытке художественного осмысления долга перед павшими как духовной эстафеты, принятой сынами от старшего поколения: «Покуда был жив, не сдавался ты. И мы не оставим свои посты», — то соседствующие здесь же красивые поэтизмы скорее могут быть адресованы традиционному образу отвернувшейся возлюбленной, чем рано ушедшему отцу: «Что без тебя мне остаток дней, я одинок, в голове моей ворон печали растит птенцов, забыл меня радости соловей». Характер стихотворения, его цельность, таким образом, разрушаются, а вместе с ними уходит и жизненная правда. Инерция классической формы приводит к тому, что традиция оказывается не моментом, усиливающим и обогащающим изобразительные возможности произведения, как это мы можем наблюдать, скажем, у Р. Гамзатова, К. Кулиева или Ч. Айтматова (сказка о Рогатой Матери-оленихе в «Белом пароходе»), а, на-

● ОБОЗРЕНИЕ: ВРЕМЯ УЧЕНИЧЕСТВА И ВРЕМЯ СТАНОВЛЕНИЯ

● ВОСПОМИНАНИЯ О МАЯКОВСКОМ

ПОЭЗИЯ

Сергей БАРУЗДИН

ИЗ ЛИРИЧЕСКИХ ДНЕВНИКОВ

■

У тебя,
У меня,
У нас,
Право,
Много сил
Про запас.

Их на мерил
Никто пока...

Лишь
В войну
Командир
Полка
Говорил нам:
«Не хнычь!
На трусь!
С вами
Брать города
Берусь!»

Были молоды
Мы тогда...

А теперь —
Позади года,
И не старость,
А опыт,
Тот,
Что порой
Города берет!

■

Хорошо рассуждать
О вечности,
Если вечность та
Далека.
Хорошо рассуждать,
А если
Вот-вот
Оборвется строка?
Я не думаю
О далеком,
Мне сегодня надо поспеть,
И не как-то поспеть,
А к сроку
Песню спеть,
Заглавную спеть.

■

Андрею ДЕМЕНТЬЕВУ

Гениальные мысли
Родятся всегда по ночам,
Ну, а днем эти мысли
Бессмыслицей часто становятся.

По ночам надо спать,
Мы вполне доверяем врачам:
Лучше спать, чем не спать,
И вредна для здоровья бессонница.

Только как быть с тобой,
И со мной, и с такими, как мы,
Если с детства, с войны
Мы привыкли к иным расписаниям?

Если за полночь — бой,
Если где-то разрывы слышны,
Если мы там нужны
И не знаешь, что будет, заранее?

■

АЛЕШЕ

Отец — солдат
И мать — солдат,
И сын —
Уже солдат.

Вы скажете:
Смотрю назад?
Нет,
Не смотрю назад.

Кого-то нет,
И нет давно.
А сыну суждено.

И если мы с тобой —
Одно,
Другого
На дано.

■

Кому трудно,
И очень трудно,
Трудней в сто тысяч,
В мильоны раз...
А мы — писаки,
И вот подспудно
То стих родится,
А то рассказ.

И знают жены,
Лишь им доступно,
Прошедшим с нами
Года войны,

Что значат
Крепости неприступные,
Что мы являем,
Что значим мы.

■

Почему ж ты заплакала?
Мне тебя не узнать.
Где же мужество ныне
Мне еще занимать?

Ведь известно издревле,
С вековых рубежей:
Жены были сильнее
И...
Вернее мужей.

■

А. ВОЗНЕСЕНСКОМУ

Ахиллесово сердце —
Оно беспокойное сердце.
Мне б такое иметь
И у этого сердца согреться.

Слышу: где-то в ночи
Чье-то сердце дает перебои...
Сердце рядом стучит,
И я рядом,
Я рядом с тобою.

■

Что сказать сейчас
О любви моей?
Что сказать сейчас,
Если трудно нам,
И порою — трудно сверх меры?
Я молчал о ней,
Я писал о ней,
И, ты знаешь,
Опять пишу по ночам,
И проходят
Строчки по нервам.

■

Что делать,
Раз попали под ножи!
Хирурги
Знают дело, вероятно...

Ты нос морковкой
Всем на зло держи,
И возвращайся
В эту жизнь обратно!

■

О женщинах сужу я по тебе,
Я преклоняюсь,
Если что-то схоже...
Ты не сердись!
Я мимо не пройду
Той женщины,
Что на тебя похожа.

Ты, впрочем, знаешь
Это, как и я.
И ты, наверно,
Так же поступаешь.
Ты знаешь все,
Ты слишком много знаешь,
И я здесь —
Не судья,
Твоя ладья!

Поскольку есть у нас —
Куда важней! —
Иные счеты
С жизнью
И с особою,
С Россиею,
Которой нет важней,
С ее неповторимою
Судьбою!

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ ХУДОЖНИКА Н. ЛИСОГОРСКОГО

Халижан БЕКХОЖИН

Станислав КУНЯЕВ

Дмитро ПАВЛЫЧКО

Давид САМОЙЛОВ

оборот, путами, сдерживающими творческий рост поэтов.

Подобная зависимость от застывших стереотипов тем более обидна, что в принципе традиционные, своего рода сформировавшиеся синонимы поэтичности отнюдь не противопоказаны современной поэзии, в чем мы можем убедиться на примере некоторых стихотворений Б. Олейника. В новом его сборнике «Стою на земле» («Молодая гвардия», 1973) есть очень поэтичные строки о матери: «Наша мама — сизая горлица. Все к ней ластятся— в поле, в горнице: ...журавушка над криницею — чистою слезою-водицею, а земля — пшеницею ярою, а года — задумчивым яворм, что грустит над ней с сорок первого: «Где ж подела ты друга верного?..» Здесь каждый образ — вроде бы устоявшееся и строго определенное понятие, а вот поди же, стихотворение светится, удивляет свежестью чувства. Поэт, как бы чуть притронувшись кистью, изменил полутона знакомых предметов, и они заиграли по-новому, волнуя нас, как волнует встреча с самым другом, схожим с ним лицом и в чем-то отличающимся от него.

Пример со стихами В. Олейника показателен для нас и еще с одной стороны. При обращении к современной теме в произведениях многих наших поэтов нередко дает себя знать риторичность или отвлеченное философствование, не подкрепленные предметной фактурой, художественной пластичностью, выразительностью стиха. Вот, к примеру, А. Вертинский провозглашает: «Человечество будет жить! Человечество будет дружить!» Мысль не вызывает сомнения. Но поэтическая ее невоплощенность очевидна.

В. Олейнику тоже не всегда удается переплавить лозунг, публицистический призыв в совершенную, зримую форму. Пафос стихотворений «Мой долг», «А люди идут», «Отцы и дети», при всей страстности автора, все же не обретает образной структуры. И как усиливает действенность стихотворения о личных ошибках и добрых делах метафорическое выражение заключенной в нем идеи! Добро и зло, представшие пред нами в образах двух сражающихся между собой войск, — вто и есть художественное решение темы: «Я видел, как героев тает горстка, как гибнут добродетели мои... И на подмогу маленькому войску рванулся я с отвагою геройской и проклял роль третейского судьи».

Переосмысление в духе нашего сложного времени мифа о Прометее также свидетельствует об умении поэта пользоваться традиционными сюжетами и художественными средствами: «Мы славим в одах празднество огней, но всех пускать на этот праздник рано: ведь тот огонь, что дал нам Прометей, когда-то сжег великого Джордано». Тень Джордано оказывается потревоженной отнюдь не всуе и в другом стихотворении: «Ах, что ж он не покаялся, чудак? Ну, не всерьез... а только так, с трибуны. Все было б: жизнь, покой и даже... страх. Вот только не было б Джордано Бруно». Это тоже публицистика, но уже другого, нравственно-философского плана.

По своей яркой образности и эмоциональной напряженности сегодняшний Б. Олейник, мне кажется, сродни раннему В. Цыбину. Только В. Цыбин почему-то очень скоро ушел от буйной метафоричности и яростного напора своих первых книг «Родительница степь» и «Медовуха», а романтическая настроенность, высокая одухотворенность Б. Олейника позволяют ему вовлекать в свою поэтическую орбиту новые пространства, использовать приемы легенды, условные фигуры (говорящий конь Доля в одноименной поэме). И все это при завидном сохранении эмоционального накала, душевной взволнованности, которые у В. Цыбина не получили дальнейшего развития. Здесь, видимо, сказалась разная художественная природа таланта поэтов: возвышенно-романтическая — у Б. Олейника и земная, реалистическая — у В. Цыбина. Существовали, возможно, и другие причины столь быстрого и резкого перехода В. Цыбина от «буйства глаз и половодья чувств» к вопросительно-раздумчивому слогу позднейших книг — «Пульс», «Глагол», «Ау!». Сказалось, может быть, иссякание первичных, столь сильных всегда впечатлений детства и юности — родная земля, «край степной», по собственным словам автора, «отпустили» его, или произошла закономерная возрастная творческая эволюция поэта, когда от необузданных, во многом стихийных страстей его потянуло к ясности и душевной прозрачности зрелой поры: «Ведь ливню — срок! Ведь песне — срок! И срок — душевной ясности!» Скорее всего, и то, и другое вместе.

Как бы то ни было, живописность и яростность мира, бьющего в лицо запахом трав и ароматом рос, сменились спокойствием пространства, где превалирующим образом нового мироощущения автора стал снег как символ ясности и чистоты, к которым теперь стремится в своих произведениях поэт: «Мне нужен этот чистый снег...»; «Ты вслушайся в секунд неотвратимый бег — мгновения бегут, прозрачны будто снег». Поэт предстал перед нами в новом качестве — воспринимающим мир не внешне в его сочной картинности, глыбистости, чувственной материальности, а изнутри, когда он прислушивается к тому, какая «нетерпеливая работа свершается» в его душе, вглядывается в прозрачность мгновений. И, наверно, этот «другой» В. Цыбин нашел новых поклонников и ценителей. Но мне кажется, новые обретения поэта не в полной мере возмещают утрату той первичности, непосредственности чувства, зримой изобразительности, что так привлекали в авторе «Медовухи»: «...кони копытами в звезды бьют, и падают травы на корточки от жирных тяжелых рос, и луны грузнеют в лужах, похожие на стрекоз...» Или этот лирический вздох: «Вся ты — из рассвета, вся — из лета, с кожей, что от яблонева цвета, — как не приохотиться к тебе?»

Но поэтическая эволюция автора не завершена. Обращение его к прозе также не означает еще ухода из поэзии. Потому что вот и А. Вертинский пишет: «Возвращаюсь в стихи после долгой разлуки...» И такие периоды ухода (не обязательно сопровождающиеся прекращением писания стихов) с позднейшим возвращением к стиху естественны для каждого поэта. Они, очевидно, наступают тогда, когда поэт исчерпал животворный источник впечатлений, не в состоянии обеспечить слово золотым запасом души. К. Мурзалиев и Э. Вахидов, мне кажется, только подходят к такому периоду переоценок, предстоящих поисков.

В. Цыбин же и А. Вертинский, творческая эволюция которых сегодня выглядит протяженнее и оттого выразительнее, пытаются определить себя в других формах и жанрах. Логично поэтому предположить, что в ближайшие годы они еще не раз испытают «возвращение в стихи».

Хотелось бы только, чтобы это возвращение было как бы на новом этапе, на следующей спирали, обогащенное опытом работы в других жанрах, мудростью зрелости, ощущением расширившегося «простора земного».

АРХИВ «ЛГ»

Лубянский проезд, дом № 3

Теперь здесь (ныне это проезд Серова) расположился Государственный музей В. В. Маяковского... А когда-то в этом же доме, на четвертом этаже, в обычной коммунальной квартире был рабочий кабинет Маяковского. Жившая по соседству Л. Татарийская часто перепечатывала Маяковскому его рукописи. Ее воспоминания — это еще одно живое свидетельство современника поэта.

Фото Л. ИНСНЕВИЧА

В КОНЦЕ 1923 года я с семьей переселилась, по уплотнению, в квартиру № 12 дома № 3 по Лубянскому проезду. В этой квартире жил поэт Владимир Владимирович Маяковский. Комната наша граничила с комнатой поэта, ее разделяла общая перегородка.

Когда мы въезжали в эту квартиру, Маяковский был в отъезде.

В один из дней я услышала, как открылась входная дверь, загремели ключи, с шумом открылась и дверь в комнату Маяковского. Через несколько минут я услышала стук в нашу дверь. Не дождавшись ответа, вошел человек высокого роста, крупного телосложения, с запоминающимся лицом. Он удивленно посмотрел на меня, на комнату с изменившейся обстановкой и спросил:

— Здесь больше не живут Бальшины?

Я ответила:

— В этой комнате теперь живем мы. А Бальшины — в другой.

Не задавая больше никаких вопросов по этому поводу, он спросил:

— Как вас зовут?

— Люся, — ответила я.

— А я — Маяковский, — и он протянул свою большую ладонь и крепко пожал мне руку. И тут же сразу, по-деловому сказал:

— Товарищ Люся, скоро придет моя сестра Ольга Владимировна, прошу, передайте, пожалуйста, этот пакет, я сейчас должен уйти.

С радостью я взяла пакет и стала с нетерпением ждать сестру Маяковского.

День начинался у Маяковского со звонков по телефону. Слышен был громкий голос поэта. Затем приходили люди, были слышны разговоры.

Работал Маяковский так: когда он продумывал свои произведения, он часто открывал дверь из комнаты в переднюю, из передней в коридор и шагал туда и обратно. А когда ему нужно было перенести свои мысли на бумагу, он подходил к бюро, ставил ногу на стул и записывал.

Соседи никогда не слышали от Маяковского каких-либо замечаний, резкого тона, жалоб на то, что ему кто-нибудь мешает. А ведь ему часто не давали работать. Дети затевали шумные игры у его двери. Но он никогда их не выгонял из передней, а выносил им сладости, и они убегали по своим комнатам.

Когда Маяковский узнавал, что у кого-нибудь из соседей неприятности, он предлагал свою помощь. Помню, в нашей квартире заболела скарлатиной маленькая девочка. Узнав об этом, Владимир Владимирович с озабоченным лицом подошел к матери девочки и сказал:

— Нина Генриховна, чем я могу вам помочь? Может быть, вам нужны деньги, пожалуйста, возьмите.

Это было в тяжелые двадцатые годы, когда страна переживала большие трудности.

Моя семья тоже была в трудном материальном положении. Я пыталась найти работу, но не могла.

Как-то я шла по лестнице, и у меня оторвалась подметка от туфли. Других туфель не было. Как же я пойду в школу?.. Я громко заплакала и с плачем подошла к парадным дверям. Маяковский, услышав плач, открыл двери с испуганным лицом и спросил:

— Что случилось?

Я пробежала к себе в комнату, Маяковский зашел вслед за мной. Я ему рассказала о своем «непоправимом горе». Помню, как помрачнело его лицо. Он опустил голову, постоял около меня и, ничего не сказав, вышел из комнаты.

Через некоторое время он зашел ко мне в хорошем настроении:

— Товарищ Люся, я бы очень хотел, чтобы вы научились печатать на машинке. Мне это было бы очень удобно.

Позже я поняла, какое большое, глубокое внимание проявил ко мне Маяковский. В те тяжелые для меня минуты он не стал меня утешать, он даже не предложил мне денег, а ведь он был человеком широкой натуры и многим оказывал денежную помощь. Но он нашел другой выход: очень тактично предложил мне работу. Я стала учиться печатать на машинке, а Владимир Владимирович давал мне перепечатывать свои произведения. Поначалу дело шло не очень хорошо: и почерк у Маяковского был сложный, трудно было его разбирать, и я сама писала медленно, делала много ошибок. Но Маяковский никогда не выражал недовольства. Он терпеливо объяснял мне, как разбирать его почерк.

Работать с Владимиром Владимировичем было очень интересно. Меня часто удивляло и радовало, что большой поэт спрашивал меня, шестнадцатилетнюю девушку, понравилось или не понравилось мне то, что я только что перепечатала. Помню, я громко рассмеялась над одним местом в пьесе «Клоп», показавшимся мне особенно смешным.

— Люсенька, правда, смешно? В каком месте? — вбежал в комнату Маяковский. Я ему показала, и лицо его сделалось веселым.

Когда Маяковский работал дома, он выходил открывать наружные двери на все звонки. Большинство звонков было к нему: приводили литераторы, студенты, чтобы пригласить его выступить на их вечере, пионеры за консультацией по поводу стенной газеты и т. д. Часто приходили люди просить денежной помощи, зная, что Маяковский им в этом не откажет.

Помню, кто-то позвонил, Маяковский открыл дверь, вошел молодой человек, стесняясь, сказал:

— Я студент, мама моя тяжело заболела, мне нужно к ней поехать, а у меня нет денег. Помогите мне.

Маяковский стал вытаскивать из бокового кармана бумажник, вынул деньги, но ему, видимо, показалось, что этого мало, и он стал шарить в карманах брюк, выгребая оттуда все, и с какой-то неловкостью и даже смущением отдал деньги студенту.

За всю свою долгую жизнь я никогда не видела человека, похожего на Маяковского. Он был большого роста, крупного телосложения, ходил прямо, высоко держа голову. Шаги его были очень большие. При ходьбе он далеко закидывал большую палку, которая постоянно была при нем.

Иногда Маяковский звонил откуда-то и просил, чтобы я его подождала, чтобы напечатать ему. Я смотрела из тех окон, которые выходили на площадь Дзержинского (Лубянскую); по площади ходили трамваи, пешеходы, и я издалека через всю площадь видела, как шел Маяковский.

Нашу лестницу, поднимаясь на четвертый этаж, Маяковский преодолевал с невероятной быстротой. Всегда шел быстро, и, несмотря на то, что ступени были высокими, он перешагивал через 2—3 ступеньки.

Владимир Владимирович, когда был чем-то возмущен, говорил: «Это категорическое безобразие...» Но когда он встречал человека, который ему был приятен, он говорил: «Приветствую вас категорически...»

Помню, как-то Маяковский, уходя, сказал мне:

— Товарищ Люся, придет ко мне очень симпатичный дядя, вы пригласите его к себе, пусть меня обязательно подождет. Я скоро буду.

И действительно, пришел очень симпатичный человек — это был Василий Васильевич Каменский. Я сделала все, что просил Маяковский, и когда он вернулся, то быстро вбежал в нашу комнату; увидев Каменского, он как-то особенно тепло, как никому другому, сказал: «Приветствую вас категорически...»

...Были предпраздничные Октябрьские дни. В один из этих дней, примерно в 6 часов вечера, раздался звонок. Открыв дверь, я увидела четырех молодых людей.

— Маяковский дома? — спросили они.

— Нет, — ответила я, — часа два как ушел.

На их лицах я заметила огорчение. Один из них стал допытываться, куда же поэт мог уйти.

— Разве можно догадаться, где сейчас Маяковский? — сказала я.

Они не уходили. Я спросила:

— Зачем вам так нужен Маяковский?

— Мы студенты, — ответили они — и наше общежитие в этом доме. У нас сегодня вечер, и мы хотели бы, чтобы выступил Маяковский.

На разговор вышла из комнаты моя подруга.

После большой паузы один из студентов сказал:

— Пойдемте искать Маяковского, и мы его обязательно найдем.

Это их желание мне показалось каким-то странным и невероятным.

Сбегая по лестнице, кто-то из них остановился и сказал:

— Девушки, приходите к нам на вечер...

Я согласилась. Мы с подругой пошли с одним студентом в общежитие, а трое побежали искать Маяковского.

Общежитие было во дворе нашего дома в другом корпусе. Мы увидели большую комнату. Возле стен стояли только стулья. Узнав, что Маяковского дома не оказалось и что трое побежали по Москве искать его, студенты затеяли спор. Многие говорили, что Маяковского, конечно, не найдут, а если бы даже нашли, то специально в общежитие он не пойдет. Но были и такие, которые говорили, что если найдут поэта, то он обязательно придет. Студентам он не откажет. В споре прошло много времени. И вдруг открывается дверь, вбегает один из тех, кто его разыскивал, а за ним, к большому, радостному изумлению, входит Маяковский. Он читал «Левый марш». Читал громко, во весь голос, как в Политехническом музее. Все стоя слушали. Под бурные аплодисменты и крики восторга студенты толпой проводили поэта.

Когда происходили творческие вечера Маяковского в Политехническом музее, молодежь приходила туда задолго до начала. Толпы народа в Лубянском проезде затрудняли движение трамваев. Молодежь заполняла двор нашего дома, многие заходили даже на лестничную клетку и заполняли ее до четвертого этажа, где была комната Маяковского, ждали, когда он выйдет и направится в музей на свой творческий вечер. И как только Маяковский показывался, молодежь горячо встречала его.

Я наблюдала за тем, как ато происходило.

Маяковский всегда был смущен такой встречей. Он не улыбался, не приветствовал их руками, не кланялся, как это делали и делают актеры, музыканты, поэты, когда их встречают. Он всегда очень серьезно говорил: «Здравствуйте, товарищи!» — и спускался по лестнице, пробиваясь сквозь толпу. Во дворе его тоже ждали. Окруженный толпой, Маяковский шел к Политехническому музею. Я замечала: сколько бы его ни окружало людей, даже высоких, Маяковский всегда был ростом выше всех.

Л. ТАТАРИЙСКАЯ

МИР КОНЕНКОВА

В ЭТИ ДНИ Сергею Тимофеевичу Коненкову исполнилось бы сто лет. Он не дожил трех лет до столь знаменательной даты. Но юбилей состоится. Родные и близкие, коллеги и ученики, многие почитатели его таланта придут в дом на Тверском бульваре, где последние два десятилетия жил и работал замечательный скульптор и где сегодня открывается мемориальный музей-мастерская. Борис Николаевич Федоров, друг и помощник Коненкова, а теперь директор музея, встретит гостей и введет в дом, в котором собрано и восстановлено все, что связано с жизнью и творчеством Сергея Тимофеевича.

Всю свою жизнь, весь талант и все силы души отдал этот выдающийся художник искусству, служению родному народу. Создана комиссия по увековечению памяти Героя Социалистического Труда С. Т. Коненкова во главе с президентом Академии художеств СССР Н. В. Томским. Перед ней стоит задача всемерной пропаганды творческого наследия Коненкова. Музей-мастерская поможет любителям искусства каждодневно приходить в мир созданных им образов.

...Прихожая. Вся обстановка сделана самим хозяином дома — эти стулья, кресла, стол много раз экспонировались, описаны и воспроизведены в каталогах, их узнаешь сразу.

В кабинете все осталось так, словно мастер и не прекращал работы, — лежат бумага, карандаши, коробки с пластилином. (Коненков начинал всегда с карандашного наброска, потом воплощал замысел в пластилине.) На полках вдоль стен — слепки, эскизы, книги... Перелистывая каталоги художественных выставок, на которых экспонировались скульптуры Коненкова, видишь, как много он трудился, как характерно для творчества Коненкова повторение и углубление полюбившейся темы. Так, на протяжении полувека скульптор сделал ряд совершенно неожиданных композиций «Самсона, разрывающего цепи», пользуясь разными пластическими средствами. Среди экспонатов — мраморные головы Самсона, гипсовые эскизы и фрагменты статуй, карандашные наброски... Интересна акварель — эскизы костюмов для цирковой феерии по сценарию Коненкова «Самсон-победитель».

Достоевский, Паганини, Эйнштейн, Белоянис, Уланова... Созданная Коненковым портретная галерея свидетельствует не только о таланте мастера, но и об исключительной многогранности его натуры. Многие выдающиеся деятели мировой культуры, чьи портреты он создавал, становились близкими друзьями художника. Скольких замечательных людей он знал... Портрет Эйнштейна Коненков лепил в Америке, а в Италии позировал ему Горький. Частыми его гостями были ученые и музыканты, писатели и артисты. В мастерской Коненкова танцевала Дункан и читал стихи Есенин...

Некоторые работы остались неоконченными, мечты неосуществленными. Не завершена, например, сложная композиция «Космос» — последний вариант глубокого философского произведения, идея которого многократно повторена автором в панно и рисунках...

150 экспонатов. В мастерской тесно, хотя здесь представлена лишь десятая доля того, что сделал Коненков за долгую жизнь. Многие работы находятся в других музеях и в частных коллекциях. В Ростове, на берегу Дона, стоит огромная, в 5 метров высотой, шестифигурная композиция «Степан Разин». Среди экспонатов музея есть ее фрагмент — не постаменте из необработанного дерева голова в красной феске, упрямое горбоносое лицо, мощная шея, сверкающие из-под лохматых бровей глаза. Памятник Разину работы Коненкова открывал 1 мая 1919 года на Красной площади Владимир Ильич Ленин.

...Внизу, в подвале — запасник. Пахнет сухим деревом и сырой глиной, на полу и на полках тонкая гипсовая пыль. Здесь работают семь реставраторов. Государство выделило средства, а «вечном материале» — бронзе — будут отлиты лучшие работы Коненкова.

Сотрудники музея совместно с издательством «Советский художник» составляют первую полную монографию творчества скульптора. В ней будет две раздела — 350 рисунков и 860 скульптур. Телевидение готовит передачу из музея, студенты ВГИКа снимают документальный фильм.

После сноса старых домов предполагается отдать в распоряжение музея большой угловой двор между улицей Горького и Тверским бульваром. Тут разобьют сквер, поднимется одноэтажный павильон с кинозалом. Еще с улицы будут видны стоящие под открытым небом бронзовый «Самсон» и мраморный «Лирник» — с них начнется знакомство с миром искусства, открытым для людей щедрым и могучим талантом Сергея Тимофеевича Коненкова.

Н. ЦИМАЙЛО

В Музее-мастерской С. Т. Коненкова. Портреты Горького, Маяковского, Достоевского, Толстого.

Фото А. ХРУПОВА

ГАСТРОЛИ-74

А. СОЛОДОВНИКОВ

В ГОРОДЕ БРАТСТВА

ТРАГЕДИЯ САМЕДА ВУРГУНА «ЧЕЛОВЕК» НА СЦЕНЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ АЗИЗБЕКОВА

НА СЦЕНЕ Театра имени Азизбекова впервые были поставлены все драматические произведения Самеда Вургуна. В творческих встречах поэта с актерами и режиссерами этого театра нередко рождались замыслы его новых пьес.

В собрании сочинений С. Вургуна на русском языке мы напрасно будем искать трагедию «Инсан» («Человек»). Поставленная в конце 40-х годов, трагедия вскоре сошла со сцены и была зачислена в разряд «творческих неудач» поэта.

Однако нынешней весною, в канун празднования 100-летнего юбилея национального азербайджанского театра, «Инсан» снова появился на сцене Театра имени Азизбекова, получив в Баку единодушное признание и зрителей, и критики. Заслуга в возрождении трагедии принадлежит Мехти Мамедову, счастливо соединившему в себе талант режиссера, темперамент актера и неутомимую энергию театроведа. Он перечитал «Инсан», поставил спектакль и сыграл в нем главную роль.

Самед Вургун написал «Инсан» в 1945 году, по горячим следам отгремевших боев, под свежим впечатлением одержанной нашим народом победы. Азербайджанский поэт был в числе первых советских литераторов, попытавшихся дать образно-поэтическое и историко-философское осмысление трагического пафоса войны. У С. Вургуна не было «дистанции времени». И чтобы дать почувствовать масштабы и величие победы, он создает такую «дистанцию» в самом произведении. Действие трагедии проходит в двух исторических планах: в дни войны и в дни празднования 30-летия Победы.

...В городе Братства над могилой безымянных героев полыхает огонь вечной Славы. В честь годовщины Победы здесь сооружен благодарными потомками величественный памятник. В церемонии его открытия участвуют и ветераны войны, и молодые их современники. Здесь композитор Сагяр — вдова философа Шахбаза, одного из героев Великой Отечественной войны. Рядом — его и ее сын, тоже Шахбаз. Сюда приехали генерал Ислам, поэт Джалал, скульптор Валентин, его дочь Татьяна. На праздник мира, чтобы почтить героев, прибыли представители Индии, арабских народов, немецкий юноша, выросший после войны, несгибаемая в борьбе за свободу гречанка...

Таким прологом начинается спектакль, поражающий прежде всего удивительным историческим предвидением, с которым С. Вургун воссоздал почти 30 лет назад атмосферу наших дней, чувство интернационального братства и дружбы народов, твердую решимость миллионов людей не допустить новой губительной войны.

Основное действие пьесы возвращает нас к событиям войны. Бои идут в предгорьях Кавказа. Гитлеровцы стремятся пробиться к кавказской нефти. Тяжело раненный, Шахбаз попадает в плен. Сам нацистский министр пропаганды Альберт прибыл, чтобы допросить Шахбаза, известного советского ученого, и склонить его к переходу на сторону немцев. В споре между Альбертом и Шахбазом сталкиваются две идеологии, два непримиримо враждебных взгляда на жизнь. Шахбаз непреклонен и, измученный пытками, гибнет.

Эпилог снова возвращает зрителей в наши дни. Вдова героя Сагяр создала симфоническую поэму «Песнь разлуки». Старые друзья собрались в ее доме, чтобы отметить два важных события — большую творческую победу Сагяр и помолвку Шахбаза-младшего с Татьяной. Не печаль и радость, как неразлучные сестры, шагают по жизни рядом. В разгар праздника сердце Сагяр перестает биться... Шахбаз-младший, разыскавший незаконченные рукописи отца, продолжает его работу.

Мехти Мамедов и художник Эльчин Мамедов стремились найти для спектакля монументально-величавые формы, отвечающие масштабу и философской сущности трагедии. Этому служат и обобщенный характер декораций, и удачное использование света, с помощью которого акцентируются те или иные перипетии сюжета, и фрагменты из Седьмой, Ленинградской симфонии Д. Шостаковича, и, конечно, лучшие актерские работы, в которых поэтическая приподнятость исполнения органически сливается с естественностью и простотой.

Во главе всего творческого ансамбля — М. Мамедов, исполняющий роли обоих Шахбазов, старшего и младшего, а также О. Курбанова, согревающая образ Сагяр сердечным теплом и мягкой женственностью. Отличный ансамбль составляют К. Худавердиев (Ислам), В. Фатуллаева (военный врач Дилдар), С. Ибрагимова (Татьяна), М. Садыхова (Мария, мать Валентина) и другие исполнители ролей советских людей.

Менее конкретны сценические характеристики представителей гитлеровского лагеря, отмеченных чертами насильно мелодраматического злодейства. Пожалуй, убедительнее других сыгран генерал фон Хольц (артист И. Османлы), враг не только жестокий, но и хитроумный.

Мешает целостному впечатлению от спектакля проскальзывающие кое-где иллюстративно - натуралистические штрихи и сцены, снижающие патетический и поэтический накал трагедии. Я видел спектакль в самом процессе его рождения. К моменту приезда театра на гастроли в Москву постановка приобрела большее стилистическое единство, и это обещает ей долгую и интересную жизнь.

Главную же радость и удовлетворение приносит плодотворный союз автора и театра. Самеда Вургуна нет с нами уже много лет... Но Театр имени Азизбекова постоянно находит силы и средства, чтобы возрождать бессмертное имя поэта.

СКУЛЬПТУРА

ЭСТРАДА

ТЕАТР

КИНО

Аркадий ВАКСБЕРГ

ЗОЛОТО «ЗОЛОТОГО ОРФЕЯ»

«ДАВНО прошли времена, когда духовные братья юного Вертера добровольно расставались с жизнью, прижимая к груди любимую книгу. Нынешних «романтиков» может повергнуть в экстаз разве что любимый певец, чей голос запечатлен на пластинке. «Джими, иду к тебе!» — воскликнула, бросаясь с крыши гамбургского небоскреба, одна 16-летняя девица, когда ее идол, Джими Хендрикс, умер, наглотавшись наркотиков...»

Этими горькими, хотя, быть может, не вполне справедливыми словами начинает свою статью «Крестовый поход граммофонной пластинки» критик Эльмар Библ в западногерманском журнале «Дивельт».

Судьба никогда не сталкивала меня с бедным Джими, но вот массовую истерику на концерте Джонни я видел своими глазами. Впрочем, можно ли это назвать концертом? В парижском Дворце спорта многотысячная толпа бесновалась, заглушая надрывный крик длинноволосого Холидея. Он бился в конвульсиях на краю рампы, судорожно прижимая ко рту микрофон, и тянулись вверх сотни рук ошалелых поклонниц, готовых принять в объятия своего кумира. Но кумир не падал, он точно держал дистанцию, — все это было идеально рассчитанная, многократно отрепетированная игра.

Я смотрел не на Джонни — на поклонниц. На двух из них — прелестных, юных, еще школьниц, наверно: обнявшись, они неистово тряслись в такт ошалелому ритму. Внезапно песня кончилась, крик оборвался. Джонни, скорчившись, рухнул на сцену, словно его кто-то ударил в живот, раздался треск поверженных кресел, из зала понеслись истерические вопли...

ПО ЗАКОНУ ассоциаций (или по закону контрастов?) я все время вспоминал эту сцену, когда на прекрасном болгарском курорте Солнечный берег проходил десятый международный фестиваль эстрадной песни «Золотой Орфей». И здесь огромный летний театр был заполнен до отказа, а тысячи не сумевших попасть внутрь, располагались на траве или прямо на дюнах, где было все слышно, но не видно, увы, ничего. И здесь любимая песня находила живой, непосредственный отзвук в зале. И здесь были свои кумиры, которых встречали и провожали дружескими, порой шутливыми, порой почтительными возгласами. И подпевали, когда со сцены звучал популярный шлягер. И рвались за автографами. И бросали охапки свежих гвоздик...

Меньше всего мне хотелось бы делать лежащие на поверхности сопоставления, ставя в пример апологетам дурного вкуса умеренных в своих восторгах ценителей. Ни одно искусство не застраховано от пошлости и подделки, просто эстраде эти опасности угрожают больше, и пошлость, и подделку ей приходится преодолевать в нелегкой борьбе.

«Золотой Орфей» как раз и показался мне «мероприятием», активно воюющим за утверждение подлинного песенного искусства. Воюющим не критикой, не насмешкой, не запретом или умолчанием, а тем единственным, чем можно победить фальшивку и дурной вкус, — хорошей песней.

Помню триумфальное шествие в увитой гирляндами колеснице по парку Тюильри престарелого Мориса Шевалье: Париж воздавал поистине королевские почести человеку, чьи песни целых десятилетия сопровождали жизнь миллионов французов...

У входа на кладбище Пер-Лашез корректный полицейский раздает план-карту, где крестиками отмечены самые дорогие могилы. Среди немногих — могила Эдит Пиаф...

На одном из вечеров «Золотого Орфея» в ложе рядом со мной оказался советский академик, всемирно известный ученый весьма почтенных лет. Пела Йорданка Христова, выдающаяся болгарская эстрадная певица. Весь отдавшись стихии ритма, академик отстукивал такт ногой и вместе с залом хлопал в ладоши. На какую-то долю мгновенья он устыдился своей «слабости», оглянулся в смущении, но тут же мелодия взяла свое, и опять он захлопал, негромко подпевая артистке. А зал ликовал, сверху кричали: «Браво, Данчев!», «Пой, Данче, еще!» — и она пела снова и снова, пела весело, легко, свободно...

Эстрадную песню называют одним из самых популярных жанров. Но точно ли это слово? О популярности ли ее надо сейчас говорить или о том, что она просто-напросто стала непременным спутником нашей жизни? Ее звуковым фоном?

Она звучит по радио, с теле- и киноэкрана, с пластинок и магнитофонных лент. Мы слышим ее в поезде и автомобиле, в ресторане и магазине, мы работаем, настроив транзистор на «песенную» волну: мы не слушаем песни, мы живем в атмосфере песни.

В одном из иностранных журналов я наткнулся на серьезную философскую статью, где эстрадная песня была названа феноменом XX века. Ни больше ни меньше... Фраза запомнилась своей парадоксальностью, преувеличением, доведенным до абсурда. Теперь я все больше и больше думаю: а так ли уж она абсурдна и парадоксальна?

Поразмыслим хотя бы над втими удручающими цифрами (их обнародовал изучающий общественное мнение западногерманский институт Аленсбаха): если в 1954 году большинство юношей и девушек на Западе посвящали основную часть свободного времени чтению книг, то в 1973 году 70 процентов опрошенных молодых людей отдали предпочтение пластинке и магнитофону. У мужчин и женщин более зрелого возраста, по данным этого института, соотношение таково: 44 процента на первое место поставили слушание песен и джазовой музыки и лишь 42 процента — чтение книг.

С пластинкой и магнитным роликом не могут состязаться даже самые нашумевшие бестселлеры. Тираж детективов Агаты Кристи и Жоржа Сименона достиг «всего» 300 миллионов экземпляров — меньше, чем тираж пластинок уже не существующего ныне ансамбля «Биттлз». «Унесенные ветром», популярнейший роман американской писательницы Маргарет Митчелл, разошелся в неслыханно рекордном количестве — 7 миллионов экземпляров. Но тираж пластинок ее соотечественника Бинга Кросби достигает 25 миллионов в год!

Не будем делать поспешного вывода о том, что пластинки «затмили» книгу за пояс и что всем писателям пора переходить на сочинение песен. Ясно, что хорошая книга требует напряжения и сосредоточенности, а поп-музыку можно слушать между делом — «вполуха», слушать, не вслушиваясь, не вдумываясь, не тратя на это ни малейших усилий (именно такую музыку предлагает гигантская машина развлекательного бизнеса). Но важен сам факт: песня распространяется с фантастической быстротой, она вовлекает в зону своего притяжения сотни миллионов людей. Тем важнее противопоставить мутному потоку песни, несущие глубокую идею, благородное нравственное и эстетическое начало.

«ЗОЛОТОЙ ОРФЕЙ» родился и вырос на гребне всеобщего увлечения песней. Для того родился и вырос, чтобы сделать ее нашей союзницей в борьбе за душевную красоту человека нового общества. Чтобы привить вкус к хорошей песне: мелодичной, поэтичной, содержательной, к песне, откликающейся на самые сокровенные человеческие порывы.

Но у «Золотого Орфея» есть еще и другая заслуга: он воспитывает умение ценить и понимать все лучшее, прогрессивное, что есть на эстраде. Фестиваль — это, в сущности, лишь финал праздника, который длится целый год.

Первый судья песни — публика, сотни тысяч радиослушателей, которые в определенный день и час знакомятся с новыми песнями и подают за них (или против) свои голоса. Они голосуют и на открытых прослушиваниях, где официальными судьями являются уже профессионалы. Мнение жюри не всегда совпадает с мнением публики. В печати, по радио, по телевидению ей потом терпеливо разъясняют, в чем она права и в чем не права.

Той же задаче — воспитанию песней — в большой степени способствует широкая популярность «Орфея», которую ему создает телевидение. По существу, на те пять вечеров, которые длится фестиваль, вся страна превращается в огромный концертный зал. Она не просто видит и слышит певцов, она смотрит захватывающий телеспектакль, который виртуозно поставил талантливый режиссер Хачо Бояджиев.

Вся страна, написал я. Нет, много, много стран. Потому что по каналам Интервидения и Евровидения программу «Золотой Орфей» смотрят не менее чем 200 миллионов зрителей! Группы социологических исследований при телевизионных центрах ряда стран установили, что телезрителей у «Орфея» больше, чем у самых захватывающих спортивных состязаний, вроде Олимпийских игр или первенства мира по футболу.

Известно, что песне удавалось поднять людей на героические дела, на возвышенные поступки, сплотить, помочь пережить горе и боль. Вся история советской песни это подтверждает. Однако сколько идолов современного капиталистического общества пропагандируют песни, способные пробудить в человеке порочные инстинкты, вызвать массовую истерику и психоз. Изучены ли, изучаются ли механизмы воздействия песни на людей, пределы и степень ее «педагогических» возможностей, ее место в арсенале многочисленных средств, с помощью которых общество воспитывает своих граждан?

Если пользоваться современной научной терминологией, песня — одно из средств массовых коммуникаций, и нет, пожалуй, другого столь же массового средства, которое в социально-нравственном плане было бы изучено так мало. Или, может быть, я ошибаюсь? Может быть, есть такие исследования, глубокие и комплексные, но мы, не узкие специалисты, ничего о них попросту не знаем?

Передовые педагоги давно уже поняли, как важно, например, подготовить подростка к встрече с миром кино. Во многих городах нашей страны учителя-энтузиасты факультативно (пока еще факультативно!) преподают основы киноискусства. При Союзе кинематографистов СССР даже создан Совет по кинообразованию. И это очень отрадно.

Ничуть не умаляя значения «важнейшего из искусств», хотелось бы только напомнить, что песня входит в мир ребенка раньше, влияет интенсивнее. Именно подростки, молодежь прежде всего подвержены ее магическому влиянию. Что поет подросток, что любит он слушать, под какие ритмы он «трясется» на танцплощадке, какие исполнители становятся его кумирами — все это нам далеко не безразлично.

Так не стоит ли подумать о том, как готовить его к встрече с песней? Не только с народной, не только с хоровой, не только с классической. Но еще и с эстрадной. Сегодня ее поют и слушают миллионы...

СОЛНЕЧНЫЙ БЕРЕГ — МОСКВА

АДРЕС РЕЖИССЕРА — УССУРИЙСКИЙ КРАЙ

НЕДАВНО съемочная группа фильма «Дерсу Узала» отметила день рождения человека, с которым ей предстоит работать почти два года. День рождения японского кинорежиссера Акиры Куросавы. Автору знаменитых фильмов «Расёмон», «Семь самураев», «Жить», «Под стук трамвайных колес» исполнилось шестьдесят четыре года. Куросава встречал этот день в Советском Союзе, в Москве. Здесь он приступил к постановке нового фильма — «Дерсу Узала» по одноименному роману Владимира Арсеньева (сценарий написан режиссером вместе с Юрием Нагибиным).

В комнате, где расположилась съемочная группа фильма, безошибочно можно ощутить атмосферу арсеньевских книг: картины, развешанные вдоль стен, переносят в суровый и по-своему прекрасный дальневосточный край, в Уссурийскую тайгу — место действия будущей ленты Куросавы. Тут же на фотографиях можно увидеть и самого В. К. Арсеньева в разные годы его жизни: в военной форме, в удэгейском костюме среди друзей — охотников и проводников, с одного из которых и списан знаменитый Дерсу.

Акира Куросава говорит:

— В своем фильме я не собираюсь акцентировать внимание на экспедициях Арсеньева. Для меня важно другое. В центре внимания будет та необыкновенная дружба, которая долгие годы связывала Арсеньева и Дерсу Узала. Тема дружбы, человеческой верности и любви к природе больше всего привлекает меня в произведениях В. К. Арсеньева и представляется мне главной в фильме. Дерсу как бы слился с природой. Он живет с ней одной жизнью, научился понимать ее, любить, у него нет с ней никаких конфликтов. Дерсу — духовно здоровый, цельный, сильный. И я, так же как и Арсеньев, не могу не восхищаться им. Книги писателя-путешественника, по существу, о том, как автор раз от раза все глубже и глубже понимал Дерсу, а через него — и всю природу, весь окружающий мир...

Я часто задумываюсь над тем, как люди порой легкомысленно относятся к своему будущему. Я имею в виду поистине варварское обращение с окружающей нас средой. Посмотрите, с каким безрассудством во многих странах разрушают природу. В том числе и у нас в Японии. Меня эта проблема очень волнует. У меня еще нет внуков, но когда они появятся, будет ли Япония той страной, где смогут жить люди? Уже сегодня там трудно жить.

Замысел фильма, призывающего людей объединить усилия в борьбе за природу земли, за сохранение окружающем нас среды, и вынашиваю давно. Роман В. Арсеньева во многом отвечает этому моему замыслу. Уже выбраны исполнители главных ролей. Дерсу Узала играет артист из Тувы Максим Мунзум, а Владимира Арсеньева — Юрий Соломин.

— Вы спрашиваете, в чем отличие условий работы в Японии и в Советском Союзе? Я отвечу. Разница колоссальная! У нас в Японии, как бы много ты ни работал, жизненный уровень не гарантирован. Вот я в кино уже тридцать лет, а до сих пор не имею ни обеспеченного будущего, ни веры в завтрашний день. У нас в стране, даже если ты сделал очень хороший фильм, в первую очередь наживаются фирмы, продюсеры. Например, свой фильм «Под стук трамвайных колес» я снял за двадцать восемь дней. Он обошелся очень дешево. Прибыль принес кинофирме огромную. Ну, а что же принесла картина мне?! Только новые долги...

В Японии сейчас снять гангстерский или порнографический фильм нетрудно. Но если ты хочешь сделать фильм о проблемах, которые тебя волнуют, борьбу за его создание придется вести в одиночку. Вот почему в японское кино почти не приходят молодые силы. А раз нет творческой смены, то кинематограф неизбежно идет к упадку...

Акире Куросаве пошел шестьдесят пятый год. Но по-прежнему он полон энергии и творческих планов. Съемочная группа, возглавляемая Куросавой, только что вылетала на Дальний Восток, в город Арсеньев. А а тот день, когда известный японский режиссер отмечал день рождения, я задал ему последний, быть может, не совсем для него легкий вопрос:

— Шестьдесят четыре года — это много или мало?

— Знаменитый японский художник Тассай написал свою первую картину в восемнадцать лет, — улыбнулся Куросава. — А о восемьдесят восемь, незадолго до своей смерти, он создал настоящий шедевр. Разве это не прекрасно?! Нет, у меня еще все впереди. Я считаю, что художник должен мечтать и работать до последнего удара сердца...

Ю. БЕЛКИН

На снимке: Акира Куросава и советский артист Юрий Соломин.

Фото Ю. Родькина

СЕМЬ ДНЕЙ В ИЮЛЕ...

Общеевропейская конференция солидарности с народом Чили, проходившая 6 и 7 июля в Париже, единодушно приняла текст обращения к международной общественности с призывом поддержать справедливую борьбу чилийского народа. Его не сломили ни пытки, ни репрессии. Он, невзирая на жестокость захватившей власть военной хунты, верит в победу социализма и справедливости.

АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

ФУНДАМЕНТ ЗДАНИЯ МИРА

Третья советско-американская встреча на высшем уровне вызвала широкий отклик во всем мире. Международная общественность высоко оценила итоги переговоров между советскими руководителями и президентом США. Решимость Советского Союза и Соединенных Штатов прилагать совместные усилия к устранению опасности войны, к ограничению и в конечном счете прекращению гонки вооружений не может не вызывать чувство глубокого удовлетворения у всех людей доброй воли во всех странах мира.

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, рассмотрев сообщение Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева об итогах встречи, полностью одобрили деятельность делегации Советского Союза и политические результаты переговоров. В документе «Об итогах третьей советско-американской встречи на высшем уровне» говорится о том, что прошедшие переговоры «являются новым крупным вкладом в улучшение советско-американских отношений, способствуют дальнейшей разрядке международной напряженности, утверждению в международных отношениях принципов мирного сосуществования государств с различными социальными системами, что отвечает интересам народов СССР и США, интересам укрепления мира во всем мире».

Специальный корреспондент «Литературной газеты» Я. БОРОВОЙ попросил иностранных журналистов, освещавших встречу на высшем уровне, поделиться своими впечатлениями о прошедших переговорах.

Гюнтер ЗЕЙДЕЛЬ

Радио ГДР

Результаты прошедших переговоров выходят за рамки тех важных соглашений, которые были подписаны в Москве. Это важный шаг к ликвидации угрозы ядерной войны, прекращению гонки вооружений, заключению новых, поставленных на долгосрочную основу соглашений взаимовыгодного характера. Последняя встреча на высшем уровне является продолжением начатого пути, закреплением достигнутого, свидетельством создания определенной рабочей системы консультаций, направленных на службу делу мира, интересам всех народов.

Уверен, что последняя встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Президента США Р. Никсона дала новый импульс к развитию политики мирного сосуществования между государствами с различным общественным строем. Сейчас можно с еще большей уверенностью надеяться на успешное завершение Общеевропейского совещания, работа которого представляет особый интерес для нас.

Мы в ГДР приветствуем развитие советско-американских отношений, констатируя, что они ведут к уменьшению международной напряженности, плодами которого мы все сможем уже в обозримом будущем воспользоваться.

Дин ФИШЕР

«Тайм» (США)

В эти знаменательные и памятные дни визита президента США в СССР лично для меня состоялось первое знакомство с вашей страной. Требуется, конечно, некоторое время, чтобы осмыслить все впечатления от поездки, но уже сейчас могу сказать, что был приятно поражен успехами Советского Союза в различных областях науки, техники, культуры. Но больше всего меня тронула атмосфера доброжелательности и гостеприимства советских людей.

Я был с президентом Никсоном в Крыму и Минске. В Хатыни все мы были потрясены мужеством и героизмом советских людей в борьбе против нацизма. Мне на память приходят слова нашего президента, сказавшего, что «лучшим памятником» тем, кто погиб в годы второй мировой войны, было бы строительство с нашей стороны такого здания мира, которое окажется нерушимым и при котором уже их дети и внуки не погибнут никогда ни в какой войне».

Считаю, что в этом направлении мы и должны сосредоточить в первую очередь свои усилия. С каждой новой встречей в верхах отношения наших двух стран улучшаются, а главное — уходят в прошлое рецидивы «холодной войны», так испортившие когда-то наши взаимоотношения и международный климат в целом. Мы наконец-то можем смело говорить о реальных перспективах мире на земле. На третьей встрече был сделан еще один шаг в этом направлении. Возьмите хотя бы подписание Протокола к Договору об ограничении систем противоракетной обороны и Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия...

Не следует ожидать моментальных и сенсационных результатов сразу же от каждой встречи руководителей наших двух стран. Не следует забывать о серьезных разногласиях между нами по некоторым, и притом важным, аспектам международной жизни. Но все это не исключает возможности объединять, в частности, наши усилия в области энергетики, космоса, охраны окружающей среды, транспорта... В Америке я явственно ощущаю положительные изменения наших отношений. Все чаще на улицах можно встретить туристов из Советского Союза, ваш самый лучший балет в мире радует нас своим замечательным искусством, множатся контакты людей разных профессий, в магазинах можно чаще, чем раньше, встретить товары, сделанные в Советском Союзе.

Мы должны расширять наши отношения во всех сферах, ибо это выгодно и вам, и нам. Я считаю, что это процесс необратимый, и его, без сомнения, приветствуют не только здравомыслящие люди в СССР и США, но и все люди доброй воли, где бы они ни жили.

Пьеро ОСТЕЛЛИНО

«Коррьере делла сера» (ИТАЛИЯ)

В Италии, как и во всем мире, с большим интересом следили и следят за теми важнейшими позитивными изменениями в международной обстановке, счастливыми деятелями которых мы являемся. Не будет преувеличением сказать, что устранении угрозы новой и самой разрушительной войны, в потеплении международного климата главную роль играл и играет диалог между руководителями СССР и США. Леонид Брежнев и Ричард Никсон сумели подняться над теми разногласиями, которые существуют между государствами с различным общественным строем, и найти сферы, в которых с успехом можно концентрировать свои усилия. Это выгодно народам и Советского Союза, и Соединенных Штатов. Мало того: другие страны также смогут воспользоваться плодами совместного труда ученых и специалистов СССР и США.

От последнего визита президента Никсона в СССР и его успешных переговоров с руководителями Советского государства можно ожидать дальнейшего прогресса в решении сложных международных проблем. Угроза ядерной войны становится все более призрачной в результате подписания важных для судеб всего человечества документов об ограничении систем противоракетной обороны и подземных испытаний ядерного оружия.

Долгосрочные и, без сомнения, взаимовыгодные соглашения в области расширения двусторонних отношений открывают двери для будущих контактов в области жилищного и других видов строительства, транспорта, космоса, охраны окружающей среды. Значение этих соглашений еще и в том, что они дают другим государствам земного шара с различным общественным строем пример того, как можно, исходя из принципов мирного сосуществования, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела, строить свои отношения, направленные на укрепление мира, на развитие промышленности, науки и культуры, следовательно, на улучшение жизненных условий своих народов.

В Сантьяго сегодня.

РАДИОСТАНЦИЯ «ЛГ»

БЕДНЯГА-МИЛЛИОНЕР

В одной из своих недавних передач на русском языке Радио Канады нарисовало образ современного капиталиста. «Работает он, — утверждала радиостанция, — куда больше и напряженнее, чем любой рабочий, и не имеет даже времени на то, чтобы израсходовать свои деньги на какие-либо удовольствия...»

А ведь действительно трудно. Радио Канады даже не пытается помочь этому бедному богатому человеку. А помочь-то надо...

Можно было бы, к примеру, предложить такой выход. Английский бюллетень «Куотерли экономик ревью» проанализировал состояние экономики Канады последнего времени и вот что отметил: «Канада продолжает страдать от острой структурной и региональной безработицы. На протяжении последних четырех лет она упорно сохраняется на уровне, превышающем 5,5 процента... Острую социальную проблему создает особенно высокий уровень безработицы среди молодежи в возрасте от 14 до 24 лет, который превышает 10 процентов». Так вот, почему бы несчастному не поделиться своими миллионами с этими десятью процентами?

Или еще выход. Тот же английский бюллетень утверждает: «В политических кругах Канады наиболее острое беспокойство в нынешнем году должен вызвать вопрос, согласятся ли наемные рабочие и служащие второй год подряд мириться с почти полным отсутствием роста реальных доходов». Тем более что, по подсчетам этого издания, в 1973 году розничные цены на продовольственные товары в стране выросли на 16,4 процента, а в начале 1974 года — еще на 1,1 процента. Уверены, что наемные рабочие и служащие вполне смирились бы, если бы наш бедняга-капиталист компенсировал это «отсутствие роста реальных доходов» из своего широкого кармана. И себе бы душу облегчил, и других накормил...

Но нет, не желает современный миллионер расставаться со своими миллионами, так сказать, на добровольных началах. И сочиняются тогда для него «непреодолимые трудности», бремя которых, оказывается, тяжелее, нежели такая малость, как безработица и рост цен на пропитание.

М. МАКСИМОВ

УБИТА ВЫСТРЕЛОМ В ЛИЦО

«Убийство братьев Кеннеди, доктора Кинга и теперь его матери не были совершены в результате организованного заговора, а явились бессмысленными актами отдельных лиц. Предотвращение таких неожиданных и, как кажется, ничем не спровоцированных актов всегда беспокоит любое общество. Однако эта задача затрагивает демократические основы общества с их упором на личные права человека. На этих предпосылках покоится утверждение о том, что усилия властей по контролю и подавлению действий отдельных лиц представляют потенциальную угрозу свободе в США».

Из передачи «Голоса Америки»

Прослушав о таком заявлении, мы попросили нашего корреспондента в Нью-Йорке рассказать, как относятся сами американцы к очередному преступлению расистов.

Америка потрясена очередным убийством. Его драматизм усиливается местом и временем совершенного преступления, а также очевидной безобидностью жертвы.

Место: баптистская церковь в Атланте, ставшая известной во всей стране, поскольку здесь проповеди Мартин Лютер Кинг, лидер борьбы за гражданские права. Здесь его и отпевали шесть лет назад. Его убили, и чтобы выразить свою скорбь, тогда собрались именно сюда многие видные американцы. Его похоронили в парке неподалеку, в нескольких десятках метров.

Время: церковная служба. Хор воздает славу всевышнему. Играет орган.

Нет, он уже не играет.

Убийца стреляет в старую женщину, играющую на органе. Стреляет в лицо.

Имя жертвы: Альберте Кинг, мать убитого Мартина. Ей было 69 лет. Голова падает на клавиши. Ее пытается поднять подбежавший муж, отец Мартина. Убийца продолжает стрелять, убивает священника, ранит женщину. Его хватают.

Как всегда, преступник заявляет, что действовал один. Полиция выражает поспешное согласие с легкой для нее версией. Правда, он специально приехал накануне из другого города, поселился в гостинице рядом с церковью. Те, кто знал его, охотно рассказывают, что ничего особенного за ним не замечали.

Видный негритянский деятель Ральф Абернети заявил, что подозревает о существовании организованного заговора. Другой негритянский лидер из Чикаго, Джесси Джексон, сказал: «Заговор — это то слово, которое я бы употребил. Все эти убийства и действия слишком уж часто следуют друг за другом, чтоб их можно было бы объяснить иначе».

У убийцы нашли список руководителей Движения за гражданские права, подлежащих ликвидации.

Убитая дала жизнь великому сыну Америки. Жизнь отняли у сына, теперь — и у нее.

Почему? Потрясенная Америка ищет ответ на этот вопрос.

Но он задается не в первый раз. Он задавался при убийстве Джона Кеннеди. Он задавался при убийстве Роберта Кеннеди. Он задавался при убийстве Мартина Лютера Кинга.

Звонкие ответы вроде ходячей фразы, что «насилие — столь же американское явление, как и пирог с вишней», лишь способствуют превращению соболезнований в рутинное лицемерие.

Еженедельник «Амстердам ньюс» опубликовал в номере, датированном 6 июля, интервью с 10 «людьми с улицы». Все выражают возмущение. Все выражают осуждение. Баки Торп говорит: «Пора, пора запретить свободную продажу огнестрельного оружия». Элеанда Чрчилоу считает, что «убийце заплатили, иначе кто бы предпринял путешествие на такое расстояние, чтобы пристрелить человека, как собаку. Рассуждения о его помешательстве рассчитаны на простачков». Элдас Роджерс: «Люди потеряли уважение друг к другу. Человеческая жизнь ценится не дороже жизни кухонного таракана»...

Предполагают, что убийце незаметно для окружающих свихнулся. Но тогда кто дал ему два пистолета для стрельбы в церкви, как в тире? Пресловутая американская свобода и ее зловещий спутник — расизм.

— Скажут опять: бессмысленное убийство, — комментировал трагедию обозреватель телекомпании Эн-би-си Эдвин Ньюмен. — Но это ничего не объясняет. Будут опять дискутировать о роли насилия в американской жизни. Это почти стало американской традицией: сожалеть о насилии...

Газеты публикуют фотографию убийцы: благообразная внешность прилежного студента в толстых очках. Редкая нынче в Америке белая рубашка с галстуком. Ничего фотография не объясняет.

Может быть, что-то объясняют слова убийцы после преступления:

— Таким меня сделала война.

Пока не известно, какую войну он имел в виду. Агрессию во Вьетнаме? Ее моральные шрамы останутся на целую жизнь поколения. А может быть, он имел в виду внутреннее состояние американского общества, где идет война всех против всех ради долларовых призов?

Анджела Дэвис, национальный секретарь Национального союза борьбы против расовых и политических репрессий, опубликовала заявление, в котором говорится: «Следуя заветам доктора Мартина Лютера Кинга, мы ответим на убийство его матери усилением нашей борьбы». 4 июля в Роли, столице штата Северная Каролина, состоялась многотысячная демонстрация протеста, которая была посвящена «господже Кинг, ее погибшему сыну и миллионам жертв расового насилия в американской истории».

От двух сыновей (и обе погибли) у Альберты Кинг было девять внуков и внучек. Они их растила. Двое находились рядом в момент убийства. Какими они вырастут? Если, конечно, удастся.

Священник Джо Гибонс, хорошо знавший семью Кингов, говорит:

— Случившееся должно послужить нам предостережением: мы живем на волоске от смерти, мы должны всегда об этом помнить.

Стрельба продолжается. Каждые две минуты в Америке кого-то убивают или ранят...

Г. ГЕРАСИМОВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

НЬЮ-ЙОРК
(По телефону)

НОВЫЙ ИМПУЛЬС

Корреспондент АПН в Бонне Н. ПОРТУГАЛОВ обратился к парламентскому статс-секретарю МИД ФРГ Карлу МЕРШУ с просьбой ответить на ряд вопросов, касающихся результатов советско-американских переговоров на высшем уровне, проходивших недавно в Москве.

Ниже публикуется текст этого интервью.

ВОПРОС. Как вы оцениваете, господин статс-секретарь, результаты третьей советско-американской встречи на высшем уровне в Москве? Считаете ли вы, что Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу и президенту США Ричарду Никсону удалось сделать новый шаг и ограничению стратегических вооружений на нынешнем военно-техническом уровне и без ущерба для безопасности обеих сторон и таким образом приблизиться к решению этой ключевой проблемы глобальной разрядки?

ОТВЕТ. Федеральное правительство приветствует каждый шаг на пути к всеобщему контролируемому разоружению, и прежде всего в области ядерного оружия. Поэтому оно с удовлетворением приняло к сведению подписание в Москве Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия и Протокола к договору 1972 года об ограничении систем противоракетной обороны. Одновременно федеральное правительство выражает надежду, что за этими соглашениями последуют вскоре другие, которые приведут к дальнейшему ограничению и в конечном счете к сокращению систем стратегического оружия.

ВОПРОС. Дала ли, по вашему мнению, прошедшая советско-американская встреча в верхах решающий импульс для дальнейшего развития разрядки в Европе, и в частности для скорейшего завершения работы Общеевропейского совещания на высшем уровне?

ОТВЕТ. Федеральное правительство рассматривает разрядку как неделимое целое и надеется поэтому на то, что успешное завершение советско-американской встречи на высшем уровне окажет положительное воздействие и на обстановку в Европе, и, в частности, на ход работы Общеевропейского совещания.

ВОПРОС. Считаете ли вы, что двустороннее соглашения в области экономического сотрудничества между Советским Союзом и США, подписанные в Москве Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом Никсоном, создадут новые положительные предпосылки для дальнейшего конструктивного развития партнерства между странами с различным социальным строем, в том числе между Советским Союзом и ФРГ?

ОТВЕТ. Да. Мы в свою очередь также стремимся к дальнейшему углублению сотрудничества с Советским Союзом. Как известно, мы уже располагаем в этой области таким инструментом, как двустороннее соглашения об экономическом сотрудничестве. Созданные на их основе смешанные советско-западногерманские комиссии проведут этой осенью в Москве свою четвертую сессию.

ВОПРОС. Проведение встреч на высшем уровне дает возможность эффективно обсуждать и решать принципиальные и наиболее сложные проблемы. Третья встреча Л. И. Брежнева с Р. Никсоном вновь подтвердила это. Какие надежды возлагаете вы на предстоящую в текущем году поездку федерального канцлера Шмидта в Москву?

ОТВЕТ. Федеральное правительство считает непосредственный обмен мнениями с руководителями Советского Союза полезным и желательным. Федеральный канцлер Шмидт намерен продолжить в Москве переговоры, имевшие место между Генеральным секретарем Л. И. Брежневым и канцлером В. Брандтом год тому назад в Бонне. Это позволит обеим сторонам обменяться точками зрения по различным вопросам и даст новые импульсы дальнейшему улучшению отношений между нашими странами.

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЯ

М-р ДЖЕКСОН В ПЕКИНЕ

Прошлую неделю, с понедельника до субботы, в Китае находился с визитом американский сенатор Генри Джексон.

Пекинская пропаганда обычно довольно сдержанно освещает пребывание иностранцев, если только они не относятся к числу тех, кому полуофициально присвоен титул «друзья Китая». Особенно сейчас, когда кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» сопровождается усилением ксенофобии и шовинизма. Однако для Джексона было сделано исключение — агентство Синьхуа подробно сообщало о его встречах, об обедах в его честь, перечисляло должностных лиц, с которыми беседовал сенатор. Дважды Джексон вел продолжавшиеся не один час переговоры с заместителем министра иностранных дел Цяо Гуань-хуа, обсуждая, по его словам, «широкий круг мировых проблем», причем особенно «подробно и углубленно» анализировались «ключевые вопросы». Заместитель премьера Дэн Сяо-пин также встретился с американским сенатором и, как подчеркивает Синьхуа, «вел откровенную беседу с Джексоном и некоторыми его спутниками». Чжоу Энь-лай принял г-на Джексона прямо в больнице, где сейчас находится китайский премьер.

Иностранные корреспонденты подчеркивают, что Генри Джексон оказался первым сенатором, который прибыл в Китай не просто по собственной инициативе, но по официальному приглашению китайской стороны.

В чем же здесь дело?

Имя сенатора Джексона в последнее время стало довольно широко известно в мире как имя одного из самых ретивых противников международной разрядки и мирного сосуществования. Многие журналисты не без основания отводят ему место во главе небольшой, но крикливой группы заокеанских политиканов, которые сделали своим ремеслом противодействие разрядке, раздувание вражды к Советскому Союзу и отчаянно противятся улучшению советско-американских отношений — в отличие от трезво мыслящих политиков США и большинства американского народа. Не эта ли печальная известность привлекла к нему внимание Пекина?

Появившиеся на днях в мировой прессе комментарии свидетельствуют, что дело обстоит именно так. Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило в начале визита Джексона: «Китайцы, несомненно, практичные люди. Хотя они столкнулись со сложностями новой чистки, они нашли время пригласить к себе в страну американского сенатора Генри Джексона. Они не сказали, почему это сделали. Однако причины довольно ясны. Сенатор — это человек их типа, критик Советского Союза и его политики, человек, который верит в необходимость жесткого тона разговора, поддерживаемого всем арсеналом вооружений. Китайцы придерживаются такой же линии...»

Характеризуя «позиции» Джексона, журнал «Тайм» писал в номере от 8 июля: «Джексон, безусловно, не сможет остановить тенденцию к разрядке, однако он чинит ей всяческие помехи. Сенатор отрицательно отнесся к московской встрече в верхах. (Не трудно заметить, насколько это совпадает с реакцией Пекина: «Китай озабочен визитом президента Никсона в Советский Союз», — заявляли в частных беседах китайские должностные лица. — Б. К.) Надеясь в какой-то степени отвлечь внимание газет от пребывания Никсона в Москве, Джексон выехал в Пекин на свою собственную миниатречу в верхах... Джексон утверждает, что некоторые соглашения, разрабатываемые правительством с Советским Союзом, излишне односторонни и имеют опасный крен в пользу Москвы. Он говорит: «Я сторонник жесткого торга...»

Со своей обычной последовательностью, продолжает журнал, Джексон выступает как «стреба» и во многих других вопросах. Со времени второй мировой войны он относится к Советскому Союзу с глубокой подозрительностью; он был одним из первых и ярых сторонников вмешательства в дела Вьетнама; он поддерживал просьбы Пентагона о новых вооружениях». (Пекин, как сообщило агентство ЮПИ, внушает визитерам из буржуазных стран: «Поезжайте домой и скажите своему народу, чтобы он вооружался, вооружался и еще раз вооружался против Советского Союза», — Б. К.) Некоторые его коллеги жалуются, что Джексон в последнее время стал слишком широко осуществлять свой нажим. Он нетерпимо относится к идеям, которых не разделяет, а его высокомерие коробит.

Критикуя курс на разрядку напряженности, Джексону нужно что-то предложить взамен. Однако, заняв жесткую позицию в отношении переговоров с Советским Союзом, он, как может представиться вероятным, готов пойти на риск возрождения «холодной войны», вместо того чтобы попытаться шаг за шагом добиться существенной разрядки напряженности».

«Тайм» напоминает, что именно Джексон срывает предложения правительства США в конгрессе, направленные на устранение дискриминационных ограничений в торговле с Советским Союзом. И в то же время, по свидетельству английской «Дейли телеграф», уже в пекинском аэропорту Джексон «заверил китайцев, что не видит причины, по которой их страна не должна пользоваться принципом наибольшего благоприятствования в торговле». Тем самым он, отмечает газете, «обрадовал встречавших его» пекинских чиновников.

Агентство Рейтер отмечает и другой повод для радости в Пекине: «В Китае, безусловно, ценят стойкую поддержку сенатором Джексоном сохранения нынешней численности американских войск в Западной Европе (то есть его борьбу против сокращения вооруженных сил и вооружений в Европе. — Б. К.), ибо Китай надеется на сильную Западную Европу как барьер против Советского Союза».

Но есть и еще одна позиция, которая доставляет, видимо, особое удовлетворение Пекину. Джексон не говорил о ней публично ни накануне, ни во время своего китайского вояжа. Зато ее откровенно высказал сенатор от Огайо Роберт Тафт в газете «Нью-Йорк таймс» как раз накануне визита, в воскресенье 30 июня. Вот как напутствовал Р. Тафт своего коллегу:

«Мы должны основывать свою дипломатию не на формальной разрядке, а на дипломатической и военной реальности. Главную роль в этой реальности играет для нас необходимость существования сильного и независимого Китая, который мог бы стать противовесом Советскому Союзу. При нынешнем соотношении сил в мире настоятельно необходимо, чтобы дивизии китайской армии оставались на советской границе».

Таков, видимо, «широкий круг мировых проблем», обсуждавшихся на прошлой неделе в Пекине. Собеседники расстались вполне удовлетворенные друг другом. Пекинский корреспондент газеты «Санди телеграф» подчеркнул, что Г. Джексон «произвел глубокое впечатление на китайцев своим знанием современного оружия и ядерной стратегии», а также своими «антисоветскими взглядами».

Естественно, пекинская пропаганда, широко рекламировавшая встречи Джексона с пекинскими руководителями, умолчала о существе переговоров. Но это секрет полишинеля.

Борис КРЫМОВ

Конкурс «ЛГ» на лучший очерк

ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Игорь АЧИЛЬДИЕВ

ВО ИМЯ ХЛЕБА

НЕ ПЕРВЫЙ ГОД езжу на Кубань к Анне Васильевне Череповой, в ее пятую механизированную бригаду колхоза «Кавказ». Бывал у них на стане жаркой июльской порой, когда все заняты на уборке и пыль от половы столбом стоит на поле. Наезжал вьюжным февралем, когда тишина царит на машинном дворе, а вдоль линейки готовности выстроились комбайны с побеленными колесами. Прошлой осенью был у них на празднике урожая, где все пели, танцевали и Анна Васильевна лично сама плясала «Барыню». А нынешней весной застиг меня в пятой черный ветер, загудевший по Каспаровой балке: в полторы недели выдул он сто двадцать гектаров озимых с бригадных полей...

В общем, как говорится, повидал я людей и в горе, и в радости, в труде и на отдыхе. А все не решался написать о Череповой! И вот по какой причине.

Хороших хлеборобов на Кубани много, и пресса о них не забывает. Не один очерк сложен и о Череповой. Герое Социалистического Труда. Так и подмывало меня поплыть по течению: написать о поле, где подсолнухи стоят ровно, как на параде. О красивом полевом стане «Золотой колос», о вкусных обедах, какими кормят механизаторов дипломированные поварихи. О чудесном цветнике вокруг стана — с розами, георгинами. О доброй, милой, чуткой женщине, заслуженном агрономе РСФСР, колхознице с тридцатилетним стажем... Все верно, но никак не раскрывает секрета: каким непостижимым образом, не взирая на засуху, на град, пыльные бури и прочие невзгоды, удается Череповой получать год за годом богатейшие урожаи?

Уж на что тяжелым был семьдесят второй — после морозной, бесснежной зимы пала ва землю невиданная засуха, от солнечного зноя растрескивалась земля, на корню погибали деревья, чернели хлеба!.. А Черепова взяла в то лето по 47 центнеров озимой пшеницы и по 55 центнеров ячменя с гектара!

Земледельцы говорят, что суровые годы бродят парой. И точно, минувший год тоже выдался на Кубани тяжелым. Он попортил хлеборобам и нервы, и урожай. Обильные дожди породили на полях вспышку бурой ржавчины — явление ныне редкое, почти забытое. А в мае грянула новая беда: суховей прихватил озимые. Щуплым, мелким уродилось зерно. Разотрешь в ладонях колос, дунешь — оно слетает чуть не раньше половы.

И все же, несмотря на ржавчину, на суховей, Черепова и ее бригада умудрились собрать фантастический урожай озимого ячменя — 75 центнеров с гектара, почти пять «стопудовых»! Пшеницы, правда, взяли поменьше — по 48, а кукурузы — по 55 центнеров с гектара. Однако богаче, чем у многих мастеров-хлеборобов Кубани.

Одними розами да доброй душой Анны Васильевны не объяснишь таких рекордов. Потому и не торопился я с очерком о Череповой. И не пожалел: чем дольше и пристальней вглядывался в жизнь пятой бригады, в организацию ее труда, в своеобразный климат отношений в ней, в простую, но толковую систему заработка ее механизаторов, тем яснее становилась разгадка череповских урожаев.

Хотя, признаюсь, многое непонятно мне и по сей день. А кое-что, по-видимому, объяснить логически и вовсе невозможно.

ПРИ ВСЕЙ СВОЕЙ видимой уступчивости и доброте Анна Васильевна Черепова в мышлении самостоятельна и в делах тверда. Она умеет сама выбрать путь и следовать им с настойчивостью, которая смело может быть названа железной.

Лет пятнадцать назад на Кубани — и не только на Кубани! — стали входить в моду механизированные звенья. Пожалуй, «мода» — не совсем точное слово, мода на платье не сравнима с модой на селе. Но есть и что-то общее. Опыт передовых звеньев показывал, что они дают хороший урожай, — значит, быть посему и всем перейти на звенья. Пытались и череповскую бригаду преобразовать в два звена. В то время мало кто ожидал от молодого и неопытного еще бригадира, всего несколько лет тому назад принявшего бригаду, противодействия. И Анна Васильевна по мягкости характера, по доброте и склонности верить умным людям приняла сперва такую организацию. Помучилась она с год, а потом поехала к соседям посмотреть, как работают передовые звенья в других районах. Приехала в одно хозяйство и спрашивает у звеньевого:

— Пахали вы?

— Нет, — замялся тот. — У вас два звена. В прошлом году мы пахали это поле, а в этом по плану севооборота здесь должна быть новая культура, нашет второе звено...

Изначально за каждым звеном закреплялась только одна культура: или кукуруза, или пшеница, или ячмень, — и, значит, только одна, очень узкоспециализированная группа машин. Люди осваивали технику до тонкостей, становились прямо-таки виртуозами. В этом и заключалось преимущество механизированных звеньев. Но в подобной организации труда есть и свой минус. Черепова разгадала его сразу. На одном поле не может быть двух хозяев: кто же будет за землю отвечать? Недолго обессилить пашню...

И отказалась. Не будет, говорит, у нас звена.

Как ни пытались сбить ее со своей позиции, ничего не вышло. Быть может, именно тогда Черепова впервые проявила свой характер. Ей потребовались неженская смелость, вера в свою правоту, чтобы пойти против общего течения. Боролась она, как птица за гнездо — где криком, а где хитростью да лаской, — и не дала разорить поля. Уговаривали ее всем правлением колхоза, а потом отступились, пусть работает бригадой, будет и у нас вроде как свой эксперимент.

Прошли годы, и жизнь сама одобрила это начинание. Теперь за звеном закрепляется, как правило, не одна культура, а полный их севооборот, и вместе с серией культур — вся земля. К такому порядку пришли лучшие звенья механизаторов Кубани — В. Первицкого, В. Светличного и других. И в бригаде произошли изменения: механизаторы научились отлично владеть разнообразной техникой.

Но в те далекие годы разница была существенной, заметной, и чуть не на каждом совещании говорили о преимуществах звеньев. В качестве удивительного феномена называлась бригада Череповой. Спасали ее высокие урожаи... А к тому времени, когда о бригаде перестали говорить как об эксперименте, Черепова выиграла главную битву: она привела в отличное состояние свои земли.

Хлеборобы знают: у каждого поля — свой норов. В пятой бригаде скверный характер был у одиннадцатого поля. Оно расположено в низине, с давних пор там лежала болотинка, а на галичнике и солончаках гнездились кустарники. Черепова заложила дренаж, осушила, промыла почву от солей, удобрила как следует — и выправилось поле! При мне Анна Васильевна водила на него главного районного агронома Сургучеву:

— Ну что, Людмила Васильевна, не квакают больше на одиннадцатом лягушки?

Постепенно, не в один год и не в два, земли пятой бригады набрали мощную плодородную силу, они сторицей расплачиваются с земледельцем. Давняя неуступчивость Череповой обернулась сегодня богатыми урожаями.

ДЕСЯТЬ лет Анна Васильевна работала в колхозе учетчицей. В пятьдесят третьем послали ее на курсы в Краснодар, оттуда она вернулась бригадиром. И вот уже почти двадцать лет руководит пятой бригадой. Вначале ей пришлось туго. Не было умения руководить, да и порядки в бригаде оставляли желать много лучшего. Главная ее сила — механизаторы, а трудились они на поле не слишком прилежно. Многое зависело от оплаты их труда. К примеру, тракторист получал деньги «от колеса»: сколько напашет, сколько гектаров посеет, проборонит — короче, сколько намотает мягкой пахоты на «колесо», столько и получит. А там хоть трава не расти... Главное — получить в руки подписанный бригадиром наряд: все по нормам, расценкам сдельно — как на заводе. А бригадир и учетчик — вроде отдела контроля: следят за трактористом, суют мерку в борозду — глубоко ли пашет; бегают за комбайном, трусят солому — не бросает ли на ветер зерно... Такой контроль — последнее дело, обмануть можно любого контролера, только землю не обманешь.

Если что и успела Черепова за те длинные, тягостные годы, то не очень много: образовался вокруг нее небольшой, но крепкий кулачок из трех-четырех человек, которые, как и она, понимали, что так вести дело нельзя. Урожаи, правда, росли, но очень медленно. А осенью, как начнут подводить итоги, прямо беда: нормы выполняют все, а заработка нет.

Тогда Черепова взяла у экономистов в правлении график работы механизаторов и по нему выявила главные причины убытков. То есть она сама-то их знала, но надо было доказать всем, в чем тут дело. Оказалось, что комбайнер трудится в поле на своем комбайне от силы две недели в сезон. Остальное время ковыряется в машине, чинит, холит ее. Как говорится, «латает паруса». До тракторов ему дела нет, там свои хозяева. Заставить тракториста полоть свеклу — целая история. Да и не выгодно: какой же смысл посылать высокооплачиваемого механизатора в поле с тяпкой?

Долго размышляла Черепова и не сразу подошла к тому решению, которое перевернуло всю жизнь бригады. Была уже в ней изменения в своей правоте. Знала она, что идет на новые неприятности, скандал — теперь уже не с начальством, а со своими товарищами. Что придется ей выдержать не один упрек от полеводов и механизаторов, с кем вместе много лет выходила в поле на борьбу за хлеб. А все же ничего не могла поделать с собой — бросилась в бой! Поступок был выстрадан, выношен в сердце и потребовал от Череповой, пожалуй, даже большего упорства, чем давний отказ от звена.

11 марта 1963 года в клубе собралась вся пятая бригада. Колхозное хозяйство тем отличается, что новшество тут не введешь приказом. Надо, чтобы люди приняли его душой. Добиться этого непросто, особенно когда предлагаешь эксперимент. Крестьянин не любит рисковать, да еще заработком.

— Вот что, товарищи, предлагаю отказаться от норм и расценок, — начала свою речь Черепова, и зал мгновенно утих. — Надо передать землю механизаторам под их полную ответственность. Каждый месяц будем давать аванс, а по окончании года — делить весь заработок. А раз так, то старайтесь вытеснить конные и ручные работы, совмещайте профессии!..

Закончила она доклад, села — ни слова в зале. Кашляют, курят. Потом посыпались скептические реплики:

— Это, значит, как: лезть в воду, не зная броду?

— Опять эксперимент? Нет, пусть уж лучше пробуют другие, мы вместе со всеми...

Черепова сидит — вся побелела. Сколько дум, надежд, сколько бессонных ночей — неужели впустую?

Но тут вступили в бой ее главные силы — тот актив, который сколотила она за годы бригадирства: Андрей Дергачев, Иван Шелухин...

— Почему комбайнеру зазорно сесть на трактор? — говорили они. — Почему считается, что отвечаем только за свою машину, а не за все поле? Ведь то наша земля! Давайте честно: зачем нам так много людей в бригаде? Васильевна, пиши новый график работ! Кто хочет трудиться по-новому, пусть остается. Остальным найдется дело в колхозе...

Собрание проголосовало за новую систему оплаты: аккордно-премиальную. Сегодня ею уже не удивишь, хотя не многие бригады и звенья Кубани перешли на «аккорд». Дело это сложное, хлопотное, но стоящее. Выступая в Алма-Ате на торжественном заседании, посвященном двадцатилетию освоения целины, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Опыт истекших лет полностью подтвердил эффективность экономических рычагов, особенно когда они умело сочетаются с моральными стимулами. Надо и впредь их совершенствовать, ориентируясь на все более прямую зависимость между оплатой отдельных работников и целых коллективов и конечными результатами их деятельности». Слова эти полностью относятся к «аккорду», который был принят бригадой Череповой в 1963 году. А «опыт истекших лет» — это в том числе и опыт ее бригады. Одной из первых она попыталась связать оплату труда механизаторов с конечным результатом их деятельности, то есть урожаем. Сегодня об этом опыте говорится, как о завоеванном. Одиннадцать лет назад то был эксперимент, и весьма рискованный.

По новому графику бригаде потребовалось всего сорок два человека — меньше половины прежнего состава. Из «лишних» колхоз организовал табаководческую бригаду. Разделение не прошло безболезненно. Не всем механизаторам пришелся по душе «аккорд» — никого не держала Черепова за полу. А уж сколько обидных слов, сколько упреков пришлось ей выслушать от тех, кто не захотел трудиться прилежно!.. Сумела-таки выстоять, не отступила от решения. С болью рвались некоторые дружеские связи, крепли новые. Тяжело достался «аккорд» Череповой. Но уж кто остался с ней, потом сам держался за бригаду обеими руками: в два с лишним раза за один только год выросла ее прибыль, резко повысились урожайность и заработки механизаторов.

Впрочем, изменились не только заработки, изменился микроклимат взаимоотношений в бригаде. Теперь уже бригадир не бегает за трактором и не следит, как пашет тракторист, каждый сам себе контроль. Мало того, появилась особая инициатива, направленная не только на личный заработок, но и на дела всей бригады.

Помню один случай на уборке кукурузы.

Страда в разгаре, не хватает, как всегда, автомашин. Пятой бригаде выделили три самосвала для вывозки початков с поля. А у них два комбайна — Хасана Хайрутдинова и Марка Цимботы. Как ни крути, а машин маловато.

И вот после разнарядки Анна Васильевна и оба комбайнера сидят на полевом стане, ломают голову над проблемой: как выстроить график движения машин, чтобы не стоять лишку в перекурах. Если б не существовало «аккорда», комбайнеры в момент перессорились бы из-за транспорта. Брани и крику тут не миновать, каждый тянул бы шоферов в свою сторону. А Хайрутдинов и Цимбота сидят рядом с Череповой и что-то мирно маракуют на бумажке. Личные выгоды отошли на второй план: не все ли равно, кому из них придется больше самосвалов, — «котел»-то общий...

— Вот что, — говорит Цимбота. — А если так? Прицепим к трактору вместе с комбайном тележку. Самосвал не захватит с собой, и получится вроде автопоезд. А мы тем временем, чтобы не простаивать, прицепим к комбайну еще тележку — их много на машинном дворе. А, Васильевна? Нам с Хасаном тогда и два самосвала — под завязку. Ты бери третий на свободную свеклу...

В тот день пятая вывезла с поля кукурузы больше, чем любая бригада в районе.

ПЕРВОЕ время меня поражал стиль отношений бригадира и механизаторов. Никого Черепова не называет по фамилии. Если моложе — по имени, старше или одногодок — по отчеству. И ее все зовут в бригаде Васильевной. Петя, Ваня, Степаныч, Васильевна — вроде бы фамильярность, никакой официальной строгости. Как же требовать с подчиненных?

Потом догадался: Черепова не столько руководит бригадой, сколько сама работает в ней. Все связаны «аккордом», как одной веревочкой. Комбайнеры, механики, полеводы знают свое дело, и командовать ими, подталкивать их не требуется.

Мы много спорим о стиле взаимоотношений, о взаимной требовательности в коллективе. Но когда у начальника и исполнителя одна цель, то оба привыкают действовать согласованно, синхронно, понимая друг друга почти без слов. Будто соединены они незримой телепатической связью. Со стороны кажется, что в бригаде вообще нет управления. Между тем оно существует, и более надежно, чем система письменных распоряжений за многими подписями и печатями.

В пятой бригаде отсутствует приказ. Здесь уважают одно право: право мастера. Решение принадлежит тому, кто лучше знает ремесло. И тут уж за Анной Васильевной самое веское слово. Ибо она не просто мастер — у нее талант земледельца.

О кубанской пашне давным-давно все известно: когда пахать, когда сеять, пропалывать и убирать урожай. Последние годы, правда, внесли в старинное ремесло много нового. Появились высокоурожайные и нежные сорта, требующие особых методов ухода. Без науки теперь шагу не ступить в колхозе. На каждое поле составлена картограмма, в ней расписан весь крестьянский календарь — тот минимум работ, который предстоит исполнить механизатору. Казалось бы, о чем заботиться бригадиру? Посматривай в картограмму и выполняй предписания умных людей...

Не зря, однако, хлеборобы говорят: «Тридцать пять центнеров — от науки, а уж что свыше — от бога». Не от бога, конечно, — от трудолюбия колхозника, от его таланта.

В июне 1971 года у Череповой побило сахарную свеклу градом. Налетела черная туча — и в двадцать минут от зеленеющего, радующего глаз поля осталось одно воспоминание. Кругом валялись разбитые, размочаленные листья.

Идет Черепова по полю и плачет. Нагнется, поднимет листок, покопается в земле, выправит росток свеклы и шагает дальше. Через час приехали агрономы из правления колхоза, из районного управления сельского хозяйства. Походили по полю, подумали и решили, если вспахать заново да посадить рассаду, то успеем до осени собрать хоть по сто центнеров с гектара. Черепова молчит, вроде и она согласна.

А утром пришла в бригаду и говорит:

— Не будем пересевать! Знаете, ребята, я всю ночь не спала, думала. Не так ли нас, девчонок и мальчишек сороковых годов, била, трепала, мочалила война? Не лучше того града... А ведь выстояли и еще в люди вышли! Давайте поухаживаем за теми росточками, отдадим им побольше нашего труда, заботы — вот увидите, они выправятся!

То поле принесло осенью больше трехсот центнеров сахарной свеклы с гектара.

Что это: опыт, знания, интуиция? Не знаю, не берусь ответить. Надо быть Череповой, чтобы так верить своей ниве, так знать ее плодородную силу!

Анна Васильевна кончиками пальцев, ладонями, спиной чувствует, на что способна земля. Конечно, Черепова выполнит минимум работ, записанных в картограмме. Она исполнит и максимум — все, что должен совершить добросовестный колхозник. Но Черепова всегда сделает чуть-чуть больше, чуть-чуть лучше, чем записано в любом наставлении для земледельца. И это самое «чуть-чуть» не объяснишь: одно слово — талант!..

Вот уж про кого верно сказано: воткнет в землю палку — вырастет дерево. Талант земледельца, пожалуй, главное, что образует ее натуру, определяет, цементирует ее характер.

...Сельский год обещает быть на Кубани не из легких. Не было февральских окон, когда обычно сеют яровые. Потом задули черные ветры, и пришлось частью пересевать озимые. Обстановка сложная! И все же, я уверен, Черепова возьмет хороший урожай. Много просто не может быть. Ибо точно сказано: природа природой, а работа работой.

СЕРПУХОВ... Сегодня этот город известен физикам всего мира. Здесь ведутся исследования на одном из крупнейших ускорителей элементарных частиц. Многими открытиями наука об атоме обязана этому сложнейшему сооружению, созданному трудом советских ученых, инженеров, рабочих. Фото В. ЯКОБСОНА

АНКЕТА «ЛГ»

ДИСКУССИЯ В ДИССЕРТАЦИЯХ В ЦИФРАХ

В номере «ЛГ» от 15 мая была опубликована анкета «А как считаете вы?». Читателям — научным работникам предлагалось высказать свое мнение о нынешней системе аттестации научных работников, о принципах оплаты труда ученого, о порядке работы ВАК. На 25 июня в редакцию поступило около 6000 анкет. Сегодня мы публикуем предварительные итоги. Редакцией «Литгазеты» проводится контрольный опрос сотрудников ряда научно-исследовательских учреждений с целью установить, насколько адекватно отражают читательские ответы на анкету действительное мнение научных работников. В одном из ближайших номеров мы опубликуем подробный анализ полученных данных.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ПОКАЗЫВАЮТ, ЧТО БОЛЬШИНСТВО ОТВЕТИВШИХ НЕ СОЧЛО ВОЗМОЖНЫМ НАЗВАТЬ ДЕЙСТВУЮЩУЮ СИСТЕМУ АТТЕСТАЦИИ В ОСНОВНОМ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЙ, НО НЕ НАШЛИ ПОДДЕРЖКИ ЧИТАТЕЛЕЙ И КРАЙНОСТИ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЭТОЙ СИСТЕМЫ (НАПРИМЕР, ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВООБЩЕ ОТМЕНИТЬ УЧЕНЫЕ СТЕПЕНИ).

ТОЛЬКО 7,5 ПРОЦЕНТА ОТВЕТИВШИХ НА АНКЕТУ СЧИТАЮТ, ЧТО СИСТЕМА АТТЕСТАЦИИ НЕ НУЖДАЕТСЯ В УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯХ, И ЛИШЬ 11,1 ПРОЦЕНТА ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРИСЛАВШИХ ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ, ПОЛАГАЮТ, ЧТО РАБОТА ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ИЗМЕНЕНИИ.

«А КАК СЧИТАЕТЕ ВЫ?»

	Всего	Согласны с предлагаемым ответом: % от общего числа ответивших на анкету	Докторов наук	% от общего числа докторов наук	Кандидатов наук	% от общего числа кандидатов наук	Не имеющих степени	% от общего числа не имеющих степени
Ваше мнение о нынешней системе аттестации научных работников!								
1. Действующая система в основном удовлетворительна.	1846	31,2	368	50,1	1177	37,6	301	14,8
2. Действующая система неудовлетворительна.	1257	21,3	106	14,4	559	17,8	592	29,0
3. Действующая система требует существенной перестройки.	3071	52,0	290	39,5	1517	48,4	1264	62,0
Каким образом, на Ваш взгляд, следует усовершенствовать систему аттестации научных работников!								
4. Система не нуждается в усовершенствованиях.	444	7,5	112	15,2	251	8,0	81	4,0
5. Следует проводить защиту диссертаций не на ученом совете того или иного учреждения, а во всесоюзных комиссиях специалистов соответствующего профиля (публично).	1786	30,2	288	39,2	996	31,8	502	24,6
6. Для каждой отрасли наук ввести четкий перечень максимально формализованных критериев (возможно, в баллах), которым должна удовлетворять диссертация.	1086	18,4	150	20,4	605	19,3	331	16,2
7. Защищать не диссертации, а развернутые автorефераты по результатам опубликованных работ.	3143	53,2	276	37,6	1613	51,5	1254	61,5
8. Сделать систему аттестации одноступенчатой; ученую степень кандидата наук заменить степенью доктора, как это принято в ряде зарубежных стран. Ввести выборную степень почетного (или заслуженного) доктора наук, присваиваемую отраслевыми научными обществами за выдающиеся научные достижения.	1764	29,9	124	14,9	995	31,8	645	31,6
9. Вообще отменить ученые степени.	157	2,7	20	2,7	47	1,5	90	4,4
Кем, по Вашему мнению, следует изменить порядок оплаты труда ученого!								
10. Сохранить ныне существующий порядок.	1177	19,9	252	34,3	748	23,9	177	8,7
11. Ввести оплату только в зависимости от занимаемой должности, отменив доплаты за ученые степени и звания.	1337	22,6	133	18,1	570	18,2	634	31,2
12. Расширить «вилки» оплаты младшего и старшего научных сотрудников, причем так, чтобы они частично перекрывались. Внутри каждой «вилки» устанавливать зарплату сотрудникам сроком на 3—5 лет в зависимости от квалификации и конкретных результатов труда — в соответствии с экспертной оценкой. При этом ученая степень не должна иметь решающего значения, а должна учитываться определенным числом баллов наряду с количеством и качеством опубликованных за соответствующий срок работ, полученными авторскими свидетельствами, экономической эффективностью внедренных разработок и т. д.	1582	26,8	126	17,1	688	22,0	768	37,7
13. Увеличить количество основных научных должностей (вместо двух существующих — старшего и младшего научных сотрудников — ввести четыре-пять), тем самым обеспечив более дифференцированную оплату труда ученого.	1708	28,9	254	34,6	944	30,1	510	25,0
14. Сделать зарплату ученого состоящей из двух частей: гарантированного минимума для каждой категории научных сотрудников и платы за выполненную работу.	1916	32,4	166	22,6	1010	32,2	740	36,3
Считаете ли Вы целесообразным внести изменения в порядок работы ВАК!								
15. Работа ВАК не нуждается в изменении.	656	11,1	107	14,6	352	11,2	197	9,7
16. Следует передать ВАК в ведение Академии наук СССР.	2236	37,8	240	32,6	1228	39,2	768	37,7
17. Периодически, раз в три—пять лет, обновлять состав ВАК с учетом мнений ведущих специалистов.	3713	62,8	508	69,1	1963	62,6	1242	60,9

СИЛЬНЕЕ «СУХОГО ЗАКОНА»

Только энергичными усилиями всей общественности можно покончить с серьезным злом — пьянством

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ИХ НАДО СПАСТИ!

Ваша газета поднимает важные вопросы. Поэтому и я обращаюсь к вам с очень большой, хотя и не новой проблемой, предлагая необычное ее решение. На мой взгляд, оно единственно верное. Речь идет об алкоголизме и борьбе с ним. Мое предложение вытекает из личного, более чем десятилетнего опыта борьбы с алкоголизмом сына и наблюдения за такими же ребятами из нашего двора — я знаю пять подобных ему парней. Так сколько же их всего в нашем городе? Во всей стране?

Борьба с пьянством ведется довольно упорная, но ни общественное воздействие, ни ограничение продажи винно-водочных изделий, ни лечение в диспансерах и трудовых профилакториях, увы, не могут, на мой взгляд, избавить алкоголика от алкоголизма, от неистребимой тяги к одеколону, борному спирту и тому подобному. В результате алкоголики верно идут к собственной гибели — общественной и физической — и одновременно подвергают свои семьи, родных нечеловеческим страданиям. Не только из-за скандалов, но главным образом из-за невозможности помочь живым заблудшим людям в их мучениях. Разговоры о том, что они как-то должны сами стать на ноги, порвать с дурной привычкой,—пустые разговоры людей, которые не видели этого горя вблизи. Бороться еще можно и необходимо с пьянством, но коль скоро человек стал алкоголиком — все! Ничто уже ему не поможет избавиться от дурной привычки.

Вместе с тем избавление есть. Я глубоко верю в него, хотя оно крайне необычное и, вероятно, трудно осуществимо, но цель оправдала бы средства.

Речь идет о том, чтобы изолировать алкоголиков в каких-то поселках, где неуклонно, без всяких исключений проводился бы «сухой закон», — разумеется, при надлежащей охране таких населенных пунктов. Я твердо убедился, что если алкоголик не может получить питья, то через месяц-два он уже может нормально трудиться и жить. Но стоит ему выпить десять граммов, как его влечет в пропасть, и опять все идет прахом.

А между тем среди алкоголиков есть весьма способные люди. У них разные профессии. Будучи собраны в трезвом и охраняемом месте, они могли бы вести нормальную трудовую жизнь. Любящие родные охотно согласились бы поселиться с ними там.

Разумеется, там должны быть созданы надлежащие условия для жизни и работы — промышленные предприятия и удобные дома. Может быть, такие новые поселки должны быть где-нибудь на востоке, а может быть, и здесь, в центре.

Поскольку мой сын погибает, я бы лично хотел, чтобы такие поселки были бы организованы как можно раньше. Немедленно!

Результатом были бы десятки тысяч осчастливленных людей.

Е. ТИМОФЕЕВ

МИНСК

Скажем сразу: предложение тов. Тимофеева совершенно неприемлемо! Больше того — незаконно. Осуществление такого предложения бесцеремонно нарушило бы права части граждан, хотя они и алкоголики, хотя живут недостойно сами и мешают нормально жить другим. Мы не стали бы публиковать письмо тов. Тимофеева, ограничившись частным ответом, но беда в том, что в редакционной почте каждый день встречаются подобные письма отчаявшихся в борьбе с алкоголизмом людей. Авторы их высказывают другие, столь же неосуществимые предложения.

Внося разноречивые предложения, незнакомые между собою авторы писем солидарны, однако, друг с другом в одном: нельзя ослаблять борьбы с пьянством, она не должна быть временной кампанией.

О том, что это необходимо, убедительно говорит, в частности, статистика, которую приводит автор публикуемой сегодня статьи врач Н. М. Ходаков.

Н. ХОДАКОВ, врач-психиатр

ПЬЯНИЦА ГЛАЗАМИ ВРАЧА

СТАТИСТИКА БЬЕТ ТРЕВОГУ

Почти во всех странах увеличивается потребление алкогольных напитков. Это наблюдается уже много десятилетий. Последние двадцать лет не были исключением. В зарубежной печати промелькнули разноречивые пугающие сообщения о небывалом росте алкоголизма за этот период — цифры не совпадают лишь в мелочах, но тенденция прослеживается четко.

К сожалению, не составила исключения в этом и наша страна. Однако в оценке происходящего мы можем оперировать точными цифрами. В недавно выпущенном Центральным статистическим управлением СССР сборнике «СССР в цифрах в 1973 году» имеются сведения о том, сколько потреблялось в нашей стране алкогольных напитков в тот год, когда были приняты известные постановления о мерах по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Убедительным языком цифр статистика говорит о том, как своевременны и важны были эти решения.

ЦСУ СССР, приняв за исходный предвоенный 1940 год, сообщает, что продажа алкогольных изделий (в сопоставимых ценах) в 1960 году удвоилась, в 1965 году составила 283 процента, в 1970-м — 439, а в 1973-м — 534 процента. Иными словами, потребление алкоголя увеличилось в пять раз!

Мы так привыкли радоваться диаграммам роста — производительности труда, доходов на душу населения, продажи продуктов питания... Цифры же роста потребления алкоголя огорчают, озадачивают, хотя сама статистика готова была бы предложить нам утешение методами сравнения. Например, с потреблением абстрактного абсолютного алкоголя, скажем, во Франции, Италии, где выпивается чистого спирта на душу населения больше, чем у нас. Но во многих странах пьют больше натуральные виноградные вина, и притом довольно равномерно.

При подобном употреблении спиртных напитков человек хотя и находится в состоянии легкого опьянения, но полностью контролирует свое поведение и поступки, а концентрация алкоголя в крови редко достигает значительных величин.

У нас же в основном употребляют крепкие спиртные напитки или крепленые вина. Чуть ли не все мои коллеги замечают, что повсеместно происходит увеличение числа лиц, состоящих на учете в психоневрологических диспансерах, быстрое «омоложение» алкоголизма.

Мне понятны смятение и беспокойство минчанина Е. Тимофеева. Хотя я решительно не согласен с его предложением, но и мне внушают тревогу становящиеся традиционными выпивки «по поводу» и без него. «Массированные» дозы водки, вводимые в организм в дни зарплаты и предвыходные дни, при проводах и встречах,— это тяжелейшее испытание для воли и здоровья человека.

Примерно десять лет назад велась широкая борьба за ликвидацию заведений, где можно было выпить «на ходу» сто граммов, против пресловутых «забегаловок».

Теперь все подобные торговые заведения закрыты. Ныне выпить стакан вина — целая проблема. Зато самое широкое распространение получила новая форма пьянства, ставшая почти основным способом употребления спиртных напитков. Сразу после работы желающие выпить идут в магазин, «скидываются» по рублю-другому и распивают бутылку водки на двоих-троих, чаще всего без закуски, оглядываясь по сторонам, боясь быть пойманными. Выпитая водка на пустой желудок, когда человек утомлен после рабочего дня, действие свое проявляет сразу. И вот уже появились свящие в вагонах, в трамваях, автобусах, метро, на улице — кандидаты в вытрезвитель.

Нельзя не видеть, что стало традицией, освященной десятилетиями, выпивать в день получки, в свободный от работы день, при встрече, расставании. Трудно сразу освободиться от того, что складывалось веками. Еще В. М. Бехтерев, касаясь причин пьянства, писал, что оно «является вековым злом, оно пустило глубокие корни в нашем быту и породило целую систему диких питейных обычаев. Эти обычаи требуют питья и угощения при всяком случае». Надо упорно выкорчевывать застарелую, негодную традицию.

КАК ПЬЮТ «КЛИЕНТЫ»

Как ни удивительно, многие отнюдь не хотят расстаться со своей губительной страстью.

...На приеме у меня молодой мужчина. Вызван он для беседы по просьбе жены, которая несколькими днями ранее слезно молила направить его на лечение от алкоголизма. По ее словам, пьет супруг ежедневно, пропивает большую часть зарплаты, в пьяном виде нетерпим, злобен, терроризирует не только ее, но и десятилетнего сына.

Вот он здесь, передо мной. Держится спокойно, уверенно. Во внешнем виде его нет ничего от классического облика пьяницы, каким его рисуют наши художники. Мой пациент возмущен тем, что вызван на прием.

— Пью на свои, — заявляет он, — работаю, не какой-нибудь тунеядец. Пил и буду пить. Если жена хочет — пусть сама лечится.

— Но вы уже были уволены за прогулы. Вы инженер, а работаете грузчиком. Зарплату пропиваете.

Он улыбается:

— Ну и что? Уволят здесь, устроюсь на другом месте, работа есть везде. А семья с голоду не умрет — жена работает, если надо — еще и меня прокормит.

А ведь верно! Сколько бы ни пьянствовал, остаться без работы ему не грозит — нет у нас безработных. Наши социальные завоевания пьяницы используют прекрасно. Будучи грузчиком, мой пациент зарабатывает больше, чем инженер, а в свободное время промышляет у мебельных магазинов. В крайнем случае на помощь придет здравоохранение — поместят в больницу, будут там его кормить и уговаривать, чтобы лекарства глотал, а не прятал за щеку, чтоб потом выплюнуть.

Недавно мы обследовали более шестисот человек, попадавших в вытрезвитель в течение года по три и более раз. Большинство (примерно 80 процентов) не скрывали, что пили сразу после работы, на улице, хотя доза выпитого у многих была не столь велика, чтобы захмелеть до состояния, при котором нужна помощь вытрезвителя.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ АМБУЛАТОРНОЕ!..

Не все эти люди являются, по строгим медицинским критериям, алкоголиками — не более одной трети. Но вот что показательно — из тех, кому можно поставить диагноз «алкоголизм» без колебания, только 23 процента дали согласие на лечение, остальные слышать не хотят о врачебной помощи. А ведь самостоятельно прекратить пьянствовать они уже не в состоянии. Некоторые из них — явные кандидаты в ЛТП (лечебно-трудовые профилактории), где алкоголиков лечат в принудительном порядке. Но до ЛТП им еще далеко. Чтобы направить их туда, следует оформить массу документов, необходимо ходатайство какой-либо общественной организации, коллектива трудящихся и учреждения.

А главное — возможности ЛТП весьма ограничены: мест там всегда не хватает. Видимо, лечебно-трудовые профилактории решить проблему принудительного лечения алкоголиков пока не могут. Тем более, что многие из этих пьяниц еще не утратили связи с трудовыми коллективами, где они работают. К ним целесообразно было бы применить амбулаторное принудительное лечение. Эти лица были бы взяты под контроль общественными организациями тех предприятий, где они работают, и участковыми милиционерами. А лечились бы после работы. К сожалению, подобный метод лечения алкоголиков, не желающих лечиться добровольно, законодательством о борьбе с пьянством и алкоголизмом не предусмотрен.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ЗДОРОВЫЙ БЫТ

В борьбе с пьянством, может быть, самое важное — не лечение и перевоспитание закоренелых «забулдыг», а профилактика алкоголизма, забота о том, чтобы оградить от него молодежь. Если не думать сейчас о тех юношах и девушках, которые лишь начинают знакомство со спиртными напитками и у которых еще нет симптомов привыкания к ним, то через десять—пятнадцать лет многие из них пополнят среду алкоголиков.

К врачам-психиатрам обращаются за помощью лишь те алкоголики, которые пьянствуют систематически в среднем пять—семь лет. Значит, те, кто злоупотребляет спиртными напитками меньше этого срока, придут лишь через несколько лет. Вот почему нужно принять определенные меры, не дожидаясь, пока пьяницы сами «созреют» для лечения.

Из этих фактов сторонники трезвости выводят необходимость введения «сухого закона». Их предложение отклоняется справедливо — «сухой закон» может лишь драматизировать борьбу, породить новые проблемы.

Нельзя сказать, что меры, применяемые сейчас в борьбе с пьянством и алкоголизмом, совсем неэффективны. Применяя их в комплексе, можно достичь ощутимых успехов, может быть, более основательных, чем с помощью «сухого закона». Об этом, в частности, говорит опыт борьбы с пьянством и алкоголизмом на Иркутском машиностроительном заводе. Здесь действия администрации, общественных организаций, всего коллектива направлены на то, чтобы создать неотвратимую ответственность за каждый случай пьянства и нарушения трудовой дисциплины.

В жилом поселке развернута антиалкогольная санитарно-просветительная работа, к которой привлечены работники милиции, прокуратуры, заводская общественность. Активно действует общезаводская комиссия по борьбе с пьянством во главе с заместителем директора завода А. В. Зылевым. При заводской поликлинике за последние два с половиной года прошли лечение от алкоголизма более трехсот человек, а шестьдесят алкоголиков, которые не пожелали лечиться добровольно, направлены на принудительное лечение.

В результате этих и других мер количество нарушений трудовой дисциплины и общественного порядка снизилось на заводе почти вдвое. Число лиц, попавших в медвытрезвитель, уменьшилось за два года на треть, значительно сократились потери рабочего времени из-за прогулов. Вот как много дало заводу использование мер, которые были намечены известными постановлениями 1972 года! Многие просто забыли о мерах, которые можно применять против тех, кто появляется на улице в пьяном виде, об ограничении прав тех, кто ставит свою семью в тяжелое материальное положение, о принудительном лечении алкоголиков.

Важным фактором нашей общественной жизни стали комиссии по борьбе с пьянством. Те из них, которые работают инициативно, сумели обуздать пьяниц, не берегущих ни своего здоровья, ни доброго имени, наносящих урон обществу. Эти меры местами оказались явно сильнее, чем «сухой закон».

Итак, не резервации для пьяниц, а общественная забота об оздоровлении быта. Не «сухой закон», а разумные формы торговли спиртными напитками. Не только лечебно-трудовые профилактории для неисправимых алкоголиков, но и принудительное амбулаторное лечение. Это будет подлинным гуманизмом и к ним самим, и их близким.

Два года назад Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма».

За это время сделано немало. Повысилась эффективность общественного и административного воздействия на тех, кто злоупотребляет алкоголем, введены ограничения на торговлю спиртным.

Борьба с давним, закоренелым пережитком, естественно, не может быть завершена в короткий срок. Она продолжается. Однако всюду ли успешно выполняется то, что намечено!

Сегодня мы публикуем несколько материалов, посвященных этой важной проблеме.

ЭКСПЕРИМЕНТ «ЛГ»

ПОСЛЕ ВЫТРЕЗВИТЕЛЯ

В. КРЕСТЬЯНИНОВ, Э. ЛЕЙБОВ, врач-психиатр

РАННИМ утром из учреждения, находящегося в ведении милиции, вышел потенциальный преступник. Проверив только что возвращенные документы, он усмехнулся и, как все порядочные люди, направился на работу. А через несколько часов его задержал сотрудник другой милицейской службы на месте преступления...

С помощью Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома и научно-исследовательской медико-психологической лаборатории безопасности движения Мосстройтранса мы провели маленький эксперимент. В обычный рабочий день были обследованы перед выпиской некоторые «клиенты» трех московских вытрезвителей. В первую очередь нас интересовали водители, которые через два-три часа сядут за руль. Способны ли они выполнять эту ответственную работу?

А. Аютов покинул заведение около шести утра. Перед этим беспристрастные приборы зафиксировали: в его организме оставалось столько алкоголя, что прийти в нормальное состояние водитель мог через девять-десять часов. А, как показала проверка точности движений, для восстановления способности управлять автомобилем требовалось не меньше суток. У двух других шоферов — А. Фролова и К. Фурсевича — концентрация алкоголя в крови не оставляла ни малейших надежд, что они придут в норму хотя бы к середине дня.

Задержи в тот день инспектор ГАИ любого из этих водителей и отправь на медицинское освидетельствование, заключение по всем признакам было бы бесспорным: управление транспортом в нетрезвом состоянии. А это, как известно, преступление.

Не сразу человечество осознало эту истину, за которую заплатило и платит очень дорогой ценой. Сегодня кажется курьезом, что в первой четверти века, например, в Англии, опьянение водителя автомашины не расценивалось как прегрешение перед законом, хотя тот же факт считался предосудительным, если речь шла о всаднике или извозчике. Но еще в двадцатых годах Генри Форд предупреждал: «Если закон («сухой») был бы изменен, нам пришлось бы закрыть наши заводы... Та скорость, с которой мы водим автомобили, работаем на сложных машинах и вообще живем, несовместима со спиртными напитками». «Сухой» закон отменили, а фордовские заводы, как известно, не закрыли. Предостережение же оправдалось с лихвой. Тот факт, что любимым детищем века — автомобилем — часто управляют неуверенные руки пьяного, в некоторых странах стал поистине национальным бедствием. В тех же США сегодня намерены вдвое сократить число погибающих на дорогах — а это больше пятидесяти тысяч человек ежегодно! — только путем усиления контроля за трезвостью водителей.

Совершенно несомненно: человек за рулем автомобиля должен быть трезвым. Без этого бессмысленны все усилия обеспечить безопасность на дорогах.

Не случайно во всем мире принимают все более жесткие законы против любителей спиртного: от шестимесячного тюремного заключения в ФРГ до смертной казни в Сальвадоре за сам факт управления машиной в пьяном виде. И у нас, казалось бы, не либеральничают с пьяными за рулем. Правила движения категорически запрещают управление транспортом в нетрезвом состоянии. Виновных лишают прав, законы усиливают ответственность хмельного водителя за несчастный случай.

А за рулем все-таки пьют. И пьют многие. Вот, к примеру, опубликованное в Омске местной газетой сообщение областного управления ГАИ: «В минувшем году по вине водителей транспорта на территории области случилось более тысячи дорожных происшествий, в которых погибли 270 человек. 570 происшествий имели место в сельских районах, причем в 356 случаях водители были в нетрезвом состоянии. В Омске по вине пьяных водителей произошла 131 авария». Нет оснований утверждать, что сибиряки пьют за рулем больше, чем их коллеги из других городов и областей. По официальной статистике, водители «под градусом» — участники трети всех дорожно-транспортных происшествий в стране.

Но разве любого пьяного за рулем обязательно ждет встреча с инспектором ГАИ? Большинство как раз остаются безнаказанными. Сколько? Ответить трудно. В Швеции считают, например, что удается задерживать менее десяти процентов пьяных водителей.

Мы попытались изучать картотеку вытрезвителя Краснопресненского района Москвы. За год здесь побывало 985 водителей-профессионалов (любителей, к сожалению, не регистрируют). Самая представительная профессия! Конечно, среди всех московских водителей пьющие «до вытрезвителя» составляют ничтожное меньшинство. И все же — почти тысяча шоферов в одном вытрезвителе!

Затем мы познакомились с данными картотеки дорожно-транспортных происшествий московского управления ГАИ. Оказывается, знакомого нам А. Аютова уже лишали прав за аварию «по пьянке». У шофера автобазы Моспочтамта П. Дерябина, с которым также встретились в вытрезвителе, вместо водительских прав оказался талон предупреждения. За серьезное нарушение правил, которое привело к столкновению с другой машиной, у него временно отобрали основной документ шофера.

Цепь «случайностей» очень характерна для побывавших в вытрезвителе. Из 372 водителей, о которых в ГАИ удалось получить сведения, серьезные аварии имели 178. Каждый из них попадал в дорожное происшествие в среднем два-три раза и обязательно по хоть однажды лишался прав за управление машиной в нетрезвом виде. Выяснилась и другая вполне естественная закономерность: чем чаще человек посещает вытрезвитель, тем больше у него транспортных ЧП. Из 119 шоферов, один раз за год побывавших здесь, в аварию попадали 49, а из 253 неоднократных «клиентов» — 129, причем большинство из них часто задерживали за рулем пьяными.

Сами шоферы, с которыми мы познакомились во время эксперимента, понимали: за руль сегодня им нельзя. Особенно искренним выглядел А. Аютов. Он назвал место работы, сказал, на какой машине ездит, что возит и что сегодня он, конечно, отдыхает... И все наврал! Совершенно случайно обнаружилось, что работает он на такси во втором парке. У проходной нам сообщили: «Только что уехал».

Другие наши новые знакомые — А. Фролов и К. Фурсевич — место работы указали верно, один — автобазу центральной восстановительной службы управления пассажирского транспорта Мосгорисполкома, другой — 23-ю автобазу Мосторгтранса. Но в один голос заявляли, что за баранку им еще не скоро. Фролов, мол, вчера не работал, сегодня тоже возьмет отгул. Дядя Костя, как называл сам себя Фурсевич, вообще в отпуске.

Мы все же съездили на одну автобазу и позвонили на вторую. Фролов соврал: накануне работал, в гараж не вернулся, оставил машину неизвестно где и заявился только утром. И тем не менее беспрепятственно получил путевку и около девяти часов покинул автобазу. О Фурсевиче в диспетчерской сообщили: «На линии. Выехал в восемь часов».

Так сколько их, «похмельных» и попросту пьяных водителей, прямо после вытрезвителя оказывается на улицах городов, на шоссе и автострадах? Практически каждый из них может сесть за руль. Получается, что сначала одна часть милиции — сотрудники вытрезвителей — выпускает этих водителей и даже возвращает им права, а потом другая — инспекторы ГАИ — ловит их. Но разве не во власти милиции не допустить за руль подобных водителей — хотя бы на следующий после вытрезвителя день? Должно стать правилом: попал в вытрезвитель — минимум на сутки лишаешься права управлять машиной.

Однако проблема этим не исчерпывается. «Выпивший водитель» — понятие весьма широкое. Это может быть и не пивший особого влечения к зелью человек, который на именинах не устоял от соблазна осушить рюмку-другую вина, и пьяница со стажем, и, наконец, алкоголик. Общественная опасность водителей каждой из этих групп различна.

Интересное исследование провели одесские психиатры В. Пикус и В. Тараннико. С помощью специальных приборов они изучили состояние ста водителей с хорошей служебной репутацией, не алкоголиков, но в нерабочее время довольно часто выпивающих. Выяснилось, что у 90 процентов этих шоферов резко ослаблена функция активного внимания, намного снижена способность преодолевать трудные ситуации, то есть создаются психологические предпосылки аварий.

Особого внимания заслуживают, конечно, алкоголики. Беда в том, что начинающий алкоголик на первых порах мало чем отличается от нормальных людей. В этот период вылечить его еще можно, но никак нельзя доверить ему руль. Он опасен даже в трезвом виде — из-за серьезных изменений в психике, вызванных болезнью. Но в трезвости алкоголика хотя бы за рулем не может быть никакой уверенности: такой человек утрачивает количественный и ситуационный контроль. Например, зная о завтрашнем рейсе, он тем не менее напивается «до чертиков». Через несколько лет появляется «похмельный синдром» — непреодолимое желание выпить «после вчерашнего», без чего человек уже не может работать. Пусть алкоголика ожидают самые суровые наказания за вождение машины в пьяном виде — никакие угрозы на него не действуют: постановления и правила рассчитаны на нормальных людей, а не на тех, сама болезнь которых заключается в патологическом влечении к спиртному.

В нашей стране хроническим алкоголикам запрещено работать профессиональными водителями или иметь любительские права. Увы, по различным причинам этот запрет не всегда соблюдается. В психоневрологическом диспансере того же Краснопресненского района состоят на учете 137 водителей алкоголиков! В ГАИ удалось найти карточки 113 из них, и оказалось, что 72 шофера — почти две трети — совершали аварии и лишались прав за вождение машины в пьяном виде.

Много ли, однако, алкоголиков среди выпивающих водителей? Ученые ряда зарубежных стран пытались ответить на этот вопрос и пришли к выводу, что 60—80 процентов людей, управляющих машиной в нетрезвом виде, страдают хроническим алкоголизмом. Итак, речь идет о наиболее опасной и о самой распространенной категории.

Наш эксперимент подтвердил такой вывод и в психологическом, и в статистическом аспектах. Того же А. Аютова всего два года назад уволили из второго таксомоторного парка за «нарушение трудовой дисциплины» (надо ли пояснять формулировку?). Совсем недавно раскаявшийся водитель вернулся в родной парк. Перед выпиской из вытрезвителя А. Аютов охотно рассказал, что здесь он не впервые — последний раз был неделю назад.

А. Фролов в вытрезвителе тоже не новичок. А ведь и у него горький опыт. Был шофером первого класса, машинистом автокрана — и всего лишился: уволили с записью «за систематическое пьянство». Пришлось пойти в грузчики. Лишь недавно приняли под честное слово на теперешнюю автобазу. Но удержаться от спиртного он не может.

И так — каждый, с кем пришлось беседовать. По данным городской картотеки, треть шоферов — «клиентов» Краснопресненского вытрезвителя за год побывали в таких заведениях по два раза и больше: три, пять, восемь, двенадцать! Впрочем, есть полтора десятка «рекордсменов», которые умудрились посетить вытрезвители, поистине ставшие им родным домом, по пятнадцать-шестнадцать раз за год. И они продолжают ездить по московским улицам!

Нет слов, в Москве сделано очень многое для безопасности уличного движения. Особенно в последнее время. На пользу пойдет и внимание к «клиентам» вытрезвителей с шоферскими удостоверениями. Вытрезвители должны стать надежным «фильтром», с помощью которого можно выявлять водителей-алкоголиков, в том числе на ранних стадиях болезни, не допускать их за руль, заставлять лечиться. Сейчас на 985 пациентов Краснопресненского вытрезвителя на учете в диспансерах состоят пять. А ведь есть четкое указание направлять на обследование как возможных алкоголиков тех, кто три раза и больше побывал в вытрезвителях — среди наших водителей их 150.

«Суточный карантин» — лишь одна мера, рассчитанная прежде всего на случайно выпивших водителей. Но определить, пьяница какой категории попал в вытрезвитель, может лишь врач-психиатр. Поэтому в тот же день каждого «клиента» с водительскими правами надо направлять в диспансер для тщательного обследования. До заключения психиатра — не алкоголик ли данный человек и какие в зависимости от этого нужны меры — милиция и автохозяйства ни под каким видом не должны допускать его за руль. Практически это вполне выполнимо: можно, например, посылать права в диспансер или предупредить автохозяйства, что без справки оттуда шофера нельзя выпускать на линию. Только врач должен решить, можно ли оставить или вернуть водительские права. Порядок суровый, но он необходим: слишком многим рискуем мы, доверяя машину возможным алкоголикам.

Судебный очерк

НЕОТВРАТИМОСТЬ

П. ШЕСТАКОВ

В «ЛГ» (№ 29, 1973) был опубликован очерк Ольги Чайковской «Это было в Ростове». Редакция получила много писем с просьбой рассказать, какое возмездие постигло грабителей, о которых шла речь. Сегодня мы можем ответить на эти письма. Почти три месяца в Ростове шел судебный процесс, закончившийся несколько дней назад. Присутствовавший на процессе наш собственный корреспондент П. Шестаков делится некоторыми впечатлениями об этом деле.

ДЕНЬ этот с самого начала складывался неудачно. Сперва Толстопятову пришлось вернуться за очками. Потом Самасюку не удалось захватить подходящую машину. Это поставило «операцию» под угрозу. Однако, коротко посовещавшись, решили: «Будем делать!» Слишком долго ускользал золотой мираж...

Тащить рюкзак с деньгами было тяжело и неудобно, в нем находилось сто двадцать пять тысяч рублей, но казалось, что безумная цель достигнута. Казалось очень недолго. Считанные минуты они были удачливы и богаты, пока путь им не преградил случайно оказавшийся рядом рабочий В. Мартовицкий. Безоружного человека убили, однако на выстрелы поспешил милиционер А. Русов. Теперь пули полетели в бандитов. Самасюк споткнулся.

Не знаю, вспомнил ли он в эти минуты слова, сказанные при вступлении в банду. «Лучше умереть на мешке с деньгами, чем на пивной бочке», — мрачновато пошутил тогда этот уже дважды лечившийся алкоголик. Иногда пожелания сбываются. Он умер «на мешке». В машине, которую они в конце концов захватили, но неудачно: старый тихоходный «Москвич» не вывез.

Так 7 июня 1973 года в короткой, но кровавой схватке у ростовского института «Южгипроводхоз» была разгромлена преступная группа людей, которые пять лет назад решили во что бы то ни стало «завладеть огромной суммой» — четвертью миллиона рублей.

ПЯТЬ ЛЕТ — срок существования для банды, прямо скажем, необычный. Большинство преступлений пресекается гораздо раньше. Это закономерно. Однако каждое правило знает свои исключения. По ряду причин Толстопятов и его сообщники прожили относительно долгую подпольную жизнь. Эта тайная жизнь имела две стороны: внешнюю, фабульную, зафиксированную в четырнадцати эпизодах обвинительного заключения, и внутреннюю, которая нашла отражение в каждом из 36 томов «дела» и стала фактически предметом судебного исследования. Эту внутреннюю жизнь можно коротко определить как историю вырождения людей.

В тайнике, устроенном в маленьком флигеле на Пирамидной улице, где жил Вячеслав Толстопятов, вместе с самодельными автоматами, масками и прочими прикладными предметами бандитского обихода хранилась продукция, если можно так выразиться, и духовная: записи, сделанные в разное время и по разным поводам, в том числе (ирония судьбы!) «трактат» о борьбе с преступностью, где среди прочих мер, направленных на смягчение зла, предлагалось окрашивать тюрьмы в светлые, не угнетающие глаз тона.

«В целом человечество еще очень невежественно». Эту глубокомысленную сентенцию занес в свои «сочинения» Толстопятов, уже имея за плечами судимость. Суд, учтя, что он молод, судим впервые и, как считали, искренне раскаялся, ограничился тогда мерой снисходительной. В колонии Толстопятов вел себя скромно, окончил десятилетку и записывал в альбомчик-тетрадку полюбившиеся стихи и песни.

Теперь, увы, ясно, что за годы заключения Толстопятов решительно не проникся ни уважением к закону, ни страхом перед ним. Только так можно понимать его слова: «Закон для человека — те же флажки для волка, который иногда не считается с этой условностью и остается жить».

Это уже программа. Наметилась расстановка сил: «невежественное» человечество — с одной стороны, сильная личность, волк, — с другой, и между ними законы, пугающие флажки, которые смелого волка не должны останавливать. Удивительно ли, что человек с таким образом мыслей начинает занимать свой досуг... изготовлением самодельного оружия?

Оружие Вячеслав Толстопятов делал не один, а с братом Владимиром, который старше его на четырнадцать лет. Владимир признал, что о существовании банды ему было известно, но практическое участие в ней отрицал, высокомерно заявив, что был занят изготовлением «двигателя без топлива», изучал проблему первопричины движения и суетные дела брата его не интересовали...

А было, конечно, иначе. И если даже Владимир Толстопятов сам в людей не стрелял, то оружие, из которого они были убиты, изготавливалось с его участием и под его руководством.

Мне приходилось слышать разговоры о незаурядных якобы конструкторских способностях братьев Толстопятовых. Однако великие замыслы братьев остались на бумаге, а оружие, увы, действовало, хотя и не столь безотказно и сокрушительно, как мерещилось обывателям и как того хотелось бандитам. Оружие, к счастью, часто отказывало, и благодаря этому крови пролилось меньше.

Уверенность в собственной исключительности, даже гениальности (кричал же Владимир Толстопятов сразу после ареста в следственном изоляторе, что он гений!), — вот где основа представления о «невежественном» человечестве, по отношению к которому гению «все дозволено». Не знаю, формулировал ли эту связь Вячеслав прямо, но что презрение к людям лежало в основе его жизненных взглядов, сомневаться не приходится.

С такими нравственными представлениями, вооружившись самодельными револьверами и автоматами, Вячеслав Толстопятов, Самасюк и Горшков вышли 7 октября 1968 года на первую «операцию». Она сорвалась, не удалось захватить машину, но начало было положено.

«Мы будем друг около друга и не будем ощущать никаких материальных затруднений...» Таким виделось им будущее. Как они ошиблись, планируя свое «братство» вопреки обществу, а достаток — за его счет!

12 октября была предпринята попытка ограбить кассиров обувной фабрики. Не вышло, упустили машину с деньгами.

22 октября — первая «удача». Ограблен магазин. Убит пенсионер Чумаков. Взято 526 рублей 84 копейки!

5 ноября при попытке захватить машину тяжело ранен шофер Арутюнов. Самасюк стрелял в упор, но водитель машину не отдал.

26 ноября у женщины — кассира автотранспортного хозяйства захвачено 2744 рубля.

29 декабря «взят» промтоварный магазин. Результат — 1498 рублей!

В хронике этого бандитского разгула поражает промежуток с 22 октября по 5 ноября. Всего две недели потребовалось бандитам, чтобы оправиться от первого кровавого преступления и вновь пойти на кровопролитие!

«После убийства с неделю не встречались друг с другом. Слава был замкнут, осунулся», — показывал Горшков. «Утешал» их старший брат. «Это должно было случиться, назад теперь возврата нет, действовать впредь нужно решительно, жестоко» — так по памяти воспроизвел его напутствия Горшков. И они восприняли их. Через две недели выстрелы загремели вновь.

Однако на суде Горшков сказал:

«Я понял, что больше не смогу жить нормальной человеческой жизнью». Он сказал правду, хотя и вызвал этими словами презрительную усмешку Вячеслава. Усмехнулся тот потому, что никогда раскаяния в Горшкове не замечал. Напротив, был Вовчик активнейшим участником последующих кровопролитий, даже сам три пули «схлопотал» и с перебитой рукой рвался в бой. Но нормальная человеческая жизнь для Горшкова, как и для остальных, безусловно, кончилась.

Так стремительно покатились они вниз, перестав считать ступеньки, но жила еще в них нелепая надежда, что спасет от всех бед и выручит «огромная сумма», решит все проблемы и выведет из подполья, и тогда выбросят они в Дон автоматы и заживут, позабыв о прошлом, как самые обыкновенные «граждане вне подозрений». И поддерживая в себе эту наивную надежду, они на первых порах пытались изображать из себя «благородных» бандитов, этаких лихих суперменов. Вернули ограбленной кассирше ее собственные сорок четыре рубля, да еще тридцатку из казенных подбросили... Когда на Новый год ворвались в магазин, Самасюк не забыл поздравить продавщиц с наступающим...

Самасюк с самого начала под грабительскую свою деятельность теоретическую базу не подводил, а просто «брал» и гулял, вполне удовлетворяясь ролью бесшабашного «боевика», первым нажимающего на курок. Для него трехмесячный разгул кончился несколько неожиданно и комично. При попытке вломиться на праздничный вечер на танцплощадку был он задержан и на два года «изъят из обращения» — к сожалению, всего лишь за хулиганство.

Эти два года, 1969-й и 1970-й, — годы затишья. Попытка действовать без Самасюка — нападение на химзавод имени Октябрьской революции в апреле 1969 года — провалилась: денег не взяли, Горшков получил первую, пока легкую рану, пришлось бежать. На время затаились...

Очередное после вынужденного простоя нападение закончилось захватом 17 тысяч рублей. Вновь вспыхнул и затрепетал перед глазами золотой мираж. Казалось, еще одно усилие, стоит руку протянуть...

В ДЕКАБРЕ в Ростове темнеет рано. Зимними вечерами на улицах малолюдно, но если и толкутся на перекрестке трое парней, что особенного? Да из помещения небольшой сберкассы на Пушкинской улице их и не было видно. Ждали инкассаторскую машину, чтобы завершить трудовой день. Машина пришла с опозданием. Один инкассатор быстро вошел в помещение, и тут же с улицы донеслись странные хлопки, которые люди в кассе в первый момент приняли за треск лопнувших электролампочек.

За эту минуту Самасюк успел обезоружить и вытащить из машины шофера. Горшков должен был сделать то же самое со вторым инкассатором, но замешкался и был встречен огнем. Окруженный тремя вооруженными бандитами, инкассатор Иван Зюба, пожилой человек, почти пенсионер, не колеблясь ни секунды, выполнил свой долг. Горшков остановился, выронил автомат. Но тут открыли огонь Самасюк и Вячеслав Толстопятов.

Иван Зюба умер, как солдат на боевом посту.

Они бежали на захваченной машине. В пути Горшков почувствовал себя плохо, но сумку с деньгами сумел втащить в дом Владимира, пока другие двое отгоняли машину. Ночью во флигеле Толстопятова состоялся совет, решалась участь Горшкова. К этому времени банда была уже страшно далека от первоначальной формулы «всегда вместе». Бытовала другая — «измена группе будет преследоваться смертью!». А Горшков был если и не «изменником», то «балластом», который мог потянуть сообщников ко дну.

Вспоминая «эту кошмарную ночь», Горшков даже на суде до того разволновался, что попросил воды, голос прерывался. С полным основанием он ждал, что «друзья» добьют его. Однако исчезновение Горшкова могло оказаться опасным. Только поэтому решили Вовчика лечить.

ВСЯ ИХ «философия» основывалась на ложных предпосылках, главной из них была концепция страха.

«Как известно, все люди подвержены страху», — сказал на суде Вячеслав Толстопятов. Это предположение естественно для человека, чье мировоззрение опиралось на представление о собственной исключительности.

Да, немудрено было, стреляя в потолок, вызвать панику среди женщин, пришедших за покупками в продовольственный магазин. Они видели, как матери прижимали к себе детей, как люди стремились укрыться за колоннами, и утверждались в роковом заблуждении, что они-то и есть те сверхчеловеки, которым положено наводить ужас на «толпу».

Но подлинный страх они вселили лишь в отдельные слабые души, зато пришел он без приглашения в саму банду, вернулся бумерангом.

Шло время, целые годы проходили, а цель, казавшаяся поначалу легкодоступной, достигнута не была. Сорок две тысячи были захвачены за пять лет. Если исключить из них «накладные расходы» — на оружие, детали которого заказывали различным людям, на лечение ран и тому подобные неизбежные траты, то «доходы» казались им несоразмерными в сравнении с затраченными усилиями, временем и риском.

Иных же, трудовых заработков эти люди не признавали, беспрерывно кочуя с предприятия на предприятие, где фактически числились, а не трудились. В дневнике Толстопятова появляется запись: «Вот уже два месяца мы сидим без рубля в кармане... И кругом долги, так как мы занимаем в надежде на крупную операцию. А время идет. Операция срываются одна за другой...»

В этой обстановке банда жаждет новых грабежей. Для их успеха, Толстопятов считает, нужно усовершенствовать оружие. Усовершенствовать, чтобы расстреливать людей внутри машин, чтобы подавлять одиночные выстрелы шквальным огнем, чтобы наводить ужас. Но зачем так долго возиться с усовершенствованием? — недоумевал Самасюк. «Раз деньги не отдают, нужно просто стрелять без предупреждения!» С этим согласны все, но в необузданном экстремизме Самасюка, теряющего под влиянием алкоголя всякую осторожность, Толстопятов-младший видят не только угрозу банде, но прежде всего себе, своему руководству. И он принимает решение: Самасюка «судить» и уничтожить. Горшков на его стороне. «Запаковать его в ящик» — и все дела!

Убить Самасюка было легко, заменить — трудно. Вербовки новых участников срывались. В лучшем случае запуганные бандитами «приглашенные» соглашались молчать о переговорах, но в банду не шли. Самасюк получал отсрочки. Ненавидя друг друга, они с Толстопятовым были скованы одной цепью.

Накануне нападения на «Южгипроводхоз» Толстопятов и Горшков решили последний раз использовать Самасюка в операции, от которой ждали, наконец, большого успеха. Он шел на нее обреченным. А может быть, и нет. Может быть, сам планировал прикончить дружков и скрыться с «суммой».

«Мы становились зверьми по отношению друг к другу», — сказал на суде Толстопятов.

СРЕДИ ТЕХ, кого Вячеслав Толстопятов предполагал включить в число участников намечавшегося судилища над отбившимся от рук Самасюком, были Константин Матвеевич Дудников и Виктор Николаевич Зарицкий, лица, считавшиеся вполне почтенными и даже интеллигентными: первый был хирургом с многолетним стажем, второй — инженером и к моменту ареста занимал должность заместителя директора организации «Ростоблбытприбороремонт»...

До августа 1971 года тридцатипятилетний инженер Виктор Зарицкий работал заместителем начальника цеха на крупном ростовском предприятии, где и начал трудовую жизнь, а после окончания института успешно продвигался по служебной лестнице. Продвижение это было прервано увольнением за прогул. Некий Ю. Мардиросов, специалист по подделке документов, быстро оформил ему новую трудовую книжку, изменив порочащую запись о причине увольнения. С этим «чистым» документом Зарицкий благополучно устроился в «Ростоблбытприбороремонт», вначале на должность старшего инженера.

Казалось, жизнь вернулась в благополучное русло. Были хорошая работа, квартира, семья и прочие атрибуты нормального бытия, но была и подделка документа, разоблачение которой могло в любую минуту разрушить достигнутое сомнительным путем благополучие.

Минута такая подошла быстро. В один далеко не прекрасный для Зарицкого сентябрьский день зашли к нему на работу двое молодых людей — высокий блондин и обходительный невысокий брюнет — и, представившись вольными художниками, работающими по договорам, попросили их трудоустроить. Молодые люди произвели на инженера вполне благоприятное впечатление, и, «чтобы лучше узнать друг друга», разговор был продолжен в ресторане, где новые знакомые сообщили, что им хорошо известна история с трудовой книжкой. Нетрудно догадаться: это были Толстопятов и Самасюк.

И больше года, до самого дня ареста, Зарицкий фактически жил такой же подпольной жизнью, как и бандиты: выполнял их требования о «трудоустройстве», помогал доставать фиктивные справки о работе, оказывал иные «мелкие услуги».

Постепенно «мелких услуг» стало для банды недостаточно. В мае 1972 года Толстопятов и Самасюк попытались использовать знакомство с Зарицким для организации нападения на «Ростоблбытприборо ремонт». Во время ставших обычными встреч были получены сведения о приезде кассира с деньгами. Вооруженные бандиты заняли «позицию». Однако кассир вернулась в этот день из банка пешком, и Толстопятов с Самасюком ее проворонили. Зарицкого заподозрили в нечестной игре, но ему удалось подозрения рассеять.

Как и у других, у него спрашивали, что помешало ему помочь разоблачить банду. Как и другие, он ссылался на страх, но страх его был особого рода — страх перед разоблачением. «Если бы я пошел в милицию, пришлось бы говорить о трудовой книжке!» Так из мелкого служебного страха он фактически стал пособником бандитов.

На противоположном от Зарицкого краю скамьи подсудимых сидел второй «интеллигент» — доктор Дудников, лечивший Горшкова. В отличие от инженера доктор с положением своим не смирился и защищался агрессивно, всячески пытаясь доказать, что поступал единственно правильным образом. Краеугольным камнем защиты Дудникова тоже было «право на страх». В судебном заседании он заявил, что, будучи прирожденно трусливым, еще на фронте бегал по полю и кричал «мама!».

Если уж он похвалялся своим страхом на фронте, то тем более не стыдился страха перед бандитами. Не стыдился, а даже почитал чем-то вроде морального алиби. Имел, дескать, право так вести себя, потому что боялся. Не герой... А речь-то и не о подвиге шла, и не о сиюминутном поступке, когда в спешке и растеряться немудрено. Больше года у него было, чтобы найти и реализовать возможность разоблачить банду и себя спасти от позора и наказания. Не разоблачил. Не спас. Не нашлось мужества. Зато вполне серьезно он поставил себе в заслугу, что Горшков остался инвалидом!

Необычное это заявление профессионального врача вызвало удивленную реплику прокурора Ю. Костанова:

— В чем же вы видели свой профессиональный долг?

— Я его не лечил, — ответил Дудников.

— Но в чем состоял ваш долг?

— Я должен был оказать помощь и должен был сообщить об этом.

— Но вы не сделали ни того, ни другого!

О характере проводившегося Дудниковым лечения сейчас судить почти невозможно, ибо после операции Горшков умудрился напиться и сломать загипсованную руку. Однако операция состоялась. Ночью, в том же флигеле, Дудников извлек одну пулю, свежую, из предплечья, и вторую, старую, — из нижней части спины.

При этом он якобы видел, что у Горшкова должны были атрофироваться мышцы и образоваться ложный сустав, но он этого не предотвратил, что и считал своеобразным вкладом в борьбу с бандой.

ВСЕ ЭТИ люди были соучастниками одного большого зла, все они были теми, кого сам Горшков назвал «ужасной бандой», бывшие «супермены», а ныне обыкновенные подсудимые, призванные ответить за свое преступление, как бы они ни ловчили, как бы ни старались свалить вину друг на друга, подобно Горшкову, который старательно выдерживал роль «неудачника», даже «жертвы» коварных братьев Толстопятовых и при каждой возможности топил бывшего друга Славу — а дружили они с детства, — руководствуясь печально известным уголовным правилом: «умри ты первым»...

И даже на суде не могли они понять, почему же провалились их преступные замыслы.

Не поняли они, что преследовавшие их «неудачи» — не стечение неблагоприятных случайностей, а закономерность противодействия, которое общество — от отдельных граждан до специальных органов охраны порядка — постоянно, на каждом шагу оказывало банде, обрекая ее на неизбежный крах.

Не испугалась бандитов кассир магазина № 46 Орлова и укрыла от них основную сумму денег. Тяжело раненный Арутюнов не отдал машину и сорвал тем самым очередной налет. В вооруженной схватке отразили нападение на химзавод Коваленко и Плужников. Жертвуя жизнью, стрелял инкассатор Зюба и надолго вывел из строя Горшкова. Противодействуя банде, погиб безоружный пенсионер Чумаков. Наконец, широко известен подвиг Русова и Мартовицкого...

О людях этих можно и необходимо сказать много хороших слов, но сейчас хочется подчеркнуть главное — в сложных и неожиданных обстоятельствах, действуя часто в одиночку, они защищали интересы общества, и, что особенно важно, не только его материальные интересы, но и нравственные принципы, выступая против насилия и произвола. Для Толстопятова же и его друзей они были «невежественными» людьми, подставляющими головы под пули «по темноте», в следовательно, случайно. «Какая-то идиотская гуманность (!) тормозит все дело», — записал в дневнике Вячеслав Толстопятов.

Им не мешали говорить на суде. Председательствовавший В. Ф. Левченко умно и терпеливо вел процесс, давал возможность каждому обвиняемому сказать все, что тот хотел и мог сказать, объясняя свои поступки. И был прав! Чем больше они «объясняли» (оправдываться-то было практически невозможно!), тем более точная и отталкивающая картина открывалась перед судом.

Что и говорить, наша судебная практика крайне редко сталкивается с подобными делами и с подобными преступниками, в которых так цинично сочетались бы жестокость и лицемерие. Ведь в своем «трактате» братья Толстопятовы предлагали не больше и не меньше, как смягчение наказаний чуть ли не до уровня штрафов, а сами тем временем проводили ночи за изготовлением оружия для запланированных убийств.

Люди эти заведомо и сознательно поставили себя вне нашего общества, и не удивительно, что врагами они считали всех, кто не входил в их преступную группу. Они только делили «противников» на активных и «нейтральных», то есть на тех, кто будет бороться, и на тех, кто испугается. Они рассчитывали, что вторых будет больше. Вышло наоборот. Им пришлось это признать.

А говорили они много. Толстопятов и Горшков — по четыре дня подряд. И каждое слово записывалось на магнитофон, воспроизводилось при необходимости, суд строго следил, чтобы высказывания подсудимых истолковывались именно так, как они на том настаивали. Процесс шел спокойно, сдержанно. В зале суда присутствовали и те, кому пришлось столкнуться с бандой и оказать ей противодействие, и те, кто услышал о происшедшем впервые. Работали кино- и телекамеры, но не с целью вызвать сенсационный интерес, а с задачей глубокой и значительной — показать крах людей, противопоставивших себя не только законам общества, в котором они жили, но всем его устоям, прежде всего устоям нравственным.

И если в начале процесса находились люди, ожидавшие увидеть на скамье подсудимых личности нерядовые, преступников неординарных, то к концу таких людей не стало. Все убедились, что судят просто-напросто грабителей и убийц, поставивших своей целью жить за счет других. Взяв в руки оружие, направив его против людей, они оказались обреченными. Окружавший их нравственный, общественный климат был для них губителен.

Можно, конечно, сожалеть, что крах банды наступил не сразу. То, кто повинен в этом, сделают для себя должные выводы. Приняты все меры к тому, чтобы общественный порядок, жизнь и покой граждан охранялись еще более строго и неуклонно.

Главный же итог процесса несомненен: преступная кучка, объявившая обществу «частную» войну, не могла не прийти к полному и позорному краху.

Процесс завершен. Братья Вячеслав и Владимир Толстопятовы, а также Владимир Горшков приговорены Ростовским областным судом к высшей мере наказания, остальные подсудимые — к различным срокам лишения свободы.

Возмездие сурово, но справедливо. И приговор был встречен теми, кто присутствовал на процессе, с полным пониманием и одобрением. Он не только ставит последнюю точку в деятельности преступной группы, но и служит уроком и предостережением тем, кто пытается устроить собственное благополучие за счет общества. С этой целью и рассказана история возникновения и неотвратимого краха банды Толстопятовых.

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

ТИМУРОВЦЫ СЕМИДЕСЯТЫХ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ телевидение дважды показало многосерийный телеспектакль «Ребята с нашего двора» (автор сценария Э. Шим, режиссер А. Зиновьева). На экране нет привычных схем, привычных персонажей: «трудных» подростков, исправляющихся к финалу, или «маленьких эгоистов», или, наконец, «маленьких мечтателей». На наших глазах разворачивается спектакль-исследование.

Почти каждая из восьми серий начинается своеобразным интервью. Мальчишки и девчонки, встреченные просто на улице, во дворе, в школе, отвечают на вопросы. Человек, задающий эти вопросы, на экране отсутствует; кажется, задает сама жизнь: что такое, к примеру, истинная смелость, истинная доброта, дружба?

Как умеют, незатейливо, с трудом складывая слова, мальчишки и девчонки отвечают на эти серьезные вопросы. Постепенно мы разглядим, что среди отвечающих находятся и главные действующие лица.

Обычно в спектакле или кинофильме, где действуют дети, бывает необычайно трудно создать атмосферу достоверности, сиюминутности происходящего. Первыми разрушают эту атмосферу юные исполнители — детям так трудно изображать кого-то, «подладиться» к чужому характеру. В спектакле «Ребята с нашего двора» дети остаются самими собой. Не покидает ощущение, что они на наших глазах импровизируют текст, разговаривают друг с другом, не подозревая о включенной телекамере. Непривычно много в спектакле эпизодов и сцен, погруженных в обстановку реальной среды — московских улиц, московского двора, вокзала, настоящего книжного магазина. Это редкое для телеспектакля качество еще более усиливает правду происходящего. Авторы отлично сознают, в чем сила ТВ, и потому стремятся максимально сохранить стилистику репортажа. Любопытна, например, в этом смысле 6-я серия, где школьники действуют на аэровокзале среди реальных, «неподготовленных» пассажиров; или 8-я серия, в которой ребята разговаривают со спортсменами, чьи имена знает каждый.

Есть и еще один любопытный ход, найденный в этом спектакле. Вероятно, было очень соблазнительно (и, уж конечно же, удобней и проще) провести главных героев подряд через все серии. После двух-трех серий образы запомнятся зрителям, а потом можно в основном пользоваться уже накопленным багажом, лишь кое-что добавляя или варьируя. Но авторы смело меняют персонажей местами: сегодня в центре внимания одни ребята, завтра они уходят на второй план, в действие ведут те, что были в предыдущей серии мелком, едва успев сказать две-три реплики. И это тоже служит основному замыслу спектакля: рассказать о многих, попытаться понять, какие же они, сегодняшние мальчишки и девчонки.

Так какие же они?

В чем-то очень знакомые, очень узнаваемые. В чем-то неожиданные. И радующие, и огорчающие.

Как их отцы и матери, как тимуровцы сороковых и пятидесятых, они отзывчивы к чужой беде, они неравнодушны и беспокойны душой, они смелы, честны и самоотверженны. Но, как и всякие подростки, они только учатся отвечать на вопросы, задаваемые жизнью, и, конечно, ошибаются: не могут отличить глупую лихость от смелости, подлинную романтику от ложной.

Все это так. Но вот еще какие они: равноправные хозяева жизни, своей страны.

Они выручают старика на вокзале, вам они выражаются, за счет «коэффициента умственных способностей». И при этом звучит такой диалог:

— Тимуровские традиции. Вера не пройдет мимо старика и старушки. Непременно натаскает им воды и наколет дров.

— Хотя а наше время уместнее спросить, какого черта старушка сидит без воды и топлива? Кто в этом безобразии виноват?

Вот такие они...

После первых же серий спектакля, вышедших в эфир, телевизионные дикторы сообщали о большом количестве писем, присланных в редакцию. Можно надеяться, что эти письма подскажут темы новых спектаклей-исследований — о детях, для детей.

С. ПОНОМАРЕНКО
ЛЕНИНГРАД

ЛЕТНИЙ ЭТЮД

Фото Г. ВИБИКА

Варшава. Маршалковская

Варшава. Концерт у памятника Шопену

30 лет НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

Фото М. ТРАХМАНА, Л. ШЕРСТЕННИКОВА и Виктора БРЕГИ (ПОЛЬША)

Поронино. Дом, где в 1913—1914-х годах жил В. И. Ленин

Гданьск. На верфи имени В. И. Ленина сооружаются корабли по заказу Советского Союза

Варшавские металлисты

«Беззаботность»
С фотовыставки «ПОЛЬША. Страна и люди»

ИЗ ОПЫТА ДРУЗЕЙ

ГОДЫ СТУДЕНЧЕСКИЕ: ПЯТЬ ИЛИ ТРИ?

Олег МОРОЗ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Современная эпоха предъявляет все более высокие требования к качеству подготовки специалистов. Чтобы удовлетворить этим требованиям, необходимо непрерывное усовершенствование системы обучения, необходимы поиски, эксперименты... Об одном из таких экспериментов в сфере высшего образования, проводимом в Народной Республике Болгарии, рассказывает автор.

КАКАЯ НУЖНА «ПРОДУКЦИЯ»!

Об одном и том же можно рассказывать по-разному — нажимая то на одно, то на другое, смотря по тому, что ты считаешь главным. И получится как бы несколько разных рассказов, хотя и схожих между собой внешне.

Суть эксперимента, о котором пойдет речь, в немногих словах можно было бы изложить так: математический факультет Софийского университета объединили с Институтом математики и механики Болгарской академии наук. Собственно, так мне и объясняли существо дела люди, не причастные к нему. Психологически это понятно: прежде всего бросаются в глаза внешние атрибуты всякой реформы — объединение, разъединение.

Однако декан математического факультета (а ныне, когда пишутся эти заметки — уже ректор Софийского университета) известный болгарский математик Благовест Сендов сделал ударение на другом...

Несколько лет назад математикам предложили подумать над тем, как «осовременить» обучение на факультете, приблизить его к нуждам страны. При этом они могли не ограничиваться какими-то существующими, традиционными формами образования — им было дано право фантазировать, «писать на чистом листе бумаги», лишь бы «написанное» оказалось практически выполнимым.

И математики стали думать.

Прежде всего они попытались представить себе, какого рода «продукцию», каких специалистов должен выпускать факультет в последующие годы. Всех качеств этой «продукции» предугадать, естественно, было невозможно. Но одно представлялось несомненным: она не должна быть одного сорта...

Жизнь показывает, что специалистов очень высокой квалификации требуется, в общем-то, немного. Особенно в математике. Это с одной стороны. А с другой — много их и не получается. Давно замечено: известная толика студентов учится только первые два-три года. Учится — в изначальном, подлинном смысле слова, увеличивает свой знания. А потом, за оставшийся до получения диплома срок, как бы и разучивается...

Если изобразить потребность в специалистах в виде кривой, получится некая гора с узкой вершиной и широким подножием: там, на вершине, на прохотном пятачке, теснятся немногие призванные продвигать вперед самое математику, грубо говоря — разрабатывать новый математический аппарат. На террасах пониже, несравненно более обширных и поместительных, свободно располагаются многочисленные отряды тех, кому впору ва практике применять ту математику, которая уже создана.

Если теперь начертить кривую реальной квалификации выпускников университета, она своими контурами будет напоминать предыдущую: специалистов высшей подготовки поменьше, средней — побольше.

Если же, наконец, показать ту недостижимую (и ненужную!) цель, на которую ориентирована традиционная система высшего образования, — это будет ровненькая, без подъемов и спусков, горизонталь, высоко вознесенная над точкой отсчета, этакое высокогорное плато, на которое по отвесным стенам обязан вскарабкаться (в идеале) каждый альпинист, невзирая на его способности и спортивный разряд.

Казалось бы, о чем горевать? Важно, что кривая реальной подготовки специалистов приблизительно, пусть общими очертаниями, совпадает с кривой потребности. Тут спрос — там предложение. Да, но какой ценой это достигается! Какая потеря времени и сил и для самих студентов, и для преподавателей, и для государства! Пять, пять с половиной, а то и шесть лет обучают одной и той же высшей премудрости всех без разбору — и тех в том числе, кто все равно ее не постигнет и кому она не пригодится. Тащат за шиворот на вершину и упирающихся, и вовсе уже обмякших. Зачем?

На математическом факультете Софийского университета решили сознательно нацелить обучение на кривую потребности — как говорят математики, «аппроксимировать» ее, то есть приблизительно воспроизвести с помощью лесенки. Вместо единого для всех высшего уровня (плато) ввести несколько ступенек. Говоря конкретно — четыре. Поднялся на первую ступеньку — можешь шагать на вторую... Не хочешь (не можешь) — получай диплом и будь здоров, иди работать, приноси пользу. «Выход» открыт с каждой из ступенек.

Назвали ступеньки без затей — блок «А», блок «В», блок «С», блок «D».

БЛОК «А»

Собственно, кам-то более всего интересны два первых блока — «А» и «В». В них-то и заключена главная новизна.

Сначала о блоке «А»...

Блок «А» — это три первых курса. По окончании их решили выдавать диплом. Вы скажете: мыслимое ли дело — втиснуть пять лет в три года? Об этом же думали и организаторы эксперимента — прикидывали, решали. Блок «А» напоминает школу. Так называемые «академические свободы» (как их понимают некоторые нерадивые студенты) здесь поурезаны. Одна лишь деталь: занятия там начинаются в семь и заканчиваются к часу — вещь сама по себе для университета неслыханная. Но не в ней еще суть. Суть в жестком, школьном контроле. Задания студентам выдаются на дом. На занятиях проверяется их выполнение. Постоянно проводятся контрольные работы. Все это сделано с одной целью — максимально интенсифицировать, «сжать» обучение.

Сендова и его коллег не смущали упреки в насаждении школярства. «Наша задача — лучше подготовить людей, — отвечали они на такого рода упреки, — а как все это называется — университет или гимназия, не суть важно. Есть вопросы поважнее терминологических».

Кстати, чем плохо, что первые курсы вуза отчасти напоминают школу? Всем известно, что многие первокурсники, вчерашние школьники, с трудом адаптируются к непривычным для них вузовским условиям. Это целая педагогическая проблема. Горы статей о ней написаны. А тут она разрешается как бы сама собой...

Трудно заниматься серьезными вещами с группой в двадцать—тридцать человек. Группы сокращены. Ни в одной из них число студентов не превышает двенадцати. В результате преподаватель имеет возможность наблюдать за каждым из студентов. Кстати, ему дано право выставлять в конце семестра так называемую субъективную оценку, отражающую общее впечатление о любом из его подопечных, независимо от его объективных успехов. При обширных группах такая оценка, естественно, была бы лишена смысла...

«ПОСТУЛАТ СЕНДОВА»

Невелика хитрость — сократить группу, скажете вы. А где взять преподавателей? Их ведь теперь требуется больше. В этом-то пункте (вот оно только когда!) мы и подходим к объединению, к интеграции факультета и института. С этой-то целью — расширить преподавательский состав (хотя и не только ее одну преследуя) — математический факультет и объединили с институтом, создав Единый центр по науке и образованию в области математики и механики. Возглавил его крупнейший болгарский математик академик Любомир Илиев. Сендов стал его заместителем.

Объединение это не совсем обычное, а для классического административного мышления и вовсе непостижимое. Существуют две системы: университет и Академия наук. Две системы, две цепочки. И вот одно из звеньев каждой цепочки делается общим, хотя остальные звенья и обе системы в целом продолжают существовать обособленно. Сразу же возникает тысяча, казалось бы, неразрешимых проблем. Кто кому подчиняется? Кто кому платит?.. Большинство из этих проблем было в конце концов улажено. Кроме одной — финансовой. («Финансовая система еще более консервативна, чем система образования», — шутит по этому поводу доцент Боян Пенков.) И поныне в Едином центре два бухгалтера — академический и университетский: вы получаете зарплату у одного, а ваш коллега из соседней комнаты — у другого. Но оказалось, что и так жить можно.

Главное, что объединение предоставило ряд преимуществ. Теперь почти все «действующие» математики одновременно работают со студентами, преподают, хотя у каждого сотрудника в отдельности соотношение преподавательской и научной работы меняется в зависимости от обстоятельств. Тут предусмотрена гибкая система.

В разговорах с болгарскими учеными я пытался выяснить, как они преодолевают различие в специфике между преподавательской и научной работой. Ведь такая специфика существует. Недаром же ходит поговорка: «Кто может — работает; кто не может — преподает. А кто не может и преподавать — тот учит других, как преподавать».

В конце концов я понял, однако, что в данном случае никто особенно не теоретизировал, а просто приняли некоторый постулат, после чего стали смотреть, насколько он соответствует практике. В устах скупого на слова Сендова этот постулат звучал так. «Я считаю, — сказал он мне, — что каждому математику, особенно молодому, полезно преподавать. Ну что ж, полезно, так полезно. Важно не то, какую гипотезу принимаешь, а на сколько легко от нее отказываешься, если она не подтверждается жизнью. В данном случае отказываться от «постулата Сендова» не пришлось.

ЧТО ТАКОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

Наконец мы своим чередом подошли к самому «страшному» в эксперименте болгарских математиков. Имеется в виду то обстоятельство, что теперь значительной части студентов диплом об окончании университета выдается после третьего курса. Именно по этому пункту больше всего было сломано копий...

Как-то Боян Пенков присутствовал на совещании экспертов по высшему образованию, где его попросили рассказать о Едином центре. Как только дело дошло до выдачи диплома выпускникам блока «А», по обыкновению начался шум: «Как?! Высшее образование за три года?! Да разве это мыслимо?!» Пенков на это возражал спокойно: «А вы мне дайте определение, что такое высшее образование. Тогда я вам отвечу, получают его наши выпускники или нет».

Как выяснилось, однако, что такое высшее образование, никто из экспертов толком сказать не может. Все как-то вертелось вокруг трюизма, тавтологии: «Высшее образование — это когда оканчивают высшее учебное заведение...»

В повседневном, привычном мелькании эти два слова — «высшее образование» — представляются чем-то само собой понятным, устоявшимся, незыблемым. Между тем даже буквальный их смысл уже несколько устарел. Родилось понятие «работники высшей квалификации», подразумевающее «остепененных» научных работников — категорию, которая также становится уже массовой. Что же получается? Несколько «высших»? Или одно «высшее» — в самом деле высшее, а другое — несколько пониже? Сейчас под этим вторым «высшим» мы, по сути, подразумеваем образование инженеров, учителей, врачей... Практических математиков. Одним словом, наиболее квалифицированных практических работников. Тогда надо об этом так и говорить, а не манипулировать понятиями, которые сами по себе не определены. Надо говорить не о том, можно ли дать высшее образование за три года — подобные разговоры бессмысленны, — а о том, за какой минимальный срок каких работников можно подготовить, учитывая, с одной стороны, все возрастающие потребности народного хозяйства в специалистах и, с другой — возможность усовершенствовать, модернизировать процесс обучения.

В конце концов к этому и сводится все дело: можно ли учебу в высших учебных заведениях, в частности в университетах, сделать более эффективной и, если хотите, более интенсивной? По-видимому, можно.

Университетская традиция в своей основе очень стара, восходит едва ли не к временам средневековья, к нравам «вечных студентов», учившихся «чему-нибудь и как-нибудь». В наш торопливый научно-технический век, когда каноническое знание быстро стареет, не грех взглянуть на дело по-новому, сделать процесс обучения более мобильным, более гибким. Да в конце концов — более отвечающим потребностям жизни. Если стране нужны десятки, сотни математиков-программистов высшей квалификации, для чего им пять лет протирать штаны на студенческой скамье, изучая высшие разделы алгебры и топологии?

В Едином центре выкинули из учебных программ все лишнее. Даже английский язык изучают теперь не во время семестра, а летом — пользуясь одним из современных методов ускоренного обучения: два цикла по сорок дней после первого и второго курсов.

...Правда, справедливости ради надо сказать, что в три года все-таки не уложились — сейчас обучение в блоке «А» расширили до трех с половиной лет. Но, как выразился профессор Сендов, это последняя уступка «вышистам».

БЛОК «В»

Если в блоке «А» студенческую свободу поурезали, то в блоке «В» этой свободы, напротив, прибавили. И не только свободы — самостоятельности, доверия, ответственности. По существу, положение студента здесь очень близко к статусу сотрудника Единого центра. У каждого — свой научный руководитель. Лекция студент посещает по выбору — лишь те, что соответствуют его специализации, те, что посещать ему советует руководитель. Он участвует в семинарах, имеет право работать в научных залах библиотек... Одним словом, к студенту здесь относятся как к равному. И когда я спрашивал ребят, что им нравится в новом порядке обучения, многие так и отвечали: это драгоценная атмосфера равенства, возможность делового общения с доцентом, с профессором, не отделенными от них традиционным барьером кафедры.

Преподаватели же, со своей стороны, подмечают, что в такой обстановке, после «школярского» блока «А», студенты очень быстро набирают зрелость, тем паче, что и идут сюда лишь те, кто действительно жаждет продолжать учебу, а не мечтает только бы отсидеться на четвертом-пятом курсах до получения диплома. В блок «В» не просто «переходят» — сюда поступают, сдают экзамены, как бы заново связывая свою судьбу с университетом.

Здесь действительно преподают и абстрактную алгебру, и топологию, и прочие ультрасовременные вещи. Отсюда, по идее, и должны выходить те два-три (не больше!) «ежегодных» выдающихся алгебраиста или тополога, которые нужны стране.

Чтобы как-то отличить это «высшее» образование от того, более короткого, решили выпускникам блока «В» давать звание магистра. Кстати, это уравняло в отношении престижа университетских выпускников с выпускниками втузов. В Болгарии слово «инженер» все еще почетно. Даже на дверях квартиры можно прочесть: «Инженер Иванов». А вот «Математик Иванов» — это не звучит, так не пишут. Совсем иное дело — «Математик мгр. Иванов». Почти, как инженер...

***

Осталось сказать еще о двух блоках — «С» и «D». Блок «D» готовит школьных учителей математики. В него также поступают выпускники блока «А». Математики как таковой здесь уже нет. Тут изучаются методология преподавания, педагогика, психология, практическая работа в классах... Вот, кстати, и один из возможных ответов на столь болезненный вопрос: сколько лет должно длиться «высшее образование»? Мы уже говорили, что лучше ставить его по-иному: за какое время можно подготовить того или иного специалиста? В Едином центре практического математика сейчас готовят за три с половиной года, а учителя математики — за четыре с половиной. (Блок «D» — годичный.)

О блоке «С» не следует долго распространяться. Блок «С» — это аспирантура.

В ОЖИДАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ

Всякий завод так или иначе отвечает за свою продукцию. При случае, если уж очень приспичит, негодное изделие можно и вернуть тем, кто его произвел на свет. Иное дело — «продукция» вуза. Никудышного «специалиста» возвратить на доучивание невозможно. Не заведено такого порядка. А жаль...

Впрочем, и то сказать: если уж не получился специалист, так не получился. Это трудно исправить. Это надо предвидеть.

И все-таки есть вузы, не утратившие за суетой повседневных дел своего рода честолюбия. В этих вузах ревниво следят за «движением» своих бывших питомцев — кто каких успехов добился, да в какой срок. Чертят различные графики: в одном институте или университете кривая служебного или научного успеха выпускников поначалу круто берет вверх, но потом несколько убавляет темп роста. В другом вузе, напротив, кривая, на первых порах пологая, мало-помалу становится все круче и наконец рвется вверх неудержимо.

В Едином центре со временем собираются провести обстоятельное социологическое обследование вышедших из его стен математиков. Узнать, какие они дела свершили, какую принесли пользу. Тогда-то и можно будет по-настоящему оценить, действительно ли высшее это «высшее образование». Но это когда еще будет! Лет через восемь — десять, раньше и помышлять об этом нечего. Но критики торопят: раз эксперимент — скорее подавай результаты. Сравнили успеваемость до и после реформы. Оказалось: успеваемость повысилась. Оценили активность студентов. Выяснилось — возросла. (Правда, тут не обошлось без маленьких хитростей. Как сообщили мне по секрету, при подсчете не учитывались исключенные за плохую учебу и прогулы. Но ведь это тоже плюс новой системы — способность быстро и безболезненно избавляться от бездельников.)

Скептики приумолкли. Еще бы: успеваемость — это не фантазии, не химеры. Это показатель. Однако сами энтузиасты реформы не очень-то ему доверяют. Профессор Сендов (была не была!) решил сделать проверку «для себя», самому пощупать, что получается, — уж больно много вокруг разговоров и сомнений. Собрал вместе первый, только что подоспевший выпуск блока «А» (три с половиной года) и тех, кто, проучившись в университете по старой системе пять лет, уже готовился положить в карман «полловесный» диплом. Раздал им одинаковой трудности вопросы-задачи. И что же? Перевес оказался на стороне «блокистов», или «бройлеров», как они сами себя называют.

***

Сидя с профессором Сендовым в его кабинете, мы говорили о будущем эксперимента, о перспективах его распространения на другие специальности. В отличие от иных энтузиастов какого-либо дела, нередко салонных, что называется, пороть горячку, Сендов считает, что тут не нужно торопиться. Успеху объединения математического факультета с Институтом математики и механики во многом способствовало то, что у них многолетняя традиция сотрудничества. И до объединения значительную часть преподавателей составляли сотрудники института. Не у всех специальностей есть такая традиция. Некоторым факультетам соответствует не один, а несколько НИИ, подчас представляющих различные школы. Тут надо еще подумать, что с чем объединять. И все-таки Сендов уверен, что будущее — за более гибкой, более динамичной, более дифференцированной системой обучения.

СОФИЯ — МОСКВА

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В СТРАНАХ КАПИТАЛА

Несколько тысяч медицинских работников Англии провели в Лондоне демонстрацию, требуя увеличения заработной платы

Молодежь ФРГ требует реформ в области образования. Юноши и девушки выступают за то, чтобы больше детей трудящихся имели возможность учиться. Демонстрации с этими требованиями прошли недавно в Дюссельдорфе, Гейдельберге, Гамбурге, Бремене.

Фото ТАСС

ИЗРАИЛЬ. КРИЗИС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Вот уже второй месяц в Израиле функционирует новое правительство, возглавляемое Ицхаком Рабином. Несколько недель понадобилось верхушке крупнейшей сионистской партии Израиля, именующей себя «Рабочей партией», для того чтобы сколотить неустойчивый блок, который опирается в кнессете на большинство всего лишь в один голос.

Почему же так долго продолжались переговоры И. Рабина с представителями других буржуазных сионистских партий о сформировании коалиционного правительства? Может быть, обсуждался вопрос о необходимости коренным образом изменить антинародную политику агрессии и аннексий в отношении арабских стран, проводившуюся Израилем на всем протяжении его существования? Или велись споры о том, какие меры следует принять, чтобы вывести страну из политического и экономического тупика, в который она заведена усилиями Голды Меир, Пинхаса Сапира, Моше Даяна и иже с ними?

Ничуть не бывало. Закулисная возня, связанная с формированием нового правительства шла своим чередом, превратившись с самого начала, как и следовало ожидать, в циничный торг, где каждая из сторон, зарясь на государственный пирог, пыталась урвать для себя кусок побольше да пожирнее. А в это время в кнессете сионистские «мандарины» (как охарактеризовал израильских лидеров западногерманский журнал «Шпигель») спорили о чем угодно, только не о том, как изменить обанкротившийся курс внешней и внутренней политики. Проводить новые выборы в кнессет или нет, вводить ли более строгое религиозное законодательство относительно того, кто может считаться евреем, включать ли в состав правительства представителей крайне правого фашистующего блока «Ликуд»?..

В те дни в газете израильской компартии «Зу Гадэрэх» был опубликован фельетон под заголовком «Кого следует уволить?». В ходе воображаемого интервью с одним из руководителей «Рафи» (группировка Даяна) автор задает вопрос: какие же асетани выводы надо сделать из последней войны? На это следует ответ:

— Прежде всего необходимо заменить стулья в зале заседаний правительства: они весьма неудобны, а потому всегда мешали и продолжают мешать мыслительным усилиям министров.

— А затем?

— Затем, разумеется, уволить столяра, который сделал эти стулья...»

Именно на таком направлении были сосредоточены главные усилия правящей верхушки страны после событий октября 1973 года: не допустить окончательного разоблачения своей реакционной политики, продолжать оккупацию арабских территорий, под любыми предлогами не признавать законных прав арабского народа Палестины. И наконец (отнюдь не потому, что это самое маловажное), «уволить» кого угодно — столяра, стрелочника, начальника генштаба, начальника военной разведки, в крайнем случае даже самого Даяна, но только, упаси бог, ничего не менять по существу, сохранить власть в руках тех, кто уже много лет неограниченно и безответственно вершит судьбами Израиля.

Кто правит в Израиле?

Государство Израиль существует 26 лет. За это время его население увеличилось почти в 4 раза — главным образом за счет притока иммигрантов, прибывших из 89 стран и говорящих на 56 языках. Но круг лиц, в руках которых сосредоточены бразды правления в политической, экономической и военной областях, за четверть века почти не изменился.

«В Израиле господствует режим, возглавляемый маленькой группой людей, отношения между которыми можно охарактеризовать как хорошо отлаженную систему круговой поруки». Эти слова принадлежат двум буржуазным израильским журналистам Э. Салпетеру и Ц. Элицуру, которые, изучая внутриполитическую жизнь в стране, пришли к выводу о том, что реальной властью в государстве пользуются 150, самое большее — 200 человек. Именно они несут ответственность за принятие важнейших политических и военных решений, независимо от того, находятся ли на высоких официальных постах или пребывают в тени. Эта группа довольно разношерстна по своему составу. Здесь и прожженные сионистские политиканы, руководствующиеся иезуитским принципом «цель оправдывает средства», и военные авантюристы, и дельцы типа «чего изволите», готовые по знаку свыше с рвением доказывать то, во что не верят сами. Но, бесспорно, самое главное действующее лицо среди них — это крупный капитал, предприниматели и банкиры, владеющие миллионными состояниями — рокинати, мошевичи, майеры, мерндоры и прочие. Именно их интересы, а вовсе не трудового народа Израиля так ревностно оберегают «власть имущие».

Правительство И. Рабина мало чем отличается от кабинета, которым руководила Голда Меир. Оно наглядно демонстрирует стремление верхушки «Рабочей партии» продолжать прежний спектакль, лишь сменив декорации. Новый глава правительства ее вполне устраивает. В последние годы, будучи послом в Вашингтоне, он установил широкие связи во влиятельных политических кругах США и в сионистском лобби, действующем в американском конгрессе. Корреспондент «Гаарец» сообщал 22 апреля из Вашингтона: «Рабина здесь считают человеком, с которым стоит сотрудничать». Он не скомпрометировал себя провалами в октябрьской войне и, что особенно важно, открыто выражает готовность прислушиваться к советам предшествующих политических лидеров. Не случайно руководство партии еще 13 мая заявило, что формируемое правительство сохранит верность политическому курсу, проводившемуся Г. Меир. Выступая 3 июня в кнессете с правительственной программой, сам И. Рабин вновь повторил старые тезисы: не может быть и речи о возврате к границам, существовавшим до июня 1967 года; Израиль откажется вести переговоры с представителями «террористов» (как израильские правители именуют палестинских арабов, ведущих борьбу за свое национальное освобождение) и т. п. Газета «Монд» в этой связи отмечала, что программа И. Рабина повторяет основные положения политической линии его предшественницы Г. Меир.

В новом правительстве нет Даяна, этого, по характеристике западной прессы, «коллекционера любовниц и археологических ценностей», который так и не сумел восстановить свою весьма подмоченную репутацию бравого вояки, организовав массовые убийства палестинцев на территории Ливана. Вместо него на пост министра обороны назначен Шимон Перес, на протяжении многих лет «человек № 2» в министерстве обороны, правая рука Даяна, верный ученик наиболее яростного идеолога политики «с позиции силы» — Бен Гуриона.

В новом кабинете нет больше Голды Меир, но зато в нем по-прежнему будет восседать Исраэль Галили — одна из важных фигур в пресловутой «кухне Голды», автор известного «документа Галили», ратовавшего за политику аннексии арабских земель и заселение их израильтянами. Нет в нем и Пинхаса Сапира — одного из творцов «израильского экономического чуда», которое в действительности оказалось не чем иным, как раем для израильских и особенно заокеанских толстосумов и бедствием для трудящихся. Но в его состав введен Егошуа Рабинович, известный своей преданностью П. Сапиру. Пребывая долгие годы в тени, на второстепенных постах, он фактически был одним из вершителей политического курса «Рабочей партии», а следовательно, и израильского правительства. Человек, без негласной санкции которого не производилось ни одного ответственного назначения в партии и в государственном аппарате.

Список можно было бы продолжить в том же духе...

Должник, едва появившись на свет...

Война в октябре прошлого года подобно землетрясению встряхнула всю страну. Провалы военного командования привели к резкому обострению кризиса, который назревал уже давно как естественный результат авантюристической внешней политики. Впервые в истории Израиля широкое недовольство правительством охватило почти все круги населения, в том числе и многих членов «Рабочей партии».

Близкая к правительству газета «Давар» писала: «Страна брошена в пучину политического кризиса... Может показаться, что это внутренний кризис «Рабочей партии», но в действительности он распространяется на все стороны политической жизни Израиля». Газета «Ал Гамишмар», которую никак нельзя упрекнуть в отсутствии симпатий к правящим кругам, вынуждена была заявить: «Итоги войны печальны — израсходованы огромные средства, сила армии поставлена под сомнение, и все это из-за неоценки способностей арабов. Вместо того чтобы после шестидневной войны (то есть после агрессии 1967 г.— И. Г.) добиваться мира, используя полученные козыри, стали мечтать о «вечном Израиле». А буржуазная «Гаарец» с горечью констатировала: «Потеря «линии Барлева», прорванной за первые 3 часа войны (в октябре 1973 г. — И. Г.), олицетворяет провал политической линии правительства».

Этот провал усугубляется тяжелым экономическим положением страны. Катастрофически усиливается инфляция, растут цены на товары первой необходимости. Только в течение первых трех-четырех месяцев этого года стоимость продуктов питания повысилась на 30—70 процентов. Согласно официальной статистике, каждая пятая семья в Израиле живет в бедности или на грани ее. В одном только Иерусалиме имеется по меньшей мере 9 тысяч семей, которые не располагают кроватью, тюфяком или хотя бы одеялом на каждого члена семьи. В Тель-Авиве 80 тысяч человек живут в полуразвалившихся хижинах в кварталах бедноты. Аналогичную картину можно наблюдать в трущобах Хайфы и Бершебы. Причем это все евреи — положение же арабов еще хуже.

Получая огромные средства от империалистических сил Запада, особенно США, на реализацию авантюристических агрессивных планов, правительство Израиля накопило внешний долг, сумма которого выражается гигантской цифрой — примерно 5,6 миллиарда долларов, или около 1700 долларов на душу населения. Это абсолютный «мировой рекорд». «Мы подсчитали, — заявил недавно бывший министр финансов П. Сапир, — что каждый израильский ребенок, едва появившись на свет, уже становится должником. И будущим поколениям придется нести груз нынешних расходов»...

Все это вызывает возмущение трудового народа. Растет забастовочное движение, происходят демонстрации и митинги протеста. «Война против бедности, не против бедных!», «Дайте жить в этой стране!», «Хлеба и мира, война дороговизне!» — подобные лозунги стали особенно популярны в последнее время.

А вот еще одно свидетельство усиливающегося недовольства. Согласно данным очередного опроса общественного мнения, опубликованным на страницах «Гаарец» в конце марта, каждый десятый израильтянин стремится при первой же возможности покинуть страну. Большинство из них — молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет. Естественно, что могут уехать лишь те, кто располагает необходимыми средствами. Сотни тысяч других отчаявшихся вынуждены оставаться.

Новый фактор, характерный для нынешней обстановки в Израиле, состоит в том, что усиливающаяся борьба народных масс, в первую очередь рабочего класса, за улучшение условий жизни все чаще смыкается с борьбой против войны, за справедливый и прочный мир. В авангарде ее идет Коммунистическая партия Израиля.

* * *

В итоге маневров и закулисного сговора правительственный кризис в Израиле удалось кое-как ликвидировать. Правительство, сформированное И. Рабином, вряд ли, конечно, можно считать устойчивым. И не только потому, что его судьба будет зависеть всего лишь от одного голоса в кнессете. Дело в том, что глубокий политический и экономический кризис, порожденный реакционной политикой правящих кругов, продолжается и углубляется.

«Зу Гадэрэх» писала в связи с этим: «Важнейшая и безотлагательная проблема, с которой столкнется любое израильское правительство, — установление справедливого и прочного мира, который гарантирует существование и законные права всех государств и народов нашего района, видючая Израиль и арабский народ Палестины. Он может быть достигнут в результате ухода Израиля со всех захваченных арабских территорий. До тех пор пока правительство не изменит свою политику и не станет искренне стремиться к достижению такого урегулирования, на Ближнем Востоке не будет мира, а в стране — устойчивого правительства... Мир невозможно достигнуть с помощью заплат — необходимо изменение политики».

Время не ждет. Соглашения о разъединении войск с Египтом и Сирией — лишь первые шаги на пути к решению главной задачи: общему политическому урегулированию и восстановлению мира на Ближнем Востоке.

Как сказано в телеграмме Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева президенту Сирии Хафезу Асаду: «Вслед за завершением разъединения сирийских и израильских войск женевская мирная конференция должна, не теряя времени, перейти к рассмотрению и решению всех вопросов урегулирования с целью обеспечения надежной безопасности всех государств и народов этого района».

Национальные интересы Израиля требуют, чтобы его политику определяло правительство, стоящее на реалистических позициях, ибо продолжение нынешнего курса способно лишь навлечь новые беды на страну и привести к дальнейшему ухудшению положения израильских трудящихся.

И. ГЕЛЬМАН

КИТАЙ СЕГОДНЯ

БАНКРОТСТВО ОДНОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ФИРМЫ

Странную картину являет собой ныне театр Китая. В нем нетрудно заметить искусственное, но очень четкое деление на театры привилегированные и театры «прочие». К первым относятся пять коллективов, которые подчинила своей опеке Цзян Цин. Это две балетные труппы (Шанхайская и Пекинская) и три труппы театра пекинской музыкальной драмы (Шанхайская труппа, которой раньше руководил знакомый советским любителям театра замечательный актер Чжоу Синь-фан, и две пекинские). Пять сцен, где «правит бал» сама Цзян Цин, являются опорными базами, цитаделями и одновременно фабриками правоверно маоистского театрального искусства. Спектакли втих коллективов являются эталонами для всех театров Китая и именуются не иначе как «жемчужинами мирового театрального искусства». (При склонности китайцев к иносказаниям и намекам не имеют ли они в виду распространенный в Китае фальшивый жемчуг?)

Перед «культурной революцией» насчитывалось около трех тысяч театральных коллективов. Сейчас все они, кроме официально признанных пяти, вроде бы и не существуют.

Однако именно в этих «второразрядных» театрах сегодня пусть слабо, но все же пульсирует жизнь, предпринимаются какие-то попытки оживить подмостки, дать зрителю что-то более или менее удобоваримое. Доказательством тому служат сборники пьес (в основном одноактных), выпускаемые время от времени в разных городах Китая, новые публикации в провинциальных литературно-художественных периодических изданиях и, наконец, состоявшийся в январе—феврале 1974 года первый в Пекине после «культурной революции» фестиваль искусства, где были показаны работы ряда театральных коллективов из северных провинций и городов Китая.

А в то же время в цитадели Цзян Цин происходят по меньшей мере странные события. За последние два года там не появилось ни одного нового спектакля. Репертуар этих коллективов, куда Цзян Цин отобрала наиболее сильных и «надежных» представителей искусства, остановился на уровне 1971 года.

Чтобы стало понятно дальнейшее, здесь придется напомнить, что в 1971 году к прежним семи «образцовым революционным» спектаклям, одобренным Мао Цзэ-дуном, прибавились два балета — «Дети степей», «Гимн Имэну» и три спектакля театра пекинской музыкальной драмы — «Гимн Лунцзяну», «Бой на равнине» и «Гора Дуцзюаньшань». Китайская печать тогда с большой помпой сообщила, что эти «новые» спектакли были созданы «под личным наблюдением и при участии Цзян Цин».

Более внимательное ознакомление с ними вскрывает, однако, довольно любопытные черты «творческого метода» Цзян Цин. Возьмем для примера «Бой на равнине», рекомендованный вначале как плод коллективного творчества в записи Чжан Юн-мэя. Но опубликованный в прошлом году текст неопровержимо свидетельствует: пьеса представляет собой чуть подправленный вариант сценария кинофильма «Партизаны равнины», написанного Син Е и Юй Шанем. Под новым названием и за другой подписью этот сценарий стал фигурировать как «драгоценное детище Цзян Цин». Любопытно, не правда ли?

Еще пикантнее история с пьесой «Гора Дуцзюаньшань», появившейся в 1971 году и сразу же обратившей на себя внимание. Если «Бой на равнине» похож на лоскутное одеяло из эпизодов и мизансцен из прежних «образцовых спектаклей», то «Гора Дуцзюаньшань» явно выигрывала относительной самостоятельностью сюжета и образов, динамичностью, нешаблонной человечностью характера героя, Лэй Гана, — вожака крестьянского отряда. Печать «линии Мао Цзэ-дуна» на нем, конечно, лежала (сверхзадачей этого дидактического спектакля была пропаганда «идей Мао Цзэ-дуна» о «народной войне»), но на сцене действовали не штампованные оловянные солдатики остальных «образцовых спектаклей», а наделенные какими-то человеческими чертами персонажи.

Можно подумать, на маоистские подмостки стала поступать продукция повышенного качества. Так ли это?

Увы, ознакомление с предысторией «Горы Дуцзюаньшань» наводит совсем на другие мысли.

В конце 1962 года в журнале «Цзюйбэнь» («Драматургия») была опубликована пьеса Ван Шу-юаня «Гора Дуцзюаньшань», предназначавшаяся для театра разговорной драмы. На нее обратил внимание Пэн Чжэнь, бывший тогда мэром Пекина, и рекомендовал переработать ее для постановки в театре пекинской музыкальной драмы. Пэн Чжэнь подключил к работе над текстом и к постановке спектакля известного китайского публициста Дэн То, а также ведущих актеров труппы: Чжао Янь-ся и Цю Шэн-жун во главе с руководителем ее, Ма Лянь-ляном.

Однако в ходе работы над спектаклем (1964 год) возникла неожиданная трудность. В театр внезапно явилась Цзян Цин. Она заявила, что вместо «Дуцзюаньшаня» пойдет ее спектакль «Искры в камышах» (позднее переименованный в «Шацзябан» и ставший с 1967 года одной из «образцовых» пьес). Это вмешательство, подкрепленное энергичной ссылкой на Мао Цзэ-дуна и его «идеи», не могло не сказаться на настроении труппы: ведущие актеры оказались в положении полуопальных. Тогда, чтобы подбодрить коллектив занятых в спектакле «Дуцзюаньшань» актеров, Ма Лянь-лян сам выступил в нем, хотя и во второстепенной роли.

Здесь не случайно упомянуты имена Пэн Чжэня, Дэн То и других, кто заметил, поддержал и поставил спектакль. Дело в том, что все они через два года были зачислены в «черную банду идущих по капиталистическому пути» и пали жертвами «культурной революции». Сам спектакль «Дуцзюаньшань» оказался в списке «ядовитых трав» и был вычеркнут из репертуара. В 1966-1967 годах для его характеристики употреблялись лишь самые бранные слова.

Прошло семь лет. И вот сегодня то же самое произведение выдают за «благоухающий цветок», взлелеянный Цзян Цин. Правда, щекотливость ситуации была столь очевидной, что в 1971—1972 годах — с целью закамуфлировать откровенный плагиат у «врагов» — спектакль решили было переименовать: из «Горы Дуцзюаньшань» он превратился в «Гору Дуцюаньшань». Но в 1973 году махнули рукой и на эту маскировку, и название пьесы было восстановлено.

У истории со спектаклем «Дуцзюаньшань» есть две стороны. Во-первых, она лишний раз подтвердила беспринципность и бесплодие того, что на языке пекинской пропаганды с апломбом именуется «линией председателя Мао в искусстве». Другая сторона этого «дела» говорит об идейном и художественном банкротстве театральной фирмы Цзян Цин.

Впрочем, события последнего времени свидетельствуют, что Цзян Цин не намерена складывать оружие. Используя все средства, она ведет отчаянную борьбу против всяческих — действительных или придуманных — «уклонений» от своей линии в искусстве. Характеризуя нынешнюю ситуацию на этом фронте, газета «Жэньминь жибао» писала недавно: «Потухший пепел снова разгорается».

Удивляться этому не приходится.

Марина ТАРАСОВА

КНИГА О РАБОЧЕМ КЛАССЕ ФРГ

С большим интересом советские люди следят за политической жизнью Федеративной Республики Германии. Это и понятно: ФРГ — одно из крупнейших государств Западной Европы, и события, в нем происходящие, оказывают значительное влияние на положение во всей Европе.

Недавние изменения в руководстве страной были связаны с определенным обострением внутриполитической обстановки в стране и усилением социальных конфликтов. Все это, естественно, привлекает к Западной Германии пристальное внимание со стороны самых широких кругов нашей общественности. В этих условиях особую ценность приобретает монография доктора исторических наук Всеволода Дмитриевича Ежова.

В начале своей книги автор вспоминает, как однажды ему довелось встретиться с одним из видных буржуазных историков ФРГ. Когда советский ученый сказал своему собеседнику, что он занимается исследованием проблем современного западногерманского рабочего движения, тот полушутя спросил: «А что, таковое имеется?»

Вопрос далеко не случаен. Дело в том, что большинство буржуазных исследователей послевоенного развития Западной Германии всячески пытается доказать, будто классовые столкновения, борьба рабочих за свои преобразования происходили лишь в первые годы после разгрома гитлеризма. А затем, по их словам, воцарился-де «классовый мир», ибо было создано общество, полностью удовлетворяющее материальные и духовные потребности всего населения страны, в том числе и рабочих. Рассматриваемый труд убедительно разоблачает несостоятельность подобных утверждений.

На страницах книги ведется глубокое и чрезвычайно интересное исследование весьма богатого событиями послевоенного периода развития одного из ведущих капиталистических государств. Особенно тщательно анализируется положение западногерманского рабочего класса.

Автор книги около пяти лет провел в ФРГ и был очевидцем многих событий, о которых он рассказывает в своей работе. Личные наблюдения дополняются беседами с представителями политических и общественных кругов страны, видными учеными и публицистами.

В. Д. Ежов совершает экскурсы в прошлое немецкого народа, и это позволяет читателю лучше понять современную ситуацию и расстановку политических сил в Федеративной Республике. Сказанное относится, в частности, к освещению роли передового отряда немецкого пролетариата — Коммунистической партии Германии...

В разделе о более поздних годах, когда западногерманские коммунисты объединились под знаменем Германской коммунистической партии, автор книги пишет о нелегкой деятельности КПГ, которая ведет «непримиримую борьбу с распространенным в рабочем классе иллюзий относительно боннского государства монополий, и его возможностей устранить извечный антагонизм между трудом и капиталом».

Приведена огромное количество фактического материала, В. Д. Ежов как бы развертывает перед читателем панораму различных этапов развития западногерманского государства.

В заключительной главе говорится о важных для судеб как самой ФРГ, так и всей Европы изменениях на западногерманской земле после прихода к власти коалиции социал-демократов и свободных демократов. Автор подчеркивает положительное значение нормализации отношений Федеративной Республики с рядом европейских социалистических стран, и в особенности с Советским Союзом. Завершается монографии рассказом о визите в ФРГ Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в мае 1973 года.

Закрывая книгу «Классовые бои на Рейне», можно с уверенностью сказать: этот труд представляет большой интерес и для специалистов, и для широких читательских кругов.

Д. БЕНЕСЛАВСКИЙ

В. Д. Ежов. «Классовые бои на Рейне. Рабочее движение в Западной Германии. 1945—1973». Издательство «Мысль». М. 1973.

ПРИМЕТЫ БЕЗУМНОГО МИРА

— Ну посмотри, как трогательно! Они опять играют в телевидение

(«Вельт ам зоннтаг»)

Хозяин магазина: — Бедная женщина, она прочитала лишь первую часть сообщения, а дальше говорится, что основное увеличение цен впереди!

(«Тайм»)

Без слов

(«Вельт ам зоннтаг»)

У ПОЛКИ С ПЕРЕВОДАМИ

О ЧЕЛОВЕКЕ НА СВОЕМ МЕСТЕ

ХОРОШЕМУ человеку предложили стать министром, а он не хочет. Это не каприз, не чудачество; он просто очень любит свою работу, отлично с ней справляется, а от него требуют, чтобы он шел в министры. На правда ли, любопытная ситуация? Мне бы его заботы, скажет иной читатель, которому подобная «опасность» не угрожает. Ну, а если понизить должность? Скажем, до директора или начальника, до заведующего, наконец. Разве тогда проблема исчезнет? Герман Кант считает, что нет. И решают ее люди, а общем-то, обычные, никакой особой печатью не отмеченные. Таков, например, Давид Грот, редактор иллюстрированного еженедельника. Это перед ним, героем романа «Выходные данные», открылась такая почетная перспектива, но портфель министра представляется ему ношей тяжкой и чересчур ответственной. Другое дело портфель редакционный, тут Грот мастак, все ему знакомо, привычно, проверено практикой. Да и хватит ли сил и способностей, чтобы оправдать доверие, «обрушившееся» на него? Нет, в министры он не пойдет. Но разве это решение вопроса? Ведь предложение не с неба упало. Оно выдвинуто уважаемыми людьми, которые знают его биографию, его возможности. Они верят ему; они взвесили все «за» и «против». Все ли?

Герман Кант показывает один рабочий день своего героя. И вместе с тем писатель раскрывает перед нами тот многотрудный жизненный путь, который мысленно пробегает еще и еще раз Давид Грот, стремясь утвердиться в правильности своего решения. Таким образом, действие развивается в двух временных плоскостях, и прошедшее тесно переплетается с настоящим.

Давид Грот, как и многие его сограждане, родился в гинденбургской Германии, рос в фашистском рейха, живет и трудится в Германской Демократической Республике. Сорок лет его жизни охватывают три формы правления, и его биография, полная примечательных, неожиданных событий, позволяет наглядно уяснить себе содержание каждой из этих форм. Скажем сразу: несмотря на трудное детство, герою романа в общем повезло — и в работе, и в личных делах, но его «путь наверх», к «трону» главного редактора «Нойе берлинер рундшау» не кажется в наши дни чудом и связан на с мистикой, а с природой социалистического общества. Вот, собственно говоря, весь несложный сюжет романа «Выходные данные», который опубликован в журнале «Иностранная литература» в переводе И. Каринцевой.

Рассказанная история составляет сюжет новой книги Г. Канта, но, разумеется, не исчерпывает его проблематики. Читатели найдут в «Выходных данных» многое из того, что полюбилось им в романе «Актовый зал»,— теплый, доверительный тон, тонкий юмор, пластичность и глубокую жизненность образов, вкус к сочным деталям.

Вместе с тем новый роман написан в совсем ином ключе и значительно отличается от «Актового зала» по своей структуре. Он распадается на множество эпизодов (некоторые из них приобретают характер вставных новелл), тесно связанных с главным персонажем, который неизменно находится в фокусе повествования. Фабула излагается с пропусками в манере брехтоаской прозы, с характерным для нее отсутствием тесной взаимосвязи отдельных частей и типичным столкновением поворотов-противопоставлений, позволяющим взглянуть далеко за изображаемые события и уловить закономерности процесса развития. Некоторые эпизоды написаны в духе современного плутовского романа и заставляют вспомнить манновского Феликсе Круля; иные кажутся очень честными и маловероятными, но все же не настолько, чтобы можно было с уверенностью воскликнуть: «Стоп! Так не бывает». Автор заставляет читателя задуматься не только над необходимым и закономерным, но и над случайным, которое не так уж редко встречается в жизни и которое, как утверждают философы, является формой проявления необходимости. На фоне планомерно движущегося, рассчитанного по часам рабочего дня редакторе одна за другой вспыхивают колоритные картины «дня вчерашнего», словно выхваченные лучом из глубины прошлого. Некоторые критики упрекали автора «Выходных данных» в неупорядоченности и даже хаотичности подачи эпизодов. На мой взгляд, упрек несправедлив: эпизоды у Канта беспорядочны, как мысли, как вспышки памяти его героя, загруженного текущими делами. Каждое из этих воспоминаний «поворачивает» к читателю персонажей романа какой-то новой стороной.

При всей своей симпатии к детали, при всей насыщенности и перенасыщенности «Выходных данных» всевозможными честными подробностями, Герман Кант не теряет из виду главного и четко ориентирует не него читателя. И хотя автор отлично знает и умело передает атмосферу работы редакции, знакомит нас с особенностями издательской «кухни», «Выходные данные» никак не причислишь к «производственным романам». Сложный и, несмотря не внешнюю хаотичность, слаженно действующий издательский аппарат рассматривается автором как «точный слепок» жизни всей трудовой республики, всей ГДР. Отсюда пафос гражданственности, сознание личной ответственности, которые ярче всего проявляются у Давида Грота, члена партии с двадцатилетним стажем. Он не стыдится, что «проливал за наше дело не кровь, а всего-навсего пот, что отливал из металла не пули, а буквы, что изготовлял из бумаги не листовки, а газеты, что сражался в классовом бою не в те годы, а в эти». ...И вот, побушевав и погорячившись, он поступит так, как потребует от него партия, даже если его личные намерения были первоначально другими.

«Выходные данные» — партийная книга партийного писателя, не считающего нужным скрывать ни свое мировоззрение, ни пристрастность той полемики, которую он ведет и с «днем вчерашним», и с «днем нынешним». Он ведет ее во имя будущего своей страны, во имя будущего социалистической немецкой литературы, в которой Герман Кант сумел найти свое заметное достойное место.

В. ДЕВЕКИН

Герман Кант (ГДР). «Выходные данные». Журнал «Иностранная литература», №№ 3—5, 1974.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ БРАТСКИХ СТРАН

НА ЯЗЫКЕ БОТЕВА И ЯВОРОВА

В просторной комнате, обращенной к морю, лежали на письменном столе отпечатанный на стеклографе объемистый сборник болгарских поэтов и блокнот с самопишущей ручкой. Предупредительно! Таких сборников и таких блокнотов было 46, столько же было и делегатов — представителей 20 стран мира.

Неужели я смогу исписать за 10 дней этот огромного формата блокнот? И вот после двухнедельного Международного симпозиума переводчиков в Варне и Софии я увожу с собой в Москву не только этот вдоль и поперек исписанный блокнот, но и много новых книг болгарских поэтов, свежие номера журналов «Пламък», «Септември», «Съвременник», наброски новых своих переводов.

Увожу с собой тепло болгарской земли, дружелюбие болгарских друзей, так умно и умело подготовивших и проведших эту важную встречу. Симпозиум показал, что болгарское художественное слово широко и уверенно идет от народа к народу по всей планете. Это и есть реальный результат победы социалистической Болгарии в сентябрьском восстании 1944 года, тридцатилетию которого и была посвящена международная встреча переводчиков. Эта праздничность чувствовалась во всей работе симпозиума: в сообщениях болгарских писателей, ученых, журналистов, в дружеских беседах, в самом настроении делегатов.

Союз болгарских писателей, его председатель академик Пантелей Зарев, деятельные помощники его — секретари Союза писателей — Слав Христов Караславов и Георгий Струмский приблизили всех нас к решению задач не только сугубо профессиональных, переводческих, но и общекультурных. Наши встречи показали, что мы, переводчики, должны осознать себя связными культур. Это налагает на переводчиков особую ответственность.

Болгарская речь объединила на этом симпозиуме венгра с англичанином, турчанку с француженкой, шведа с немцем, румына со словаком. Русские, украинские, алтайские, узбекские переводчики, представлявшие Советский Союз, показали, сколь любимо и почитаемо у нас болгарское художественное слово. На языке Ботева и Вазова, Яворова и Вапцарова задавались вопросы, давались ответы, проходили беседы, возникали споры.

Радостью для всех участников симпозиума стала весть о недавнем создании Союза переводчиков Болгарии, возглавляемого Ангелом Тодоровым.

Какое лицо можно считать красивым? Существует множество ответов, и несть им числа. Лев Толстой говорит, что красиво то лицо, на котором красива улыбка. Болгария нам улыбалась. И почудилось, что Болгария — это красивая улыбка на лице всей Европы.

Болгары — мастера создавать хорошее настроение. Не только у себя дома, в своей семье. Болгария окружает гостя вниманием, розами, песнями. Гость не заскучает в болгарском доме. Гостю быстро передастся настроение хозяев. Это хорошее творческое настроение, переданное нам в Варне и Софии, хочется надолго продлить и сохранить в работе над новыми переводами с болгарского.

Лев ОЗЕРОВ

ПРОЯВЛЕНИЯ кризиса, переживаемого сегодня буржуазной культурой, в Следовательно, и литературой, многообразны. Поток массовой беллетристики, рассчитанный на обывателя, и литература эксперимента, создаваемая для узкого круга «интеллектуальной элиты», при всей их нынешней полярности в равной мере отражает этот кризис.

Но бывает, что кризисные симптомы далеко не столь очевидны. Серьезный и признанный писатель продолжает плодотворно работать. В его новом произведении, с формальной точки зрения безупречном, присутствует и злободневная тематика, однако жгучие проблемы современности не подвергаются в романа художественному анализу, а лишь обозначаются. Духовная апатия, стремление избегать постановки и решения больных вопросов современного капиталистического общества оказываются характерной чертой литературного процесса во многих развитых западных странах.

В качестве типичного примера можно рассмотреть три романа, вышедших в минувшем году в Англии и принадлежащих перу писателей, известных в прошлом произведениями значительными и интересными.

МЮРИЭЛ СПАРК по праву пользуется репутацией тонкого и злого сатирика, умело владеющего точным и язвительным словом. Ее последняя книга «Теплица на Ист-ривер» насыщена живым и изящным диалогом, точнее—не диалогом, а обменом реплнкамн, поскольку действующие лица, как в абсурдной пьесе, разговаривают, почти не обращая внимания на ответы собеседника.

Действие в романа Спарк происходит в наши дни, хотя немалое место занимают и воспоминания о годах второй мировой войны, когда супруги Эльза и Поль сотрудничали а британской разведке.

В книга много характерных примат времени — конфлинт поколений, увлечение психоанализом, авангардистский театр, ставящий детскую пьесу «Питер Пан», роли в которой исполняют одни старики, хиппи, и даже забастовка полицейских.

Однако аса эти факты современной действительности на становятся идейным и эмоциональным центром произведения. Его содержание составляет выяснение взаимоотношений Эльзы и Поля с немецким военнопленным по имени Гельмут Киль, некоторое время сотрудничавшим с англичанами в годы войны. В одном из обувных магазинов Нью-Йорка работает продавец, удивительно на него похожий, и это вызывает поток воспоминаний у героев. Мельком сообщается о том, что Киль как будто был засасовцем и немецким агентом, но самым существенным в процессе установления истины оказывается, что и Эльза, и Поль в те давние годы находились с ним в интимной близости.

Итак — еще одна и не очень оригинальная вариация на тему распада буржуазной семьи и общего падения нравов. Писательница, чувствуя вторичность материала и банальность художественных решений, хочет спасти книгу неожиданностью сюжетного хода. За несколько страниц до финала выясняется, что все герои погибли во время фашистской бомбежки еще весной 1944 года. «Теплица на Ист-ривер» — роман о призраках, кружащих по сегодняшнему Нью-Йорку в поисках своего прошлого. Герои Спарк и в самом деле «полые люди», люди-призраки в буквальном и переносном смысле слова.

Вряд ли можно считать книгу Спарк сатирой. В ней отсутствует четкая авторская позиция, необходимо присущая сатире. Сатирическое обличение подменяется розыгрышем читателя: призраки — по-своему милые, обаятельные и безобидные обыватели. Занимаясь своими частными делами, они никому не мешают и не приносят вреда. Так произведение, имевшее все основания стать фактом серьезной литературы, превращается в мистификацию.

МЕСТО действия романа солидного английского прозаика Уильяма Купера «Любовь на берегу» — Калифорния, время действия — наши дни.

В «Любви на берегу» еще больше конкретных примет сегодняшней Америки, нежели в книге Спарк: вьетнамская война и расовые проблемы, наркотики и магазины, торгующие порнографией, длинноволосые молодые люди, ведущие нескончаемые разговоры о революции, которым так и суждено остаться разговорами, и многое другое.

Чуткий слух опытного прозаика уловил живую современную интонацию: большинство героев — молодежь. Атмосфера, ритм, словечки — все как будто на месте, но с самых первых страниц возникает ощущение заимствования коллизий и сюжетных ходов, причем не из современных книг о молодежи, а из романов, вышедших... по крайней мере лет сто назад. Сюжетным стержнем книги служит так и не осуществившаяся мечта молодого актера Марка жениться на официантке Саше.

Конечно, по сравнению с классическими викторианскими романами произведение Купера претерпело известную модификацию — Марка и Сашу объединяет не чисто платоническое обожание: в целях экономии они живут под одной крышей и ведут, как говорится, совместное хозяйство. Однако все попытки Марка оформить их отношения юридически отвергаются его возлюбленной. Писатель откровенно на стороне Саши, которая, по его мнению, как и положено современной молодой женщине, отстаивает свою свободу. В решительном отказе Саши заботиться о своем будущем на первый взгляд можно увидеть вызов нормам буржуазной морали. Однако аса обстоит совершенно иначе. «Современность» поступков не может скрыть насквозь традиционное буржуазное мышление героев. Враг для них — добропорядочное, размеренное буржуазное бытие: помехой их браку служит отсутствие умопомрачительной суммы денег.

Главной в романе — что видно из заглавия — оказывается лирическая линия. Все остальное — необходимый фон. Любовь, изображенная Купером, напрочь лишена какого бы то ни было духовного содержания. Отношение к герою у автора, без сомнения, положительное. Но как примитивен, мелок и ограничен этот положительный герой! В сущности, его позиция — плохо скрытое безразличие ко всему, что происходит вокруг.

Что же остается за современно звучащими речами героев о протесте и о неприятии устоев буржуазного общества? Ощущение игры в протест, воспринимаемой автором «на серьезе». Знание Купером современной молодежи и проблем ее движения зыбко и приблизительно. Роман Купера проходит по касательной по отношению к действительно глубоким и сложным конфликтам, существующим в молодежном движении последних лет на Западе. Его герои, молодые буржуа, успешно усвоили модные клише и не без удовольствия жонглируют ими. Многие из них считают, что политическая деятельность в США сегодня бессмысленна и центр революционной борьбы следует перенести в театральное искусство. А Марк в свою очередь размышляет о «революционном искусстве, которое никогда не делает революции». Так, постепенно, снимается вопрос о каком бы то ни было изменении существующего порядка. Отец Марка, видный журналист, говорит молодым друзьям сына, что «желает им добиться перемен», но тут же начинает доказывать невозможность этого, убеждая всех в прочности и стабильности американского общества.

Не удивительно, что главным выводом книги, сформулированным одним из героев и подхваченным Марком, оказывается девиз «плыви по течению». Пусть молодежь немного побунтует, думает и сам автор, она быстро перебесится, а декларации, даже резкие и громкие, не опасны. Писатель стремится представить молодежное движение болтовней демагогов, становясь, таким образом, на позиции конформизма.

НЕ ПРОИЗОШЛО никакого художественного открытия и в очередном романе одного из маститых британских прозаиков Энгуса Уилсона, хотя герой «Как по волшебству» Хэкэо Лэнгмьюр — человек незаурядный. Он — селекционер-генетик с мировой репутацией, создатель необычайно продуктивного сорта риса. Главным двигателем сюжета является рассказ о его путешествии по странам Азии, которое он совершил, чтобы воочию увидеть плоды своего труда. Однако в том, как писатель выстраивает повествование, нельзя не заметить своего рода вызов. Лэнгмьюр практически выключен самим ходом сюжета из какой бы то ни было творческой активности— ему отведена роль пассивного наблюдателя. В центре повествования — его частная жизнь.

История сложной и изломанной, яркой и во многом трагической судьбы вытесняется описаниями похождений гомосексуалиста.

Энгус Уилсон — крупный мастер прозы. Большой силой выразительности обладают и некоторые страницы его нового романа. Писатель в совершенстве владеет богатейшим арсеналом повествовательной техники. Описание, диалог, внутренний монолог, «поток сознания» — казалось бы, все играет на то, чтобы передать богатство и многообразие сегодняшней жизни. Чего только нет в романе Уилсона! Наркомания, сексуальная революция, колонии хиппи, интерес к оккультным наукам и загадочным восточным религиям... Но, как и в двух предыдущих романах, все носит чисто декоративный характер.

Очевидные примеры поразительной социальной и политической близорукости писателя дают эпизоды, посвященные пребыванию Хэмо в странах Азии. Конечно, Уилсон не реакционер, призывающий к реставрации Британской империи, тем не менее в этих «азиатских» главах нет-нет, да и возникнет интонация: а при британском правлении-то было лучше.

Подобный политический анахронизм представляет собой составную часть веками формировавшегося особого мировосприятия, которое может быть условно определено как своего рода комплекс «быть британцем» и основу которого составляет абсолютная убежденность в незыблемости британского приоритета в любой сфере человеческой деятельности. Поэтому и сегодня чувство ностальгии по безвозвратно ушедшему «доброму старому времени» обуревает многих. Не избежал его и Э. Уилсон, хотя в большинстве своих книг он резко критикует те или иные стороны современной английской действительности. Позиция «раньше было лучше» чревата признанием наступающего заката цивилизации. А раз прогресс невозможен, то зло, открытое писателем в жизни, утрачивает характер социальный и становится феноменом метафизическим, превращается в рок—необъяснимый, а главное, непобедимый.

В подобную, достаточно типичную для западной прозы XX века схему легко укладывается идейный конфликт романа «Как по волшебству». Лэнгмьюр переживает глубокое разочарование в своей деятельности ученого: выведенный им сорт риса оказывается выгодным лишь крупным производителям. А большинству населения он приносит безработицу и разорение.

Позиция ученого, по Уилсону, — оставаться в стороне. Лэнгмьюр размышляет о научных программах, рассчитанных на долгие годы, которые, по его мнению, все обездоленные должны провести в терпеливом ожидании дня, когда им наконец позволят есть досыта. «Это единственный путь» — выделяет курсивом писатель. Иными словами, и в романа «Как по волшебству» (быть может, с большей долей драматизма, чем у Купера) происходит примирение с существующей действительностью, отказ от борьбы.

ЧТО ЖЕ позволяет объединить эти три таких разных и по темам, и по художественному воплощению романа? В них заметно стремление авторов идти в ногу с временем, насыщать книги приметами дня, но это происходит в ущерб глубине понимания действительных процессов, происходящих в обществе. Модные мотивы остаются декорацией, упаковкой, в которую прячутся давно проторенные решения знакомых тем.

Примерно об этом говорил недавно видный британский прозаик Чарльз Сноу, отмечая «замкнутость» английской литературы и то, что «ее внимание сосредоточивается на мелких, незначительных фактах социального или психологического характера» (см. «ЛГ», № 23, 1974).

Еще одна закономерность, присущая не только английскому, но и западному роману последних лет в целом, — герои вычленены из среды трудовой деятельности. Так, герои Спарк — бездельники рантье. Трудовая деятельность вовсе не является основной для персонажей Купера — практически все они имеют какие-то другие источники доходов. Полностью выключен на страницах романа из науки и герой Уилсона. Таким образом, общим оказывается не только узость затрагиваемых проблем, но и узость показа выводимых героев, тогда как характер человека полнее всего проявляется в процессе труда.

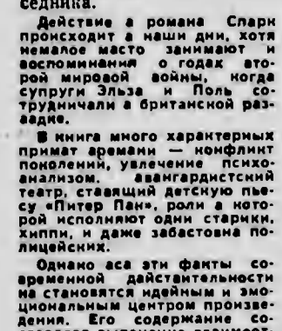
Дело не только в том, как писатель подает конкретный материал. Столь же важно и то, откуда он черпает вдохновение, какими мыслями и чувствами наделяет он своих героев, какие социальные и нравственные горизонты открывает перед читателями.

Высшие достижения человеческого гения всегда вдохновлялись верой в человека, его творческие, созидательные силы, в социальный и нравственный прогресс. Так не хватает этого высокого вдохновения трем романам мастеров современной британской прозы! А мастерство без вдохновения мертво...

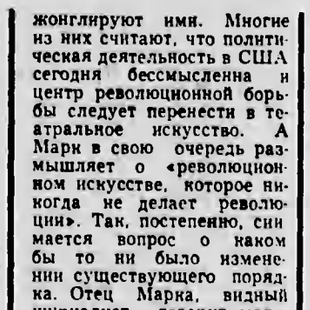
Георгий АНДЖАПАРИДЗЕ

ЧТО МАСТЕРСТВО БЕЗ ВДОХНОВЕНЬЯ...

ТРИ НОВИНКИ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



— Я наказал Джонни — запер его в библиотеке...



— Про наркоманов написал, про садистов написал, про энергетический кризис написал. Что бы еще атакое «осветить»?

— Ты, старина, бери пример с меня: продал пьесу Ви-би-си несколько лет тому назад, а денежки тянут до сих пор.
— Может, тему подбросишь, а то я никак не нащупаю, что сейчас в моду вошло.

Английский журнал «Панч»

ХАЙЮДЗА ГЭКИДЗЁ— ТЕАТР АКТЕРОВ

ПИСЬМО ИЗ ЯПОНИИ

СЕГОДНЯШНЯЯ театральная мозаика японской столицы весьма многоцветна. Здесь сейчас насчитывается около 60 разнообразных театральных коллективов. Неповторимый древний национальный театр Но, зародившийся в XVI веке, хорошо известный не только в Японии, но и за рубежом, театр Кабуки, в котором мужские и женские роли исполняют мужчины, всевозможные группы, в том числе «подводный театр», где актеры играют в огромном «аквариуме», наполненном водой. Одна из стен «аквариума» обращена к зрителям, которым хорошо видно, как выныривающие из-за кулис на «сцену» шевелят губами, произнося молниеносные монологи и диалоги, пока хватает запаса воздуха в легких. Затем они выныривают за кулисы, чтобы наполнить легкие очередной порцией воздуха. Такой «спектакль» продолжается довольно долго, «до посинения» актеров.

Однако разговор пойдет не об этом «шоу». Хочется рассказать об одном из ярких представителей современного демократического театрального искусства — о коллективе «Хайюдза гэкидзё», что в переводе обозначает «театр актеров».

«Хайюдза гэкидзё» расположен в небольшом, неприметном на вид здании, притулившемся на углу одного из оживленных токийских кварталов Роппонги. Его зрительный зал вмещает всего 360 человек. Есть в помещении еще несколько небольших комнат, где актеры проводят репетиции. В одной из таких комнаток я, придя в театр, и застал ветерана труппы, одного из ее основателей, режиссера и актера Корэя Сэнду. Он проводил здесь репетицию и любезно пригласил меня познакомиться с труппой «Хайюдза». Актеры репетировали пьесу «Годовщина свадьбы» в присутствии ее автора, молодой талантливой писательницы Таэко Томнока.

После репетиции, попрощавшись с актерами и автором «Годовщины свадьбы», мы остаемся в комнате вдвоем с К. Сэндой, и он рассказывает о своем театре.

— Прежде всего важно отметить, — говорит он,— что наша труппа унаследовала и продолжает традиции первого прогрессивного японского театра «Цукидзи сёгэкидзё», основанного в 1924 году известными японскими драматическими деятелями Ёсио Хидзиката, Каору Осанаи и другими.

«На дне» — один из первых спектаклей, который увидели токийские зрители на подмостках «Цукидзи сёгэкидзё» почти полвека назад. Этот театр считался тогда «мекной» всех японских прогрессивных деятелей драматического искусства. Его основатели Е. Хидзината и К. Осанаи были хорошо знакомы с современным западным театром, а также с работами советских театральных коллективов во главе с Вахтанговым, Мейерхольдом, Таировым.

К. Осанаи впервые в Японии поставил «На дне» а своем «Дзию гэкидзё» («Свободном театре») в 1910 году. Тогда этот спектакль произвел настоящую сенсацию.

На сцена «Цукидзи сёгэкидзё» шли также «Вишневый сад», «Три сестры», «Дядя Ваня» А. Чехова, «Месяц в деревне» И. Тургенева и другие пьесы русских, европейских и японских писателей. Актеры театра в своей работе широко применяли метод Станиславского. Из труппы вышли многие ныне известные прогрессивные деятели японского драматического искусства, в том числе и сам Корэя Сэнда. На сцене «Цукидзи сёгэкидзё» он, в частности, исполнял роли Пепла и Сатина в спектакле «На дне».

— Мы, ветераны, участвовавшие тогда в этом спектакле, — говорит К. Сэнда, — вместе со всеми прогрессивными деятелями культуры Японии отметили в июне полувековой юбилей «Цукидзи сёгэкидзё», сыгравшего важную роль в развитии японского демократического театрального искусства.

Актеры и режиссеры этого театра в годы разгула военщины и реакции часто подвергались репрессиям. Оказался в тюрьме и К. Сэнда. Но, несмотря на это, они продолжали свою деятельность.

— В тяжелом 1944 военном году, — вспоминает К. Сэнда, — я послал из тюрьмы письмо своей жене, актрисе Тамуре, в котором просил ее собрать труппу и продолжать заниматься подготовкой спектаклей. Для того чтобы организовать театр сразу же после окончания войны, как только представится такая возможность, писал я, нужно начать подготовку уже сейчас. Вскоре мне удалось освободиться из заключения. Мы собрались с друзьями, с огромным наслаждением читали «Вишневый сад» и мечтали о том дне, когда сможем снова выйти на сцену. Вскоре мечта наша осуществилась. В том же 1944 году была создана труппа «Хайюдза», в которой тогда насчитывалось всего десять человек. С окончанием войны этот коллектив начал быстро увеличиваться, росла и популярность театра. На его сцене с огромным успехом были поставлены произведения русской классики, пьесы европейских и японских драматургов. Особый успех выпал на долю спектакля «Двенадцать месяцев» С. Маршака.

Из работ последних лет следует отметить спектакли «Гамлет», «Фауст», «Мамаша Кураж и ее дети» Брехта, «Анна Каренина», «Родной язык» Тикао Танка.

— Наша труппа, насчитывающая 130 человек, — отметил К. Сэнда, — принадлежит к десятку счастливчиков, то есть тех столичных театральных коллективов, которые имеют свои помещения. Однако, несмотря на это, нашим актерам не удается сводить концы с концами только за счет работы в театре. Получаемые актерами деньги в театре составляют лишь треть той суммы, которая требуется на жизнь. Поэтому им приходится прирабатывать на стороне — сниматься в кино, участвовать в теле- и радиопередачах. Одним словом, нашим актерам приходится работать с утра до ночи.

Слушая эти грустные слова К. Сэнды, я вспомнил, что писала недавно японская пресса об известном театре Кабуки. Труппа театра, которую финансирует компания «Сётику», наживающая себе капитал на кино- и театральном искусстве, указывали газеты, часто сталкивается с материальными трудностями. Боссы «Сётику» взвинчивают цены на билеты, но большинству актеров платят такую низкую заработную плату, которой едва хватает на жизнь. По этой причине три актера, исполняющие женские роли, заявили недавно об уходе из Кабуки, поскольку на 60 тысяч иен, которые им в месяц платит «Сётику», нельзя свести концы с концами. «Мы очень любим Кабуки и хотели бы работать в нем всю жизнь, — сказали они, — но жить на такую зарплату совершенно невозможно». Комментируя это заявление, местная пресса отмечала, что подобное бедственное положение не только в Кабуки. В Японии деятелям искусства часто приходится тяжелым физическим трудом зарабатывать на жизнь. Так, например, газета «Акахата» рассказала о том, как балерина К. Кобаяси была вынуждена ночами работать чернорабочей на ремонте метро.

— Несмотря на финансовые трудности, — продолжает К. Сэнда, — наша труппа полна творческих замыслов. Мы готовимся в этом году отметить еще один юбилей — 70-ю годовщину со дня смерти выдающегося писателя и драматурга А. Чехова. В юбилейные дни на сцене своего театра мы покажем «Чайку». Надеемся, что зрительный зал всегда будет полон, поскольку японские зрители испытывают огромный интерес к русскому и советскому драматическому искусству.

Михаил ДЕМЧЕНКО,
корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»

ТОКИО, июнь

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

Варлен СТРОНГИН

ЗАЦЕПКА

РЕШИЛИ мы, общественники, при нашем парке культуры и отдыха создать зверинец. Дело полезное. Особенно для детей. Только средств не хватало. Разрешение требовалось. Но это нас не остановило. Пригласили мы к себе на собрание все начальство. Собрали представителей со всей округи. Выяснилось, что наш город буквально задыхается без зверинца. И спасибо нам, общественникам, за хорошую идею. Всем она сразу понравилась. Но тут кто-то предложил определить состав зверей. Все мяться стали. Затылки чесать. В потолок смотреть. Никто первым говорить не хочет.

Делать нечего. Встаю я с места и предлагаю ввести в состав зверинца кроликов и зайцев, поскольку они отражают природу и фауну нашей области. Все молчат. Вроде согласны. Но вдруг поднимается представительница НИИ и снимает очки.

— Я лично против этих зверей ничего не имею, — говорит она. — И кролики, и зайцы уже много лет верой и правдой служат науке. Но не примитивно ли они будут выглядеть в наш век технического прогресса?!

— Примитивно, — поддерживает ее представитель завода электронного оборудования. — Не знаю, как с точки зрения природы и фауны, но в общественном аспекте лицо нашей области — это электронно-вычислительные машины, которые, кстати, экспортируются в тридцать семь стран мира!

— Может, тогда ввести лисиц?

— Лисиц нельзя, мои друзья! — певуче говорит наш местный детский поэт. — Ни лисиц, ни бобров, ни баранов, ни ослов! А почему? А потому, что они являются отрицательными героями в баснях и других публикациях и могут вызвать у детей ненужные ассоциации!

— Тогда предлагаю слона! — говорит директор парка.— Как положительного персонажа!

— Слона?! Может, еще бегемота пожелаете или крокодила?! — язвит представитель банка. — Они ни в одну смету не уложатся!

— Не учел, — говорит директор, — слона снимаю. Я за экономию и рентабельность. Но тогда приобретите хотя бы верблюда!

— Я протестую! — вмешивается завуч соседней школы. — Верблюд плюется!

Помрачнели мы с директором. Чувствуем, что хорошее дело на корню гибнет. И другие наши товарищи молчат. Боятся впросак попасть. Но тут встает наша уборщица тетя Дуся и поправляет косынку. Значит, выступать будет. Смелая женщина. В трех местах работает.

— Чего же это такое получается? — говорит тетя Дуся. — Выходит, мы и наши дети опять без зверей остаемся. А мой младшенький внучек Петенька кенгуру интересуется. Я тоже. После передачи по телевизору живьем его повидать захотелось. И нечего удивляться. Потребности растут. Вот и поехали мы с Петенькой в Среднегорск. В зоопарк. Двадцать шесть рублей и сорок четыре копейки проездили. Не считая пропитания. Пришли в зоопарк. А там кенгуру нету! Нету! Хоть тресни!

— А мы давайте заведем! — решительно предложил кто-то.

— Браво! — оживилась НИИ. — Кенгуру — очень своеобразное экзотическое животное.

— Знаю. Из Австралии, — сказал представитель завода. — Можно произвести взаимовыгодный обмен: мы им — электронику, а они нам — кенгуру.

— Я—и телом, и душой. С кем? Отвечу: с кенгурой! — пропел с места детский поэт.

— Кенгуру — оно другое дело, — подсчитал банк. — В смету укладывается.

— И, насколько мне известно, это доброе животное, не плюется! — сказал завуч. — Не брыкается! И не грубит! В специальной сумке держит детей. Не оставляет их без присмотра. И для некоторых родителей может служить хорошим примером!

— Вопрос ясен. Ставлю его на голосование, — сказало начальство. — Кто за кенгуру? Принято единогласно!

Тетя Дуся захлопала в ладоши, а директор парка пожал мне руку.

— Поздравляю! С победой!

— С чем? — удивился я. — С одним кенгуру?!

— Какое это имеет значение? — сказал директор. — Главное, хоть за кенгуру эту зацепиться! А потом мы и слона протащим! И даже крокодила!

Армен САРКИСОВ

ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

ПОЛУЯНОВ тоскливым взглядом окинул очередь в столовой, которая из-за недостатка места свернулась в клубок.

«Не выстою, — решил он. — Надо действовать!»

Он собрался, как спортсмен перед стартом, и ринулся к стойке.

— Один витаминизированный салат из капусты! — выпалил он раздатчице.

— Не пускайте без очереди! — завопила голодным голосом очередь. — Никого не пускайте! Что мы, не люди?

«Ничего! Все в порядке!» — поддерживая тонус, приказал себе Полуянов и кинулся к заведующему.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я от Сергея Сергеевича.

Заведующий хмуро посмотрел на него и, дожевывая настоящее филе, ответил:

— Не знаю никакого Сергея Сергеевича. Закройте дверь.

«Сволочь!» — мелькнуло в голове Полуянова без всякого выражения, потому что он уже мчался к небритому мужчине в мятой рубашке, который стоял в начале очереди.

— Слушай, друг, — горячо зашептал ему на ухо Полуянов. — Будь другом, возьми полпорции борща. Вечером в шесть встречаемся здесь у входа. У меня трояк. Закусь твоя.

Небритый мужчина вянл.

«Нехорошо обманывать», — подумал Полуянов, не испытав угрызения совести, потому что уже подходил к красивой девушке. Он вытащил из кармана флакончик духов «Счастье было так возможно» и масляно улыбнулся:

— Вся Москва ищет. Творожную запеканку, пожалуйста!

«Где бы нам добыть компот?» — спросил себя Полуянов, не успевая осмыслить вопрос, потому что уже остановил уборщицу.

— Знаете, — серьезно сказал он. — Ваш сын начинает исправляться. Я ему сегодня поставил по физике четверку. Принесите мне один компот из яблок. Без яблок.

Он живо расплатился за обед, втиснулся за столик и мигом все проглотил, не расслабляясь, потому что времени оставалось пять минут.

«Успею», — решил Полуянов, на ходу раскуривая сигарету.

— Послушайте, Полуянов, — обратился к нему начальник отдела. — Обеденный перерыв уже кончился. Почему вы опаздываете?

— Извините, — сказал Полуянов, — в нашей столовой невкусно готовят, я в ресторан ходил.

ФРАЗЫ

● *Чувство меры тоже должно иметь границы.*

В. БОРИСОВ

● *Деньги уходят, возвращается лишь сдача.*

В. ЛОМАНЫЙ

● *Напрягите память, и вам обязательно захочется что-нибудь забыть.*

Г. КОСТОВЕЦКИЙ и О. ПОПОВ

ПОДРАЖАНИЯ

Владимир ВОЛИН

Ивану ЛЫСЦОВУ

Соль в глаза

— Ох, исполохал ты меня.
Еще минутинка б —
другая
И свет изник бы изо дня.

Располстились
огневой сполохи
Из-под тучи
с блескучей сумой.
Загорался сыр-бор
от рассохи...

И на звездочках
на скула.
На рассвете не спала.

Мне же выэлыдия —
солью в глаза.

(Иван ЛЫСЦОВ, из книги «Стезя»)

Над забавами поэта
С солью глаз
я не сомкнул:
Всю-то ночку до рассвета
Ни минутинки не снул!

Распопстились близи-дали,
Загорается сыр-бор,
Я в словарь толковый Даля
Утыкаю дикий взор.

В согре спетенью —
выэлыдии
Над блескучею сумой,
Из-под туч изникли
эныдии...
— Мама, я хочу домой!

Не сдержать мне
тяжких вздохов,
Я шепчу, судьбу кляня:
— Ох, зачем ты исполохал,
Изрессохал ты меня!!

От чрезмерной перегрузки
Ошалевший я сижу:
И с лысцовского на русский
До утра перевожу...

ИСТФАК «КЛУБА ДС»

О ПИФИИ, ПЕРСИКАХ И ДР.

К итогам конкурса знатоков древности

ИТАК, АДМИНИСТРАЦИЯ «Клуба ДС» подвела наконец окончательные итоги конкурса знатоков истории—в целях дальнейшего зачисления их на истфак «Клуба 12 стульев» с последующим отчислением в случае какой-нибудь необходимости. В номере «ЛГ» от 25 июня мы опубликовали список мужчин и женщин, принятых на истфак «Клуба ДС» вне конкурса, с указанием убедительных причин, определивших счастливую судьбу названных абитуриентов. Теперь мы назовем других счастливчиков, выдержавших изнурительный экзамен, устроенный им администрацией «Клуба ДС» совместно с тружениками журнала «Новый Сатирикон». Как известно, соискателям исторического счастья было предложено семь вопросов, на которые администрация рекомендовала присылать лишь умные ответы. Говорят, что сколько голов — столько и умов. Однако наш конкурс показал, что голов все-таки значительно больше. И это не может не радовать, ибо есть, значит, добротный резерв в смысле дальнейшей интеллектуализации лиц обоего пола, желающих попасть на истфак. Администрация готова принять их в скором будущем на подготовительные курсы, для чего опубликует, если удастся, несколько популярных лекций под общей редакцией профессора Евг. Сазонова.

А теперь проанализируем поступившие в наше распоряжение умные ответы абитуриентов, которые, надо отдать им должное, стали сегодня студентами истфака «Клуба ДС». Итак, первый вопрос гласил:

Указать разницу между статуей Мемнона и пифией.

Москвич В. Якорь полагает: «Такая же, как между пифией и мафией». Несколько лаконичнее мысль у А. Гжеся из Актюбинска: «Пифия красивше...» Принципиален Н. Тавкин из гор. Вольска Саратовской области, считающий, что разница такая же, как между «Клубом 12 стульев» и кабачком «13 стульев». Ну что ж, из Вольска виднее... Глубокую эрудицию проявил проживающий во Владивостоке В. Швыдченко: «Разница, по-моему, в том, что статуя Мемнона — это произведение зарождающегося искусства, а пифия — это слово, которого нет в «Кратком словаре иностранных слов» (составитель С. Локшина, издательство «Советская энциклопедия», Москва, 1968 г.)». Зоркий взгляд В. Доничева из Горловки Донецкой области определил, что между статуей Мемнона и пифией разница не более, чем между Гидрометцентром и Конгрессом футурологов. «И жинка пифией кидалась на меня, а я стоял, как статуя Мемнона...» — ответил стихами на этот вопрос Э. Теплов из Владивостока. Прекрасная интуиция оказалась у С. Игнатовой из села Киик Новосибирской области: «Не знаю, какая разница, но если пожар, то сначала надо выносить пифию, а уж потом статую...» Много берет на себя москвич С. Ипполитов, утверждающий, что разницы нет никакой, ибо она, мол, за много веков стерлась окончательно. Честный ответ прислал абитуриент из гор. Черновцы В. Райф: «А нам это не объясняли». Ну ничего, мы вам объясним, дорогой товарищ. И наконец, А. Краснобаев из Мурманска: «Мемнон относился к особям мужского пола. Правда, и у пифии было немало положительного. Там не менее, разница есть разница, и с нею приходится считаться...» Ладно, второе задание:

Проследить влияние земледелия на персидских женщин.

Грубо говоря, с этим заданием наши абитуриенты не справились. Видимо, они совсем не знают женщин или сельское хозяйство. Но все-таки нашлись и тут знатоки. Тот же москвич В. Якорь утверждает: «Как показали последние раскопки, влияние происходило в обратном направлении». Житель города Братска А. Половский не без оснований предполагает, что в результате влияния земледелия на персидских женщин на свет появились персики. А москвич Валера Иванов пытается доказать, что вследствие неразвитости земледелия персидские женщины были худенькими и изящными. Хотя объективных доказательств этому история не знает. По мнению заправил «Клуба ДС», наиболее научно обоснованным следует признать мнение Н. Волковой из Ленинграда: «Земледелие оказало на персидских женщин столь прогрессивное влияние, что они стали носить брюки уже при Степане Разине, в то время как мы — только при Муслиме Магомаеве...»

(Из-за недостатка места на полосе — продолжение в следующем номере)

Вит. РЕЗНИКОВ,
декан истфака «Клуба ДС»

Евг. САЗОНОВ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Сауна

Оповестив страну заране,
В Финляндии побыл я
в бане.
В парной читатель-
современник
Мне преподнес лавровый
веник.

Высокие холмы Африки

У подножья Килиманджаро
Попросил я книгу жалоб.
Оказалась книга жалоб
На вершине Килиманджаро.

По-польски

Был в Польше. Танцевал
там польку.
Обшарил в магазине полку.
«Потока» нет. Не протестую.
Раскуплен, видимо, вчистую.

Случай в Ватикане

Папа Римский как католик
Пригласил меня за столик.
Похвалил «Поток» он
бурный.
Видно, человек культурный.

ЧУ-ДА-КИ

Произведения художников С. АШМАРИНА и одного мало еще пока известного художника

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО**

Как нам сообщили из Прегама, знаменитая картина «Некто в голубом» неизвестного художника оказалась подделкой.

● **ИХ НРАВЫ**

Любительскому спорту нанесен еще один удар. Чемпион мира по подледному лову рыбы Артур Щейс перешел в профессионалы: он поступил матросом на рыболовецкий траулер.

● **ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ**

Интересное новшество введено в гор. Удоеве. Шоферам—нарушителям правил уличного движения прокалывается не только талон, но и шина.

ПОДРАЖАНИЯ

Борис ЛАСКИН

Марселю ПРУСТУ

АПЛОДИСМЕНТЫ

ВСЕ БЫЛО абсолютно спокойно, и, не знаю откуда, вдруг появился этот дядечка в синем ватнике. У него был ужасный характер, он никогда не пропускал меня на каток, когда я приходил без билета. Сейчас он прикатил на велосипеде и, как только меня увидел, замахал обеими руками и сказал: «По-моему, это не лучший вариант». А мне на этот раз очень не хотелось уходить. Несмотря на то, что я был обижен, у меня было прекрасное настроение. Я плавал на надувном матраце, и он как тихо покачивался на волнах. И самое-то главное, что мама тоже была на моей стороне. Мама ничего не говорила, она только смеялась, но потом все-таки сказала: «Ему давно пора понять». Тогда я сразу решил: чем так сидеть и ничего не делать, лучше куда-нибудь уехать. И правильно! Как мне это раньше не пришло в голову?.. Уехать, уехать, тем более что поезд стоял почти что рядом, но когда я шагнул вперед, тронулся и поезд. Мне бы надо сесть пораньше, но ничего, ничего... Правда, поезд отошел, и уже нарастала его скорость, но я не мальчик, я соображаю, и я сказал себе «догоню!» и пустился бежать. Жаль, у меня не было с собой секундомера. Даю гарантию, что я прошел стометровку за десять и две. Когда платформа уже кончалась, я с силой оттолкнулся и прыгнул на ступеньку последнего вагона. И самое удивительное — я не ощутил никакого толчка. Я пролетел метров пять или семь и только после этого почувствовал, какая стоит жара. Просто жуткая жара. Нечем дышать. Места, освещенные ярким солнцем, я перебегал, как под обстрелом. Наш старшина покачал головой — «Вот дает!» Но тут я очень удивился, потому что навстречу мне шел Муслим Магомаев и с ним, если не ошибаюсь, Давид Ойстрах—я уже точно не помню. Во всяком случае оба они, если они были вместе, явно обрадовались моему появлению. Но нам не удалось даже поговорить—невесть откуда пришли две женщины, молодая и старая, и та, которая была моложе, сказала, что она от всей души меня поздравляет. Все начали громко аплодировать. Я смутился, потому что понятия не имел, за что мне оказывают такие почести. За что? За какие достижения? Тогда эта женщина, которая все знает, потому что она торгует газетами в киоске на Пушкинской, сказала, что я хорошо пою. Я сказал, что не хорошо, а средне, как все. И тогда Бутырин, который носит нарукавники, закричал: «Дайте ему слово!» Я сказал — пожалуйста. Если меня люди просят, я не могу отказать. Я запел громко, потом еще громче, и как раз в эту секунду мама похлопала меня по плечу и тихо сказала: «Полосуев, здесь не банкет, а собрание членов кассы взаимопомощи. Мало того, что вы спите, вы еще и поете!»

Я сказал: «Ничего похожего. Я сидел с закрытыми глазами и обдумывал, что я сейчас скажу в своем выступлении...»

В отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина хранится незаконченное мемуарное произведение М. А. Булгакова. Некоторые фрагменты этой иронической исповеди знакомят нас — в шутливом и одновременно грустном гротесковом тоне — с началом творческой биографии писателя: с историей его первых журналистских опытов. Итак, молодой литератор пришел в газету. По-видимому, в знаменитый «Гудок». «Малограмотный материал превращал в грамотный и годный к печатанию» — так позже определил свою роль сам Булгаков. А дальше: «...Не припоминаю, почему мне было предложено писать фельетоны... И тут произошел договор... Сочинение фельетона строк в 75—100 отнимало у меня, включая сюда курение и посвистывание, от 18 до 22 минут. Переписка его на машинке, включая сюда и хихиканье с машинисткой, — восемь минут. Словом, в полчаса все заканчивалось».

Булгаков и в самом деле писал с удивительной легкостью. Фельетоны Булгакова занимали почетное место на «гудковских» полосах, соперничая по меткости сатирического обличения с материалами В. Катаева, Ю. Олеши, И. Ильфа и Е. Петрова.

А. ВУЛИС,
доктор филологических наук

ЛАВКА БУКИНИСТА

М. БУЛГАКОВ

«РАЗВРАТНИК»

СТРЕЛОЧНИК кашлянул и вошел к начальству в комнату. Начальство помещалось за письменным столом.

— Здравствуйте, Адольф Ферапонтович, — сказал стрелочник вежливо.

— Чего тебе? — спросило начальство не менее вежливо.

— Я... видите ли, в фактическом браке состою, — вымолвил стрелочник и почему-то стыдливо улыбнулся.

Начальство брезгливо поглядело на стрелочника.

— Ты всегда производил на меня впечатление развратника, — заметило оно, — у тебя и рот чувственный.

Стрелочник окостенел.

Помолчали.

— Я тебя не задерживаю, — продолжало начальство, — ты чего стоишь возле стола? Ежели ты пришел делиться грязными тайнами своей жизни, то они мне не интересны!

— Я? Извольте видеть... Я за билетиком пришел...

— За каким билетиком?

— Жене моей бесплатный билетик.

— Жене? Ты разве женат?

— Я ж докладываю... в фактическом браке.

— Хи-хи... Ты весельчак, как я на тебя погляжу. В каком же ты храме венчался?

— Да я в храме не венчался...

— Где регистрировались, уважаемый железнодорожник? — подчеркнуто сухо осведомилось начальство.

— Да я ж... Я не регистрировался... Я ж докладываю... фактически...

— Ну, видишь ли, друг, у тебя тогда не жена, а содержанка.

— То есть как?..

— Очень просто. Подцепил, плутишка, какую-нибудь балерину, а теперь носится во все стороны. Дай ей, мол, бесплатный билет! Ловкач! Сегодня она бесплатный билет, а завтра она может автомобиль потребовать или моторную лодку. Или международный вагон! Она тебе в свинушнике ездить не станет все равно. Потом шляпку! А за шляпкой — чулки, фильдеперсовые. Пропадешь ты, стрелочник, как собака под забором. Целковых триста она тебе в месяц обойдется. Да это еще не хороший конец, при режиме экономии, а то и все четыреста!

— Помилуйте! — воскликнул стрелочник с легким подвыванием в голосе, — Я сорок целковых получаю!

— Тем хуже. В долги влезешь, векселя начнешь писать. Ахнет она тебе счет от портнихи за платье целковых на сто восемьдесят. У тебя глаза пупом вылезут. Повертишься, повертишься и подмахнешь векселек. Срок придет, платить нечем, ты, конечно, в казино. Проиграешь сперва свои денежки, затем казенных тысяч пять, затем ключ французский гаечный, затем рожок, затем флажки зеленый и красный, затем фонарь, а в заключение — штаны. И сядешь ты на рельсы со своей плясуньей, в чем мать родила. Ну, а потом, конечно, как полагается, тебя будут с треском судить. И закатают тебя, принимая во внимание, со строгой изоляцией. Так, что годиков в пять не уберешь. Нет, стрелочник, брось. Она что, француженка, кокотка-то твоя?

Все перевернулось вверх дном в голове. — Что вы смеетесь? Марья она. Шляпку?.. Что вы такое говорите — шляпку! Она не знает, на какое место эту шляпку надевать. Она щи мне готовит!

— Щи и я тебе могу приготовить, но это не значит, что я тебе жена.

— Помилуйте, да ведь она в одной комнате со мной живет!

— Я с тобой тоже в одной комнате могу жить, но это не доказательство.

— Помилуйте, вы мужчина...

— Это мне и без тебя известно, — сказало начальство.

У стрелочника позеленело в глазах.

Он полез в карман и вынул газету.

— Вот, извольте видеть, «Гудок», — сказал он.

— Какой гудок? — спросило начальство.

— Газетка.

— Мне, друг, некогда сейчас газетки читать. Я их вечером обычно читаю, — сказало начальство, — ты говори короче, что тебе надо, юный красавец?

— Вот написано в «Гудке»... разъяснение, что фактическим, мол, женам, которые проживают вместе с мужем и на его иждивении, выдаются бесплатные билеты... которые... наравне...

— Дружок, — мягко перебило начальство, — ты находишься в заблуждении. Ты, может быть, думаешь, что «Гудок» для меня закон. Голубчик, «Гудок» — не закон, это газета для чтения, больше ничего. А в законе ничего насчет балерин не говорится.

— Так, стало быть, мне не будет билета? — спросил стрелочник.

— Не будет, голубчик, — ответило начальство.

Помолчали.

— До свидания, — сказал стрелочник.

— Прощай и раскайся в своем поведении! — крикнуло ему начальство вслед.

«Гудок», 1926 г.

Публикация В. МЯГКОВА

ЧИТАЛКА «КЛУБА ДС»

НАВСТРЕЧУ ЗЛУ...

Издательство «Правда» выпустило в свет небольшую книжечку фельетонов писателя Леонида Лиходеева под названием «Тайна электричества». В преамбуле сборника своих произведений их автор чистосердечно признается, что это уже пятнадцатая по счету его книжка, то есть книжка, написанная им самим. Не всякий писатель может признаться, что он создал 15 книг. Тем более писатель-сатирик. Фельетон — трудный жанр. Трудный для чтения. Трудный для написания. Леонид Лиходеев — из тех редких фельетонистов, которые прекрасно справляются с отдельными трудностями. Последний сборник писателя составлен из фельетонов, некогда публиковавшихся в «Литературной газете», «Комсомольской правде» и в журнале «Крокодил». Принято считать, что хорошие, злободневные фельетоны не стареют. Книжка, выпущенная издательством «Правды», — еще одно красноречивое доказательство этому. Злые, злободневные фельетоны [illegible] иллюстрированы главным художником журнала «Крокодил» А. Крыловым. [illegible]

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30 Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор). Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—08076 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 539 ИНДЕКС 50067